

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Морис Леблан

**Арсен Люпен –
благородный
грабитель**

Чагрук

Морис Леблан, Эдгар Жепсон

Арсен Люпен — Благородный
грабитель

Морис Леблан

Эдгар Жепсон

«Арсен Люпен, благородный грабитель» (1907) — первый из серии детективов французского писателя Мориса Леблана (1864—1941), принесших их автору мировую известность. Virtuозный грабитель, подчиняющийся лишь своему собственному кодексу чести, никогда не сдается. И особенно захватывающей становится игра в “полицейские и воры”, когда на его пути встает непобедимый английский сыщик Херлок Шолмс. Удастся ли джентльмену-грабителю переиграть знаменитого джентльмена с Бейкер-стрит (ведь именно его нетрудно узнать под несколько измененным именем)? Как бы то ни было, но за ходом этого поединка почти целое столетие следят миллионы поклонников Мориса Леблана и его обаятельнейшего героя Арсена Люпена.

Арест Арсена Люпена

Злосчастное плавание! Но как приятно оно началось! Признаться, никогда в жизни ни одно путешествие не сулило мне столько радости. «Прованс» — так назывался наш быстроходный, наш комфортабельный тихоокеанский лайнер. Командовал им милейший из людей. На борту собралось самое изысканное общество. Пассажиры завязывали новые знакомства, придумывали всякие развлечения. Нами овладело несказанно радостное ощущение оторванности от мира; казалось, это не корабль, а необитаемый остров, люди, оказавшись на нем в полной изоляции, неизбежно должны были сблизиться.

И мы сближались...

Думали ли вы когда-нибудь, каким необычным, непредсказуемым может оказаться подобное объединение людей: еще вчера они не знали друг друга, а теперь им предстояло прожить несколько дней в своем узком кругу, между бесконечным пространством неба и бескрайним морем, и вместе бросать вызов разгневанной океанской стихии, выдерживать ужасающий натиск волн и пугающее затишье дремлющих вод?

По сути это и есть жизнь, но как бы спрессованная в короткое трагическое действие, жизнь с ее необузданными страстями и величием, монотонностью и разнообразием; наверное, именно поэтому люди с такой лихорадочной поспешностью стремятся насладиться коротким путешествием, особенно соблазнительным оттого, что конец его виден уже в начале.

Но в последние несколько лет происходит нечто такое, что придает какую-то странную окраску эмоциям, переживаемым во время рейса. Маленький плавучий остров сохраняет принадлежность тому миру, от которого, казалось, пассажиры освободились. Связь сохраняется, но в открытом океане она вдруг потихоньку ослабевает, а затем, также в открытом океане, понемногу крепнет. Беспроволочный телеграф, зов из другого мира! Ведь новости, поступающие оттуда, передаются таким загадочным способом! Воображение уже не в силах уцепиться за образ проводов, по которым скользит невидимое послание. И загадка кажется совсем неразрешимой, но вместе с тем очень поэтичной, так что для объяснения нового чуда приходится прибегать к сравнению его с крылатым ветром.

Таким образом, в первые часы мы чувствовали, как за нами следует, нас

сопровождает, даже опережает далекий голос, время от времени нашептывающий кому-то из нас несколько слов из дальнего далека. Два друга поговорили со мной. Десять — двадцать других послали всем, сквозь разделяющее нас пространство, грустные или веселые прощальные весточки.

Но вот на второй день в пятистах милях от французских берегов, в грозовой послеобеденный час беспроволочный телеграф передал телеграмму следующего содержания:

«На борту вашего судна находится Арсен Люпен, в первом классе, блондин, рана на правой руке, путешествует один, под именем Р...»

И в этот момент сильный удар грома потряс затянутое тучами небо. Произошло замыкание. Конец депеши до нас не дошел. Мы узнали только первую букву имени, под которым скрывался Арсен Люпен.

Если бы речь шла о любой другой новости, ничуть не сомневаюсь: телеграфисты, так же как вахтенный офицер и капитан корабля, скрыли бы эту тайну. Но бывают события, которых не утаишь даже при самой строгой конспирации. В тот же день, неизвестно каким образом, тайну разгласили, и все узнали, что знаменитый Арсен Люпен плывет на нашем корабле.

Арсен Люпен среди нас! Неуловимый грабитель, о подвигах которого все газеты шумят уже несколько месяцев! Загадочная личность, противник старины Ганимара, объявившего преступнику войну не на жизнь, а на смерть, войну, за ходом которой все следили с таким упоением!

Арсен Люпен, изобретательный грабитель и джентльмен, — он орудовал только в замках и салонах! — однажды ночью проник в особняк барона Шормана, но... ушел с пустыми руками, оставив, правда, визитную карточку, разукрашенную таким текстом: «Арсен Люпен, джентльмен-грабитель, вернется, когда мебель будет подлинной». Арсен Люпен — человек с тысячью масок: то он шофер, то тенор, то букмекер, а то... юноша из хорошей семьи, подросток, старик, коммивояжер из Марсея, русский врач, испанский тореадор!

Вы только представьте себе: Арсен Люпен разгуливает по палубам нашего теплохода, по довольно ограниченному пространству, — да что я говорю! — просто по пятаку, отведенному пассажирам первого класса, и в любую минуту может появиться в столовой, в гостиной или курительной комнате! А вдруг вот тот господин и есть Арсен Люпен... или, к примеру, этот... мой сосед по столику или каюте...

— И это будет длиться еще пятеро суток! — воскликнула на следующий

день мисс Нелли Андердаун. — Просто невыносимо! Я очень надеюсь, что его арестуют.

И, обратившись ко мне, спросила:

— Кстати, месье Андрези, вы ведь уже подружились с капитаном. Вам ничего не известно?

Как бы мне хотелось знать хоть немного, чтобы угодить мисс Нелли! Она была из тех чудных созданий, которые везде, где бы ни находились, сразу оказываются в центре внимания. Их красота в совокупности с богатством ослепляет. У них всегда есть свой двор, поклонники, воздыхатели.

Мисс Нелли выросла в Париже, у матери-француженки, а теперь ехала к отцу, богачу Андердауну из Чикаго. Сопровождала ее одна из подруг, леди Джерланд.

С самого начала я решил приударить за мисс Нелли. Но познакомившись поближе, что быстро происходит во время путешествия, был просто очарован; когда ее огромные черные глаза встречались с моими, я чувствовал такое сильное волнение, какого не бывает при обычном флирте.

Кстати, мои знаки внимания она принимала довольно благосклонно. Удостаивала улыбкой остроты и с интересом выслушивала анекдоты. Казалось, легкая симпатия была ответом на ревностное служение, которое я всячески демонстрировал ей.

Пожалуй, лишь один соперник мог внушать мне опасения: это был довольно привлекательный, элегантный и сдержанный молодой человек, чью молчаливую сосредоточенность она, судя по всему, предпочитала моим парижским манерам, рассчитанным скорее на внешний эффект.

Когда мисс Нелли задала мне свой вопрос, молодой человек тоже находился среди окружавших ее воздыхателей. Мы сидели на палубе, удобно расположившись в креслах. Небо очистилось после вчерашней грозы. Погода была восхитительной.

— Ничего определенного я не знаю, мадемуазель, — ответил я, — но почему бы нам самим не провести расследование, как сделал бы это старина Ганимар, личный враг Арсена Люпена?

— О! Вы слишком самонадеянны!

— Отчего же? Разве это такое трудное дело?

— Очень трудное.

— Но вы забываете о сведениях, которыми мы располагаем для решения проблемы.

— Каких сведениях?

— Во-первых, месье Люпен зовется месье Р.

— Довольно неопределенная деталь.

— Во-вторых, он путешествует один.

— Неужели это обстоятельство о чем-то говорит?

— В-третьих, он блондин.

— Ну и что?

— А то, что нам остается только просмотреть список пассажиров и вычеркнуть по очереди тех, кто вне подозрений.

Список этот лежал у меня в кармане. Я достал его и пробежал глазами.

— Прежде всего должен отметить, что на борту только тринадцать человек с инициалами, заслуживающими нашего внимания.

— Только тринадцать?

— В первом классе — да. Из этих тринадцати господ Р. девять, как вы можете убедиться, путешествуют в окружении женщин, детей и прислуги. Остается четверо одиноких пассажиров: маркиз де Равердан...

— Секретарь посольства, — перебила мисс Нелли, — я его знаю.

— Майор Роусон.

— Это мой дядя, — пояснил кто-то.

— Месье Ривольта...

— Здесь... — воскликнул один из присутствующих, итальянец, лицо которого утопало в бороде роскошнейшего черного цвета.

Мисс Нелли расхохоталась.

— Месье не совсем блондин.

— Тогда, — продолжил я, — мы вынуждены заключить, что виновный стоит последним в списке.

— То есть?

— Это месье Розен. Кто-нибудь знает, кто такой месье Розен?

Все молчали. Но мисс Нелли, обратившись к молчаливому молодому человеку, чье настойчивое внимание к ней задевало меня, спросила:

— Ну же, месье Розен, почему вы не отвечаете?

Взгляды присутствующих обратились к нему. Он был белокур.

Признаюсь честно, я почувствовал, как что-то оборвалось у меня внутри. Но смущенное молчание, нависшее над нами, подсказало мне, что и другие свидетели этой сцены испытывали то же ощущение подавленности. Между прочим, все это выглядело абсурдным, ибо в конце-то концов ничто в поведении этого господина не вызывало и тени подозрений.

— Почему я не отвечаю? — произнес он. — Но именно потому, что, сопоставив свое имя, положение одинокого путешественника и цвет волос,

я уже провел аналогию и пришел к тому же выводу. Полагаю, меня следует арестовать.

Произнося эти слова, он странно изменился в лице. Его узкие губы, две нестигаемые линии, сузились еще больше и побледнели. Глаза прорезали красные прожилки.

Разумеется, он шутил. Однако его лицо, поза произвели на нас большое впечатление. Мисс Нелли простодушно спросила:

— Но у вас ведь нет раны?

— Действительно, — сказал он, — раны недостает.

Нервным жестом он завернул манжет и обнажил руку. И тут же меня осенило. Глаза мои встретились с глазами мисс Нелли; он показал левую руку.

Клянусь вам, я уже собирался совершенно определенно высказаться по этому поводу, как вдруг другое событие отвлекло наше внимание. Запыхавшись, прибежала леди Джерланд, подруга мисс Нелли.

Она выглядела потрясенной. Мы сбились в кучу вокруг нее, но только сделав над собой усилие, девушка пролепетала:

— Мои драгоценности, жемчуг!.. Все пропало!..

Нет, как мы узнали позже, взяли не все, и самое любопытное — брали с разбором!

Бриллиантовую звезду, кулон с рубиновым кабошоном; из разбитых коле и браслетов были извлечены камни, но не самые крупные, а самые изысканные, дорогие, то есть именно те, что при максимальной стоимости были минимальны по размеру. Оправы лежали тут же, на столе. Я увидел — все мы увидели — эти оправы, утратившие драгоценное содержание и ставшие похожими на цветы с оборванными красивыми лепестками, сверкавшими и переливавшимися прежде.

И чтобы проделать всю эту операцию в тот час, когда леди Джерланд пила чай, то есть среди бела дня, понадобилось всего-навсего взломать дверь каюты в людном коридоре, найти маленький мешочек, предусмотрительно спрятанный в шляпную коробку, развязать его и выбрать то, что надо!

Все мы ахнули в один голос. А когда о краже стало известно другим пассажирам, сложилось единое мнение: это Арсен Люпен. И действительно, то был его ухищренный, таинственный, немислимый... и вместе с тем логичный почерк: если бы он взял драгоценности целиком, то получилась бы внушительная кучка, которую нетрудно обнаружить, но насколько легче было спрятать разрозненные крохотули: жемчуг, изумруды, сапфиры!

За обедом произошло следующее: справа и слева от Розена опустели два места. А вечером стало известно, что его вызвал капитан.

Арест молодого человека никого не удивил и принес подлинное облегчение. Наконец-то можно было вздохнуть. В тот вечер мы развлекались понемногу. Танцевали. Мисс Нелли особенно бурно веселилась, и это убедило меня в том, что, хотя знаки внимания со стороны Розена были ей прежде приятны, теперь она о нем не вспоминала. Изящество девушки окончательно покорило меня. Около полуночи, при ясном свете луны, я клялся ей в своей преданности с волнением, которое, судя по всему, не было ей безразлично.

Но на следующий день, ко всеобщему изумлению, обнаружилось, что обвинения, выдвинутые против Розена, были несостоятельны и его освободили.

Розен, сын крупного коммерсанта из Бордо, представил документы, которые оказались в абсолютном порядке. Кроме того, на его руках не оказалось никаких следов раны.

— Документы! Свидетельства о рождении! — восклицали противники Розена. — У Арсена Люпена их сколько угодно! Что же касается раны, ее у него просто не было... или он сумел свести следы!

Им возражали: дескать, в момент кражи Розен — это было подтверждено — прогуливался по палубе. На что они отвечали:

— Когда человек породы Арсена Люпена совершает кражу, ему не обязательно присутствовать при этом...

Ведь если отбросить все остальные доказательства, существовал один пункт, который даже самые отпетые скептики не могли опровергнуть. Кто, кроме Розена, путешествовал в одиночку, был белокур и носил фамилию, начинающуюся на букву Р? Так на кого же указывала телеграмма, если не на Розена?

И когда за несколько минут до завтрака Розен храбро устремился к нашей группе, мисс Нелли и леди Джерланд встали и ушли.

Они просто-напросто испугались.

Через час обслуживающий персонал, матросы, пассажиры всех классов уже читали и передавали друг другу рукописный документ: месье Луи Розен обещал десять тысяч франков тому, кто разоблачит Арсена Люпена или обнаружит похитителя драгоценностей.

«И если никто не придет мне на помощь и не выступит против этого бандита, — заявил Розен капитану, — я сам с ним разделаюсь».

Розен против Арсена Люпена, или, как сострил кто-то, Арсен Люпен против самого себя — такая схватка не лишена интереса!

Продлилась она два дня.

Все видели, как Розен мечется во все стороны, подходит к обслуживающему персоналу, спрашивает, рыщет. А ночью бродит по палубе, как черная тень.

Капитан тоже развернул бурную деятельность. «Прованс» осмотрели снизу доверху, обшарили все углы. Обыскали все без исключения каюты под вполне разумным предлогом, что ворованные вещи наверняка спрятаны где угодно, но не в каюте преступника.

— В конце концов что-нибудь да обнаружат, не так ли? — спрашивала меня мисс Нелли. — Каким бы колдуном ни был этот Люпен, ему не удастся сделать бриллианты и жемчуга невидимыми.

— Ну конечно, — отвечал я, — в таком случае нам бы следовало заглянуть за подкладки наших шляп, пиджаков, осмотреть все, что на нас надето.

И показав на мой «Кодак», которым я без конца фотографировал ее в разнообразнейших позах, добавил:

— Даже в аппарате величиной не больше этого хватило бы места для всех драгоценных камней леди Джерланд, вы согласны? Достаточно притвориться, что снимаешь, и дело в шляпе.

— Однако я слышала, что не бывает воров, не оставляющих никаких следов.

— Такой только один: Арсен Люпен.

— Как ему это удается?

— Как? Он всего-навсего продумывает не только предстоящую кражу, но и все обстоятельства, которые могут выдать его.

— Вначале вы больше верили в успех.

— Но ведь теперь я видел его в деле.

— И что же, по-вашему, будет?

— По-моему, мы зря тратим время.

И действительно, поиски не дали никаких результатов, а если и дали, то полученный итог — исчезли часы капитана — не имел отношения к всеобщим усилиям.

Разъяренный капитан удвоил рвение, еще пристальнее стал следить за Розеном и несколько раз вызывал его на беседы. На следующий день — ирония судьбы — часы были обнаружены среди пристяжных воротничков его старшего помощника.

История с часами была похожа на фокус и явно выдавала шуточные повадки Арсена Люпена, грабителя, конечно, но грабителя, действовавшего из любви к искусству. Бесспорно, воровал он по призванию, но бывало и

ради развлечения. Создавалось впечатление, что этот господин забавляется, присутствуя на представлении пьесы, которую сам поставил, и, стоя за кулисами, хохочет во все горло, наслаждаясь остротами и мизансценами, придуманными им самим.

Определенно он был в своем жанре артистом, и я, глядя на мрачного и непреклонного Розена, думая о той двойной роли, которую, без сомнения, играл этот удивительный человек, не мог говорить о нем без некоторого восхищения.

Однако позавчера ночью вахтенный офицер услышал, как кто-то стонет в самом темном углу палубы. Приблизился. Перед ним лежал человек; голова его была замотана толстым серым шарфом, запястья связаны тонкой веревкой.

Несчастливого освободили от пут. Подняли, оказали помощь.

И выяснилось, что это Розен.

Да, Розен, на которого напали во время одной из его ночных экспедиций, свалили с ног и обобрали. На визитной карточке, приколотой булавкой к его одежде, было написано:

«Арсен Люпен с благодарностью принимает десять тысяч франков от месье Розена».

На самом деле в украденном бумажнике лежали не десять, а двадцать купюр по тысяче франков.

Естественно, беднягу обвинили в том, что он разыграл это нападение, то есть напал сам на себя. Но помимо того, что самому так связать себя невозможно, примечательным было другое: почерк на карточке совершенно не похож на почерк Розена, и более того, очень напоминает — просто не отличишь — почерк Арсена Люпена, воспроизведенный в найденной на борту старой газете.

Итак, Розен больше не был Арсеном Люпеном. Розен опять стал Розеном, сыном торговца из Бордо! А присутствие Арсена Люпена подтвердилось в очередной раз, да еще каким ужасным образом!

Началась паника. Пассажиры не решались теперь оставаться по одному в каюте и тем более не отваживались гулять в слишком уединенных местах. Потихоньку люди стали группироваться по принципу взаимного доверия. Но в то же время инстинктивная настороженность разделяла ближайших друзей. Потому что угроза уже исходила не от какой-то одной, оказавшейся под подозрением и, следовательно, не столь уж опасной личности. Теперь Арсеном Люпеном... стал каждый. Наше до предела взбудораженное воображение приписывало ему чудесное и безграничное могущество.

Полагали, что он способен принимать самые неожиданные обличья, по очереди быть почтенным майором Роусоном или благородным маркизом Раверданом и даже — поскольку разоблачительная буква Р теперь уж никому не мешала думать по-своему — любым другим пассажиром, имеющим жену, детей и прислугу.

Первые беспроводные депеши не добавили ничего нового. Во всяком случае капитан помалкивал, и это молчание далеко не способствовало нашему спокойствию.

Вследствие чего последний день показался нам бесконечным. Мы жили в тревожном ожидании несчастья. На сей раз это будет уже не кража и не просто нападение, а настоящее преступление — убийство. Никто не мог допустить, что Арсен Люпен ограничится двумя ничтожными кражами. Безраздельно господствуя на судне, где деятельность властей сведена к нулю, он, стоило ему захотеть, мог все себе позволить, мог распорядиться богатством и жизнью пассажиров, как заблагорассудится.

Для меня, признаться, это было восхитительное время, так как в эти часы мисс Нелли начала мне доверять. Взволнованная столькими событиями, она инстинктивно искала защиты, безопасности, и я счастлив был их ей предоставить.

В глубине души я благословлял Арсена Люпена. Разве не он сблизил нас? И разве не ему я обязан тем, что приобрел право витать высоко в облаках на крыльях красивой мечты? Мечты о любви и мечты более прозаической, зачем скрывать? Андрези — достойный пуатвинский род, но их герб поутратил позолоту, и мне кажется, нет ничего недостойного в том, что некий джентльмен желает вернуть этой фамилии утраченный блеск.

Я чувствовал: мои мечты ничуть не оскорбили бы мисс Нелли. Ее улыбающиеся глаза позволяли мне так думать. А мягкий голос внушал надежду.

До последней минуты мы стояли рядом, опершись на борт, а кромка американских берегов плыла нам навстречу.

Обыски были прекращены. Оставалось лишь ждать. Все пассажиры, и в первом классе, и на нижней палубе, кишашей эмигрантами, предвкушали минуту торжества, когда наконец объяснится неразрешимая загадка. Кто был Арсеном Люпеном? Под каким именем, под какой маской скрывается знаменитый грабитель?

И эта высочайшая минута наступила. Проживи я и до ста лет, никогда не забуду ни одной ничтожной подробности этого момента.

— Как вы бледны, мисс Нелли, — сказал я своей спутнице, которая в полном изнеможении оперлась на мою руку.

— А вы! — ответила мне она. — Вы так переменились в лице!

— Ничего удивительного! Я так счастлив, что переживу эти волнующие мгновения вблизи вас, мисс Нелли. Мне кажется, что и вы когда-нибудь вспомните...

Тяжело дыша от лихорадочного возбуждения, она не слушала меня. Мостик опустился. Но прежде чем нам разрешили свободно ступить на него, на борт поднялась группа людей: таможенники, люди в униформе, почтовые служащие.

— Если окажется, что Арсен Люпен сбежал во время плавания, я не удивлюсь, — прошептала мисс Нелли.

— Быть может, он предпочел смерть бесчестью и потонул в атлантической пучине, чтобы не подвергаться аресту.

— Не смейтесь, — сердито сказала она.

Но вдруг я задрожал. Она спросила меня, что случилось, и я ответил:

— Посмотрите на того маленького старичка, что стоит в конце мостика...

— С зонтиком и в сюртуке оливкового цвета?

— Это Ганимар.

— Ганимар?

— Да, знаменитый сыщик, поклявшийся арестовать Арсена Люпена лично. О! Я понимаю, что до этого берега океана сведения еще не дошли, и Ганимар приехал раньше. Он очень не любит, когда кто-нибудь вмешивается в его делишки.

— Значит, преступник наверняка будет пойман?

— Кто знает! Ганимар, кажется, никогда не видел Люпена без грима и переодетым. Если только ему не известно его вымышленное имя...

— О! — произнесла она с безжалостным женским любопытством, — как бы мне хотелось присутствовать при его аресте!

— Немного терпения. Конечно, Арсен Люпен уже заметил присутствие своего врага. Он постарается выйти одним из последних, когда глаз старика уже устанет.

Высадка началась. Опершись на свой зонтик, с виду абсолютно индифферентный Ганимар вроде бы не обращал внимания на толпу, суетившуюся между перилами. Я заметил, что вахтенный офицер, стоя сзади него, давал время от времени пояснения.

Маркиз де Равердан, майор Роусон, итальянец Ривольта продефилировали мимо меня, затем пошли другие, много других... и я увидел, что ко мне приближается Розен.

Бедный Розен! Он, кажется, так и не оправился от своих злоключений!

— Может быть, это все-таки он, — сказала мне мисс Нелли. — Как по-вашему?

— Я думаю, что было бы очень интересно запечатлеть на одной фотографии Ганимара и Розена. Возьмите мой аппарат, я слишком нагружен.

Я протянул ей мой «Кодак», но слишком поздно, она не успевала сделать снимок. Розен уже прошел. Офицер наклонился к уху Ганимара, тот слегка пожал плечами, и Розен проследовал дальше.

Бог ты мой, кто же тогда Арсен Люпен?

— Да, — громко сказала она, — кто же он?

Осталось не более двадцати человек. Она поочередно оглядела их, втайне опасаясь, что он окажется среди них.

— Дальше ждать мы не можем, — обратился я к ней.

Мисс Нелли пошла вперед. Я — за ней. Мы не сделали и десяти шагов, а Ганимар уже преградил нам дорогу.

— В чем дело? — воскликнул я.

— Минуточку, месье, вы ведь не торопитесь?

— Я сопровождаю мадемуазель.

— Минуточку, — повторил он более властным тоном.

Ганимар очень внимательно изучил мое лицо, затем, глядя мне прямо в глаза, спросил:

— Арсен Люпен, не так ли?

Я расхохотался:

— Нет, всего-навсего Бернар д'Андреzi.

— Бернар д'Андреzi умер три года назад в Македонии.

— Если бы Бернар д'Андреzi умер, меня бы тоже не было на этом свете. Однако я здесь. Вот мои документы.

— Да, это его документы. И я с удовольствием расскажу, как они к вам попали.

— Вы с ума сошли! Арсен Люпен плыл на теплоходе под фамилией, начинающейся с буквы Р.

— Да, еще одна ваша уловка, ложный след, по которому вы всех там пустили! О! Вы очень сильный противник, дружище. Но на этот раз удача изменила вам. Ну же, Люпен, докажите, что вы настоящий игрок.

Секунду я колебался. Резко повернувшись, Ганимар задел мою правую руку. Я вскрикнул от боли. Он разбередил еще не зажившую рану, о которой говорилось в телеграмме. Что ж, надо было смириться. Я повернулся к мисс Нелли. Она слушала, прозрев наконец и еле держась на ногах.

Ее взгляд встретился с моим, затем опустился на «Кодак», который я ей передал. Она быстро отвернулась, и мне показалось, я был почти уверен, что она поняла. Да, все находилось там, между узкими мехами из черной кожи, внутри маленького аппарата, который я предусмотрительно вручил ей до того, как Ганимар арестовал меня, именно в нем были спрятаны двадцать тысяч франков Розена, а также жемчуга и бриллианты леди Джерланд.

О! Клянусь, в тот торжественный момент, когда Ганимар и двое его помощников обступили меня, все вокруг стало мне безразлично, за исключением одного: как поступит мисс Нелли с сокровищем, которое я ей доверил.

Я совсем не боялся того, что в ее руках очевидная и неопровержимая улика против меня, и думал лишь о том, решится ли мисс Нелли предъявить ее?

Неужели она предаст меня, станет орудием расправы надо мной? Неужели поведет себя как враг, который не умеет прощать, или же останется женщиной, и в память о том, что было между нами, смягчит свое презрение долей снисходительности и невольной симпатии?

Когда она проходила мимо, я очень низко склонился перед ней, не произнеся ни слова. Смешавшись с толпой других пассажиров, мисс Нелли направилась к мостику, держа мой «Кодак» в руке.

Конечно, думал я, она не решается отдать его на глазах у всех. А через час или через минуту сделает это.

Но дойдя до середины мостика, девушка, притворившись, что споткнулась, уронила фотоаппарат в воду между гранитом набережной и бортом судна.

И я увидел, как она удаляется.

Красивый силуэт мисс Нелли затерялся в толпе, мелькнул еще раз и исчез. Все было кончено, кончено навсегда.

Опечаленный и растроганный, я с минуту стоял неподвижно, затем, к великому удивлению Ганимара, со вздохом сказал:

— Как же все-таки плохо быть нечестным человеком...

Вот так однажды зимним вечером Арсен Люпен изложил мне историю своего ареста. Благодаря случайным происшествиям, которые я когда-нибудь опишу, между нами установилась некая связь... могу ли я назвать ее дружбой? Да, смею думать, что Арсен Люпен испытывает ко мне дружеские чувства и именно как друг приходит ко мне без предупреждения; с его приходом в тишину моего рабочего кабинета врывается молодой задор, отголоски увлекательной жизни, хорошее

настроение, как будто этому человеку судьба дарует лишь милости и улыбки.

Как он выглядел? Смогу ли я описать Арсена Люпена? Я видел его раз двадцать, и всякий раз передо мной появлялся другой человек... скорее тот же, но отразившийся в двадцати зеркалах, отбросивших столько же искаженных образов; у каждого — особые глаза, особая форма лица, своеобразные жесты, силуэт и характер.

— Я сам уже не совсем понимаю, кто я такой, — говорил он мне. — Не узнаю себя в зеркале.

Шутка, конечно, парадокс, но в то же время правда, если иметь в виду тех, кто с ним встречался, не зная его бесконечных возможностей, терпения, искусства грима, поразительной способности изменять в своем облике все, вплоть до пропорций лица, и даже нарушать соотношение черт между собой.

«Почему, — спрашивал он иногда, — у меня должна быть какая-то определенная внешность? И зачем подвергать себя опасности, оставаясь всегда одинаковым? Меня нетрудно узнать и по моим поступкам».

А затем с некоторой гордостью уточнял:

— Пусть никто и никогда не сможет с полной уверенностью сказать: это Арсен Люпен. Главное, чтобы все безошибочно говорили: это сделал Арсен Люпен.

Я пытаюсь восстановить только отдельные его поступки и кое-какие из его приключений, основываясь на откровенных рассказах, которыми он любезно делился со мной зимними вечерами в тиши моего рабочего кабинета.

Арсен Люпен в тюрьме

Всякий уважающий себя турист изучает берега Сены, и вряд ли, переходя от развалин Жюмьежа к руинам Сен-Вандрия, он не обратит внимания на небольшой и странный феодальный замок Малаки^[1], гордо взметнувшийся над утесом посреди реки. Арка моста соединяет замок с дорогой. Фундамент темных башен врастает в поддерживающую его огромную гранитную глыбу, оторвавшуюся, видно, от горы и скатившуюся сюда в результате какого-то мощного подземного толчка. А вокруг игриво журчат среди тростника спокойные воды великой реки и, рассевшись на мокрых каменных гребнях, трепещут трясогузки.

История замка Малаки сурова, как его название, изломана, как его силуэт. В ней — только битвы, осады, приступы, грабежи и бойни. По вечерам жители Ко с ужасом вспоминают о преступлениях, в нем совершенных, рассказывают таинственные легенды. Например, о знаменитом подземном ходе, который когда-то соединял монастырь Жюмьеж с усадьбой Аньес Сорель, прекрасной возлюбленной Карла VII.

В этом древнем пристанище героев и разбойников живет барон Натан Каорн, барон-сатана, как называли его когда-то на бирже, где он слишком уж внезапно разбогател. Разорившиеся сеньоры Малаки вынуждены были продать ему «за кусок хлеба» поместье своих предков. Он разместил в замке свою великолепную коллекцию мебели, картин, фарфора и деревянной скульптуры. Новый хозяин живет здесь один с тремя старыми слугами. Никто и никогда не бывает в замке. И никто и никогда в этих древних залах не созерцал принадлежавших ему трех полотен Рубенса, двух Ватто, кафедру работы Жана Гужона и других чудесных творений, вырванных из рук богатейших завсегдатаев публичных распродаж с помощью банкнот.

Барон-сатана живет в страхе. Он боится не за себя, а за сокровища, собранные с такой неумемной страстью и прозорливостью любителя, — ведь даже наихитрейшие торговцы не могли похвастаться, что ввели его в заблуждение. Он любит их, свои безделушки. Неистово, как скупец, ревниво, как влюбленный.

Каждый день на закате солнца все четыре обитые железом двери, закрывающие проход с обеих сторон моста, и далее — внутрь главного двора, запирают на засов. От малейшего удара электрические звонки будут

звенеть в тишине. Со стороны же Сены опасаться нечего: там отвесный обрыв скалы.

Но однажды в сентябре, в пятницу, как обычно, на валу у моста появился почтальон. И как всегда, тяжелую створку двери приоткрыл сам барон.

С предельной тщательностью, будто и не знал пришедшего несколько лет, барон всматривался в добрую веселую физиономию и лукавые крестьянские глаза почтальона, а тот со смехом обратился к нему:

— Это я, господин барон, опять я. Никто другой не напяливал на себя мою куртку и фуражку.

— Поди угадай! — пробормотал Каорн.

Почтальон вручил ему пачку газет. Затем добавил:

— А теперь, господин барон, есть кое-что новенькое...

— Новенькое?

— Письмо... заказное к тому же.

Живя в одиночестве, без друзей, барон, которым никто не интересовался, никогда не получал писем, и потому появление конверта представилось ему событием, не предвещающим ничего хорошего, событием, которого следует опасаться. Кто был этот таинственный корреспондент, потревоживший барона в его уединении?

— Нужно расписаться, господин барон.

Тот с ворчанием поставил подпись. Взяв письмо, барон подождал, пока почтальон не исчез за поворотом дороги, и, потоптавшись немного, облокотился на парапет моста, а затем вскрыл конверт. В нем лежал лист бумаги в клеточку; вверху — написанная от руки пометка: «Тюрьма Санте, Париж». Барон взглянул на подпись: «Арсен Люпен». Удивившись, он стал читать:

«Господин барон,

В галерее, соединяющей две гостиные вашего замка, находится изумительная по манере письма картина Филиппа де Шампenea, которая нравится мне чрезвычайно. Ваши полотна Рубенса и самая маленькая работа Ватто также в моем вкусе.

Справа в гостиной меня привлекают сервант времен Людовика XIII, гобелены Бове, столик в стиле ампира работы Жакоба и ларь эпохи Ренессанса. А в левой гостиной — собрание драгоценностей и миниатюр, все целиком.

На сей раз я удовольствуюсь упомянутыми вещами, сбыт которых, полагаю, не составит труда. Поэтому прошу вас хорошенько упаковать

их и переслать на мое имя (с оплатой доставки) на вокзал Батиньоль в течение этой недели, не позже... иначе я сам займусь их перевозкой в ночь со среды 27 на четверг 28 сентября. И тогда уж, справедливости ради, не ограничусь вышеназванными предметами.

Примите извинения за причиненное Вам небольшое беспокойство, а также уверения в почтительнейшем уважении.

Арсен Люпен.

P.S. Главное, не посылайте мне вашего большого Ватто. Хоть вы и заплатили за него в Торговом зале тридцать тысяч франков, эта картина всего лишь копия, оригинал был сожжен Баррасом во время какой-то ночной оргии в эпоху Директории. Можете проверить этот факт по неизданным «Мемуарам» Гарата.

Я не настаиваю также на получении ожерелья эпохи Людовика XV, подлинность которого, на мой взгляд, сомнительна».

Письмо потрясло барона Каорна. Подобное послание, будь оно написано кем-то другим, само по себе сильно встревожило бы его, но подписанное Арсеном Люпенем!

Барон, завзятый читатель газет, был в курсе всех совершающихся вокруг краж и преступлений, мимо его внимания не прошел ни один «подвиг» адского грабителя. И разумеется, ему было известно, что Люпен, арестованный в Америке его врагом Ганимаром, действительно находился в тюрьме, что готовилось — но с каким трудом! — судебное разбирательство. Но тем не менее барон понимал, что от такого человека, как Люпен, можно ожидать чего угодно. Кстати, столь скрупулезное знание замка, расположения картин и мебели было наитревожнейшим знаком. Кто снабдил его информацией о вещах, которых никто не видел?

Барон поднял глаза, оглядел суровый силуэт Малаки, его обрывистые стены, огибающий их глубокий ров, наполненный водой, и пожал плечами. Нет, решительно никакой опасности нет. Никто в мире не смог бы проникнуть в неприступную цитадель, где хранятся его коллекции.

Никто в мире, положим это так, но Арсен Люпен? Разве его остановят двери, подъемные мосты, крепостные стены? К чему изощреннейшие преграды, самые тщательные меры предосторожности, если Арсен Люпен решил достичь своей цели?

В тот же вечер барон написал прокурору Республики в Руан. Послал ему полное угроз письмо с требованием помощи и защиты.

Ответ пришел незамедлительно: поскольку упомянутый Арсен Люпен в настоящее время содержится в тюрьме Санте под строгим наблюдением и

не имеет возможности писать, полученное бароном послание есть не что иное, как розыгрыш мистификатора. Логика, здравый смысл и очевидные факты — все свидетельствует об этом. Однако для пущей предосторожности письмо было подвергнуто экспертизе, и графолог заявил, что, несмотря на некоторое сходство, данный почерк не является почерком заключенного.

«Несмотря на некоторое сходство», — барон запомнил только эти три устрашающих слова, в которых усмотрел признаки сомнения; одного этого, считал он, было достаточно для вмешательства правосудия. Барон был доведен до отчаяния своими страхами. Он читал и перечитывал письмо. «Я сам займусь их перевозкой». Да еще эта точная дата: ночь со среды 27 на четверг 28 сентября!..

Подозрительный и замкнутый, барон не решался довериться слугам, преданность которых казалась ему неискренней. Однако впервые за много лет он испытывал потребность поделиться, посоветоваться. Брошенный на произвол судьбы правосудием страны, барон уже не надеялся защититься своими собственными средствами и был почти готов отправиться в Париж с мольбами о помощи к какому-нибудь старому полицейскому.

Прошло два дня. На третий, читая газеты, он задрожал от радости. «Ревей де Кодебек» опубликовала следующую заметку:

«Вот уже почти три недели мы имеем удовольствие принимать в нашем городе главного полицейского инспектора Ганимара, одного из ветеранов службы безопасности. Месье Ганимар, приобретший благодаря своему последнему подвигу, аресту Арсена Люпена, европейскую славу, отдыхает от долгих и тяжелых трудов, ловя пескарей и уклеек».

Ганимар! Именно такого помощника искал барон Каорн! Кто, помимо изворотливого и настойчивого Ганимара, сможет расстроить планы Люпена?

Барон больше не колебался. Шесть километров отделяют замок от небольшого городка Кодебек. Он преодолел их бодрым шагом, как подобает человеку, окрыленному надеждой на спасение.

Предприняв несколько безуспешных попыток узнать адрес главного инспектора, барон отправился в редакцию «Ревей», расположенную прямо на набережной. Он нашел там редактора заметки, который, подойдя к окну, воскликнул:

— Ганимар? Но вы наверняка встретили его на берегу реки, с удочкой в руках. Там мы и познакомились, я случайно прочел его имя,

выгравированное на удочке. Видите того старикашку, вон там, под деревьями на аллее?

— В сюртуке и соломенной шляпе?

— Именно! О! Странный тип: неразговорчив и немного угрюм.

Через пять минут барон подошел к знаменитому Ганимару, представился и попытался завязать разговор. Не достигнув цели, он откровенно сказал, зачем явился, и изложил свое дело.

Тот, не шелохнувшись и не отводя глаз от поплавок в ожидании клева, выслушал барона, затем повернул голову, оглядел его с ног до головы и, всем своим видом выражая глубокое сочувствие, произнес:

— Месье, обычно людей не предупреждают о том, что хотят их ограбить. Арсен Люпен, в частности, не делает подобных глупостей.

— И тем не менее...

— Месье, если бы у меня возникла хоть тень сомнения, поверьте, удовольствие еще раз вмешаться в дела моего дорогого Люпена возобладало бы над всеми другими доводами. К несчастью, этот молодой человек — за решеткой.

— А если он сбежит?

— Из тюрьмы Санте никто никогда не сбежит.

— Но, он...

— Ни он и никто другой.

— Однако...

— Ну если и сбежит, тем лучше, я снова схвачу его. А пока спите спокойно и не спугните мне опять уклею.

Разговор был окончен. Барон вернулся домой. Спокойствие Ганимара немного приободрило его. Он проверил замки, проследил за слугами; так прошло еще сорок восемь часов, в течение которых барон уже почти убедил себя в том, что, в сущности, его страхи — просто бред. Ну конечно же, Ганимар прав, людей, которых собираются ограбить, не предупреждают об этом заранее.

Назначенный день приближался. Во вторник утром, накануне 27 числа, — ничего примечательного. Но в три часа дня позвонил какой-то парнишка. Он принес телеграмму.

«Никакой посылки на вокзале Батиньоль. Подготовьте все к завтрашнему вечеру.

Арсен».

И снова паника, да такая, что барон стал задумываться, не уступить ли

требованиям Арсена Люпена.

Он помчался в Кодебек. Ганимар ловил рыбу на том же месте, сидя на складном стульчике. Не говоря ни слова, барон протянул ему телеграмму.

— Ну и что дальше? — спросил инспектор.

— Дальше? Но ведь это произойдет завтра!

— Что?

— Ограбление! Кража моих коллекций!

Ганимар положил удочку на землю, повернулся к барону и, скрестив руки на груди, воскликнул, теряя терпение:

— А! Вот оно что, вы воображаете, что я стану заниматься этой идиотской историей?

— Какое вознаграждение вы потребуете за то, что проведете в замке ночь с 27 на 28 сентября?

— Ни одного су, оставьте меня в покое.

— Назначьте вашу цену, я богат, чрезвычайно богат.

Натиск, с которым делалось предложение, ошеломил Ганимара, и он заговорил более спокойным тоном:

— Я нахожусь здесь в отпуске и не имею права вмешиваться...

— Никто об этом не узнает. Что бы ни случилось, я обязуюсь хранить молчание.

— О! Ничего и не случится.

— Ну так как же, три тысячи франков достаточно?

Инспектор глубоко затынулся, задумался и бросил:

— Будь по-вашему. Только я должен честно предупредить вас: эти деньги выброшены на ветер.

— Мне это безразлично.

— В таком случае... Впрочем, кто знает, что выкинет этот чертов Люпен! У него, наверное, целая банда орудует... Можете вы положиться на слуг?

— Честно говоря...

— Тогда не будем рассчитывать на них. Я предупрежу телеграммой двоих парней, моих друзей, они понадежнее защитят нас... А теперь уходите, вместе нас видеть не должны. До завтра, ждите меня к девяти часам.

На следующий, то есть тот самый день, что был назначен Арсенем Люпенем, барон Каорн снял со стены оружие, вооружился и стал прогуливаться вокруг Малаки. Ничего подозрительного он не заметил.

Вечером в половине девятого он отпустил слуг. Они жили во флигеле, обращенном к дороге, но чуть в глубине, у крайней стены замка. Оставшись один, он тихонечко отпер все четыре двери. И через минуту услышал приближающиеся шаги.

Ганимар представил своих двух помощников, высоких крепких парней с бычьими шеями и могучими руками, затем попросил дать кое-какие пояснения. Получив отчет о расположении помещений, он тщательно запер и забаррикадировал все входы и выходы, через которые можно было проникнуть в подвергаемые опасности залы. Осмотрел стены, приподняв гобелены, затем расставил наконец своих агентов в центральной галерее.

— И никаких глупостей, слышали? Вы здесь не для того, чтобы спать. При малейшей опасности распахивайте окна во двор и зовите меня. Следите внимательно, что происходит с той стороны, где вода. Бандитов такого калибра десять метров отвесной скалы не испугают.

Ганимар запер полицейских, забрал ключи с собой и сказал барону:

— А теперь — на наш пост.

Для ночного наблюдения он выбрал маленькую комнатку, выдолбленную в толще крепостной стены между двумя главными входами, когда-то это помещение служило наблюдательным пунктом для часового. Одно потайное окошечко смотрело на мост, другое — во двор. В углу было видно нечто похожее на глубокий колодец.

— Вы ведь говорили мне, господин барон, что этот колодец — единственный вход в подземелье и что с незапамятных времен он завален?

— Да.

— Значит, если не существует другого входа, известного одному Арсену Люпену, — что маловероятно, не так ли? — мы можем быть спокойны.

Он составил вместе три стула, удобно расположился на них, зажег трубку и вздохнул:

— Воистину, господин барон, только огромное желание надстроить этаж домика, где я собираюсь провести остаток дней, вынудило меня заняться столь элементарным делом. Я расскажу эту историю дражайшему Люпену, он помрет со смеху.

Барону, однако, было не до смеха. Навострив уши, он с нарастающим беспокойством ловил каждый звук. И время от времени наклонялся над колодцем, погружая в зияющую бездну свой встревоженный взгляд.

Пробило одиннадцать, двенадцать, час.

Вдруг он схватил Ганимара за руку, и тот мгновенно проснулся.

— Вы слышите?

— Да.

— Что это такое?

— Это я соплю.

— Да нет, слушайте...

— А! Действительно, автомобильный гудок.

— И что?

— А то, что вряд ли Арсен Люпен станет использовать автомобиль в качестве тарана для разрушения вашего замка. Поэтому, господин барон, на вашем месте я бы поспал... и с вашего позволения, я этим снова займусь. Доброй ночи.

Это был единственный тревожный сигнал. Ганимар вернулся к прерванным сновидениям, и барон не услышал больше ничего, кроме его звучного размеренного храпа.

На рассвете они вышли из своей клетушки.

Глубокая безмятежная тишина, напоминающая утренний покой над прозрачным водоемом, окутывала замок. Сияющий от радости Каорн и по-прежнему невозмутимый Ганимар поднимались по лестнице. Ни звука. Ничего подозрительного.

— Что я вам говорил, господин барон? Честно говоря, я не должен был соглашаться... Мне неловко...

Он достал ключи и вошел на галерею.

На стульях, согнувшись и свесив руки, спали два агента.

— Тысяча чертей! — проворчал инспектор.

В ту же секунду раздался крик барона:

— Картины!.. Сервант!..

Он что-то бормотал, задыхался, указывая рукой на пустые места, оголенные стены с торчащими гвоздями и повисшими бесполезными веревками. Ватто исчез! Полотна Рубенса украдены! Гобелены сняты со стен! Витрины с драгоценностями опустошены!

— О, канделябры Людовика XVI!.. Подсвечник регента!.. И моя Мадонна двенадцатого века!

Потрясенный барон в отчаянии метался по галерее. Он вспоминал, сколько было заплачено за пропавшие вещи, подсчитывал размеры понесенных утрат, складывал как попало цифры и что-то бормотал, не договаривая фраз. Топал ногами, корчился, обезумев от злости и горя, как будто его совсем разорили и остается лишь пустить себе пулю в лоб.

Если хоть что-то и могло его утешить, так это ступор, поразивший Ганимара. В отличие от барона, инспектор застыл на месте, словно

окаменел, и помутившимся взглядом изучал обстановку. Окна? Закрыты. Замки на дверях? Не тронуты. Щели в потолке нет. Как и дыры в полу. Идеальный порядок. Должно быть, все происходило по заранее рассчитанному, непреложному и логичному плану.

— Арсен Люпен... Арсен Люпен, — шептал он с удрученным видом.

И вдруг, будто встряхнувшись от гнева, инспектор бросился к своим агентам, сердито растолкал их и обругал. Но они так и не проснулись!

— Черт возьми, — сказал Ганимар, — неужели их...

Он наклонился и внимательно взгляделся в каждого по очереди: агенты спали, но сон этот не был естественным.

— Их усыпили, — сказал он барону.

— Но кто?

— О! Он, черт возьми!.. Или его банда, но по указке главаря. Трюк в его духе. Сразу виден почерк.

— В таком случае я погиб, ничего не поделаешь.

— Ничего.

— Но это мерзко, чудовищно.

— Заявите в полицию.

— Что толку?

— Черт возьми! Попробуйте все-таки... У правосудия есть средства...

— У правосудия! Но вы же сами видите... Поймите, ведь даже в тот момент, когда вы могли бы поискать какую-нибудь улику, что-то обнаружить, вы не шевелите пальцем.

— Что-то обнаружить после Арсена Люпена! Но, мой дорогой барон, Арсен Люпен после себя никогда ничего не оставляет. У него не бывает случайности! Я иногда задаю себе вопрос: уж не нарочно ли он позволил мне арестовать себя в Америке?

— Значит, я должен отказаться от моих картин и от всего остального! Но он похитил жемчужины моей коллекции! Я бы отдал целое состояние, чтобы вернуть их. Если справиться с ним невозможно, пусть назовет свою цену.

Ганимар пристально посмотрел на него.

— Вот это разумная речь. Вы не откажетесь от своих слов?

— Нет, нет и нет. Но зачем вам это?

— У меня есть идея.

— Какая идея?

— Мы вернемся к ней, если расследование ни к чему не приведет... Только ни слова обо мне, если вы хотите, чтобы все удалось.

И добавил сквозь зубы:

— Мне ведь, по правде говоря, похвастаться нечем.

Агенты постепенно приходили в себя и ошалело оглядывались, как все люди, просыпающиеся после гипноза. Они удивленно смотрели по сторонам широко открытыми глазами, пытаясь что-то понять. Когда Ганимар стал расспрашивать их, они ничего не могли вспомнить.

— И тем не менее вы должны были хоть кого-то увидеть.

— Не видели.

— Попробуйте вспомнить!

— Нет, никого.

— И вы ничего не пили?

Агенты задумались, и один из них ответил:

— Я выпил немного воды.

— Из этого графина?

— Да.

— Я тоже, — заявил второй.

Ганимар понюхал и попробовал воду. Никакого привкуса или запаха он не обнаружил.

— Что ж, — сказал он, — мы зря теряем время. Загадки, которые задает Арсен Люпен, в пять минут не решаются. Но, тысяча чертей, клянусь, я его опять поймаю. Он выигрывает уже вторую партию. Но решающая игра за мной!

В тот же день барон Каорн подал на Арсена Люпена, содержавшегося в тюрьме Санте, жалобу по поводу совершенного им ограбления.

Барон не раз пожалел о том, что подал жалобу, увидев, какому нашествию подвергся Малаки со стороны жандармов, прокурора, следователя, журналистов и просто любопытных, просачивающихся туда, где им не положено быть.

Дело уже взбудоражило общественное мнение. Ограбление произошло при таких странных обстоятельствах, имя Арсена Люпена так подстегивало воображение, что страницы газет запестрели самыми фантастическими историями, воспринятыми читателем с полным доверием.

А первое письмо Арсена Люпена, опубликованное в «Эко де Франс» (никто и никогда так и не дознался, от кого был получен этот текст), письмо, в котором барона Каорна дерзко предупреждали о том, что ему угрожает, вызвало настоящую бурю.

Тут же были выдвинуты самые невероятные версии. Вспомнили о существовании знаменитого подземелья. И уступая давлению извне,

прокуратура стала вести поиски в этом направлении.

Замок обшарили снизу доверху. Осмотрели каждый камешек, деревянные панели и каминны, зеркальные рамы и потолочные балки. При свете факелов обследовали огромные подвалы, где сеньоры Малаки хранили когда-то боеприпасы и провизию. Ощупали внутренние пещеры в скале. Но даже намек на разрушенное подземелье не обнаружили. Потайного хода просто не существовало.

Пусть так, комментировали со всех сторон, но ведь мебель и картины не могут раствориться, как привидения. Их обычно выносят через двери или через окна, и люди, которые забирают их, также попадают внутрь через двери либо через окна. Так что же это за люди? Как они проникли сюда? И как отсюда вышли?

Прокуратура Руана, убедившись в своей беспомощности, обратилась за содействием к парижским сыщикам. Месье Дюдуи, начальник Управления национальной безопасности, направил в Руан лучших ищек из своего ударного отряда. Сам он тоже провел двое суток в Малаки. Но преуспел не больше других.

После чего он вызвал к себе старшего инспектора Ганимара, таланты которого имел возможность оценить столько раз.

Ганимар молча выслушал инструкции своего начальника, затем, покачивая головой, произнес:

— Я думаю, что, продолжив розыск в замке, мы пойдем по ложному следу. Решение проблемы не там.

— Так где же?

— У Арсена Люпена.

— У Арсена Люпена? Такое предположение равнозначно признанию его участия в краже.

— Я это допускаю. Более того, абсолютно уверен, что так и было.

— Послушайте, Ганимар, это же чушь какая-то. Арсен Люпен сидит в тюрьме.

— Арсен Люпен в тюрьме, допустим. За ним следят, согласен с вами. Но будь у него кандалы на ногах, веревки на руках и кляп во рту, я и тогда не изменил бы своего мнения.

— Но почему вы так упорно стоите на своем?

— Потому что один только Арсен Люпен способен разработать операцию такого размаха и провести ее так, чтобы она удалась... и удалась настолько, насколько... удалась.

— Это только слова, Ганимар!

— Не слова, а реальность. Ну так вот, надо прекратить поиски

подземелья, вращающихся на оси камней и всякой другой чепухи того же порядка. Наш герой не пользуется такими устаревшими приемами. Он человек современный или, скорее, человек будущего.

— И что же вы намерены предпринять?

— Я намерен испросить у вас разрешения провести с ним час.

— В его камере?

— На обратном пути из Америки у нас сложились прекрасные отношения, и осмелюсь доложить, преступник питает теперь некоторую симпатию к тому, кто сумел его арестовать. Если он сможет разъяснить мне что-то, не выдавая себя, он сделает это без колебаний, дабы избавить меня от бессмысленного путешествия.

Почти сразу после полудня Ганимара впустили в камеру к Арсену Люпену. Вытянувшийся на кровати узник приподнял голову и радостно воскликнул:

— О! Вот это настоящий сюрприз. Вы здесь, мой дорогой Ганимар!

— Он самый.

— Я много желал в избранном мною уединении... но ничего так страстно не хотелось мне, как увидеть вас здесь.

— Вы слишком любезны.

— О нет, нет, я испытываю к вам глубочайшее уважение.

— Я этим горжусь.

— А я всегда говорил: Ганимар — наш лучший сыщик. Он почти не уступает, — заметьте, как я откровенен! — он почти не уступает Шерлоку Холмсу. О, я искренне сожалею, что не могу предложить вам ничего, кроме этой табуретки. И никакого напитка! Даже пива! Извините меня, ведь это мое временное пристанище.

Ганимар улыбнулся и присел, а заключенный, обрадованный тем, что может поговорить, продолжал:

— Бог ты мой, как же приятно обратить свой взор на лицо порядочного человека! Мне так надоели рожи этих агентов и фискалов, которые по десять раз в день обшаривают мои карманы и эту скромную камеру, дабы удостовериться, что я не собираюсь бежать. Черт возьми, как же дорожит мною правительство!..

— И оно право.

— Ну что вы! Я был бы так счастлив, если б мне позволили жить в моей тихой обители!

— За счет других.

— Вы полагаете? Но это было бы так просто. Однако я заболтался, говорю глупости, а вы, наверное, торопитесь. Перейдем к делу, Ганимар! Чему я обязан честью вашего посещения?

— Делу Каорна, — без обиняков выпалил Ганимар.

— Стоп! Секундочку... У меня ведь столько этих дел! Прежде всего надо покопаться в памяти и найти досье по делу Каорна... А! Вот оно, нашел. Дело Каорна, замок Малаки, нижняя Сена... Два Рубенса, один Ватто и несколько незначущих вещей.

— Незначущих!

— О! Право же, особой ценности все это не представляет. Бывают вещи и получше! Но достаточно того, что это дело интересует вас... Итак, говорите, Ганимар!

— Надо ли рассказывать, как идет следствие?

— Незачем. Я прочел утренние газеты. И даже позволю себе заметить, что вы продвигаетесь довольно медленно.

— Именно по этой причине я и рассчитываю на вашу любезную помощь.

— Весь к вашим услугам.

— Прежде всего вопрос: вы действительно руководили операцией?

— От А до Я.

— Письменное уведомление? Телеграмма?

— От вашего покорного слуги. У меня даже где-то сохранились квитанции.

Арсен выдвинул ящик маленького столика из светлого дерева, вместе с кроватью и табуреткой составлявшего всю обстановку в камере, достал оттуда два клочка бумаги и протянул их Ганимару.

— Черт знает что, — воскликнул тот, — я полагал, что с вас не спускают глаз и чуть что — тщательно обыскивают. А вы читаете газеты, получаете почтовые квитанции...

— Ну и что! Эти люди так глупы! Они отпарывают подкладку моего пиджака, осматривают подошвы моих туфель, простукивают стены этой комнаты, но ни одному из них не приходит в голову, что Арсен Люпен не так прост и не станет ничего прятать в столь незатейливые тайники. Именно на это я и рассчитывал.

Рассмеявшись, Ганимар воскликнул:

— Ну и забавный же вы человек! Просто поразительно. Ну хорошо, расскажите мне всю эту историю.

— О-о! Как вы стремительны! Приобщить вас ко всем моим тайнам... открыть вам все мои маленькие хитрости... Это очень серьезно.

— Так я напрасно рассчитывал на вашу любезность?

— Нет, Ганимар, и если вы настаиваете...

Арсен Люпен два-три раза прошелся по камере, затем остановился и спросил:

— Что вы думаете о моем письме к барону?

— Полагаю, вы хотели развлечься, слегка эпатировать публику.

— О! Какое там эпатировать публику! Честно говоря, Ганимар, вы мне казались более прозорливым. Стану я, Арсен Люпен, тратить время на такие детские шалости! Ну зачем мне было писать это письмо, если бы я мог обчистить барона без этого? Поймите же вы, и другие тоже, что это письмо — необходимая отправная точка, рычаг, пустивший в ход весь механизм. Давайте пойдем по порядку и подготовим вместе, если желаете, ограбление Малаки.

— Слушаю вас.

— Итак, предположим, существует накрепко запертый, забаррикадированный замок, подобный замку барона Каорна. Мог ли я выйти из игры и отказаться от сокровищ, которых страстно желаю, по той причине, что замок, где они находятся, неприступен?

— Конечно, нет.

— Стал бы я, как в прежние времена, штурмовать его, возглавив отряд авантюристов?

— Ребячество!

— Пытался бы я хитростью проникнуть внутрь?

— Невозможно.

— Остается один-единственный, на мой взгляд, способ: устроить так, чтобы хозяин упомянутого замка сам пригласил меня к себе.

— Способ оригинальный.

— И какой простой! Предположим, что в один прекрасный день хозяин получает письмо, предупреждающее его о том, какую сеть плетет вокруг него некий Арсен Люпен, знаменитый грабитель. Как поступит хозяин?

— Напишет письмо прокурору...

— ...который посмеется над ним, потому что названный Люпен в настоящее время находится в тюрьме. Конечно, старикашка в панике, готов броситься за помощью к первому встречному, не так ли?

— Без сомнения.

— А если вдруг он прочтет в какой-нибудь захудалой газетенке, что знаменитый полицейский отдыхает от трудов где-то неподалеку...

— Он отправится к этому полицейскому.

— Ваша правда. Но с другой стороны, положим, что, предвидя этот

неизбежный шаг, Арсен Люпен попросит одного из самых ловких своих друзей поселиться в Кодебеке, познакомиться с редактором «Ревей», газеты, которую выписывает барон, намекнет ему, что он такой-то, то есть знаменитый сыщик, как тогда будут развиваться события?

— Редактор сообщит через «Ревей» о том, что названный сыщик находится в Кодебеке.

— Прекрасно, далее из двух одно: либо рыбка — я хочу сказать, Каорн — не клюнет на крючок, и тогда ничего не произойдет; либо — и это наиболее вероятное предположение — он, весь дрожа, прибежит к сыщику. И вот уже Каорн умоляет одного из моих друзей спасти его от меня!

— Остроумнее некуда.

— Разумеется, псевдополицейский сначала отказывает в помощи. А тут — телеграмма Арсена Люпена. Барон в ужасе, он снова умоляет моего друга, предлагая ему большие деньги, лишь бы он позаботился о его спасении. Упомянутый друг соглашается, приводит двоих парней из нашей компании, и они ночью, пока за Каорном пристально следит его защитник, вытаскивают в окно ряд предметов и спускают их на веревках в маленькую лодочку, зафрахтованную на данный случай. Проще простого... как сам Люпен.

— И воистину великолепно, — воскликнул Ганимар, — дерзость самой идеи и изобретательность в деталях выше всяких похвал. Но я что-то не припомню достаточно знаменитого полицейского, чье имя было бы так притягательно и до такой степени воздействовало на барона.

— Есть такое имя, но только одно.

— Чье же?

— Имя знаменитейшего сыщика, личного врага Арсена Люпена, короче, это вы, инспектор Ганимар!

— Я?!

— Именно вы, Ганимар. И вся прелесть в том, что если вы отправитесь туда, а барон решится заговорить, то в конце концов вы поймете: ваш долг — арестовать самого себя, как вы арестовали меня в Америке. Ну как? Забавный реванш: я вынуждаю Ганимара арестовать самого себя!

Арсен Люпен смеялся от души. Несколько раздосадованный инспектор кусал губы. С его точки зрения, шутка не стоила такого взрыва веселья.

Появление надзирателя позволило Ганимару перевести дух. Тюремщик принес обед, который Арсен Люпен с особого разрешения заказывал в соседнем ресторане. Поставив поднос на стол, вошедший удалился. Арсен устроился поудобнее, разломил кусок хлеба, проглотил два-три кусочка и снова заговорил:

— Но будьте спокойны, мой дорогой Ганимар, вы туда не поедете. Я сейчас сообщу вам нечто для вас неожиданное: дело Каорна вот-вот закроют.

— Что-что?

— Дело скоро закроют, уверяю вас.

— Не может быть, я только что был у начальника полицейского управления.

— Ну и что? Неужели господину Дюдуйи известно больше, чем мне, о том, что меня касается? Вы узнаете, что Ганимар — извините, пожалуйста, — псевдо-Ганимар сохранил прекрасные отношения с бароном. Последний, — и это основная причина, по которой он ничего не рассказал, — возложил на сыщика очень деликатную миссию: провести со мной переговоры о сделке, и в данный момент вполне вероятно, что барон посредством определенной суммы вновь обрел свои дорогие безделушки. В обмен на это он заберет свою жалобу. Таким образом, кражи больше нет. Поэтому прокуратуре придется закрыть...

Ганимар с удивлением смотрел на заключенного.

— Но откуда вам это известно?

— Я только что получил телеграмму, которую ждал.

— Вы только что получили телеграмму?

— Только сейчас, дорогой друг. Из вежливости я не хотел читать ее в вашем присутствии. Но если вы позволите...

— Вы смеетесь надо мной, Люпен.

— Собогаволите, мой добрый друг, тихонечко расколоть это яйцо в мешочек. Вы сами убедитесь, что я над вами не насмехаюсь.

Ганимар машинально исполнил просьбу и лезвием ножа разбил яйцо. У него вырвался удивленный возглас. В скорлупе пустого яйца оказался клочок голубой бумаги. По просьбе Арсена он развернул его. Это была телеграмма или, скорее, часть телеграммы, от которой оторвали почтовые штемпели.

«Договор заключен. Сто тысяч монет уплачено. Все хорошо», — прочел Ганимар.

— Сто тысяч монет? — спросил он.

— Да, сто тысяч франков! Мало, но впрочем, времена тяжелые... А у меня так много общих расходов! Если бы вы знали, каков мой бюджет... бюджет большого города!

Ганимар встал. Плохое настроение улетучилось. Он задумался на

несколько секунд, окинул одним взглядом все дело, чтобы отыскать в нем слабое место. Затем тоном, в который он, не скрывая, вложил все свое профессиональное восхищение, произнес:

— К счастью, таких, как вы, и дюжины не наберется, иначе пришлось бы закрыть нашу лавочку.

Арсен Люпен изобразил самую простодушную мину и ответил:

— Ну что вы! Просто хотелось немного развлечься, чем-то заполнить свободное время... тем более что операцию можно было с успехом осуществить лишь при условии, что я буду находиться в тюрьме.

— Как! — воскликнул Ганимар. — Ваш процесс, защита, следствие — разве этого недостаточно для вашего развлечения?

— Нет, ибо я решил не присутствовать на моем процессе.

— О! О!

Арсен Люпен, не спеша, повторил:

— Я не буду присутствовать на моем процессе.

— В самом деле?

— Ну подумайте, мой дорогой, неужели вы допускаете, что я буду гнить на сырой соломе? Вы меня обижаете. Арсен Люпен проводит в тюрьме столько времени, сколько ему нравится, и ни минутой больше.

— Может быть, разумнее начинать с того, чтобы не попадать сюда, — с иронией возразил инспектор.

— А! Месье насмехается? Месье вспоминает, что он имел честь арестовать меня? Так знайте же, мой уважаемый друг, что никому, в том числе и вам, не удалось бы задержать меня, если бы в этот критический момент мое внимание не было поглощено чем-то более важным.

— Интересно.

— На меня, Ганимар, тогда смотрела женщина, а я любил ее. Понимаете ли вы глубокий смысл этого факта: на вас смотрит женщина, которую вы любите? Остальное для меня почти не имело значения, клянусь вам. Именно поэтому я и нахожусь здесь.

— И довольно давно, разрешите вам заметить.

— Сначала я хотел забыть. Не смейтесь: приключение было очаровательным, и я до сих пор храню о нем трогательное воспоминание... Кроме того, я немного неврастеник. В наши дни жизнь проходит в таком лихорадочном темпе! И в определенные моменты надо устраивать для себя то, что называется «изоляционной терапией». Тюрьма — превосходное место для такого рода лечения. Оздоровительный курс здесь проводится со всей строгостью.

— Вы издеваетесь надо мной, Арсен Люпен, — заметил полицейский.

— Ганимар, — отчеканил Люпен, — у нас сегодня пятница. В следующую среду я приду к вам выкурить сигару на улицу Перголези в четыре часа дня.

— Я жду вас, Арсен Люпен.

Как два добрых приятеля, отдающих друг другу дань заслуженного уважения, они обменялись рукопожатием, и старый полицейский направился к двери.

— Ганимар!

Сыщик обернулся.

— В чем дело?

— Ганимар, вы забыли свои часы.

— Часы?

— Да, они как-то попали в мой карман.

И он возвратил их с извинениями.

— Простите меня... дурная привычка... Ведь вовсе не обязательно лишать вас ваших часов только потому, что у меня отобрали мои. Тем более что здесь у меня оказался хронометр, на который я пожаловаться не могу, он вполне устраивает меня.

И Люпен достал из ящика стола большие золотые часы в тяжелом и удобном корпусе, украшенные увесистой цепочкой.

— А эти часы из какого кармана? — спросил Ганимар.

Арсен Люпен мельком взглянул на инициалы.

— Ж.Б.... Черт возьми, кто бы это мог быть? Ах да! Припоминаю: это Жюль Бувье, мой следователь, прелестный человек...

Побег Арсена Люпена

В тот момент, когда Арсен Люпен, закончив трапезу, доставал из кармана красивую сигару с золотым ободком и со снисходительной миной рассматривал ее, дверь камеры открылась. Он едва успел бросить сигару в ящик и отойти от стола. Вошел надзиратель: настал час прогулки.

— Я ждал вас, мой дорогой друг, — воскликнул Люпен, как обычно, веселым тоном.

Они вышли. И едва скрылись за поворотом коридора, как двое мужчин зашли в камеру и начали тщательно осматривать ее. Один из них был инспектор Дъези, другой — инспектор Фольанфаном.

Надо было положить этому конец. Вне всяких сомнений, Арсен Люпен поддерживал связь с внешним миром и своими сообщниками. Накануне газета «Гран журналъ» опять опубликовала следующие строки, адресованные ее сотруднику, отвечавшему за судебную хронику:

«Месье!

В статье, опубликованной на днях, вы позволили писать обо мне в таком тоне, который ничем не может быть оправдан. За несколько дней до открытия процесса я явлюсь к вам требовать отчета.

С глубоким уважением,

Арсен Люпен».

Почерк и впрямь принадлежал Арсену Люпену. Значит, письма посылал он. И получал их. Таким образом, не было сомнений, что узник готовится к побегу, о котором он сам объявил таким вызывающим способом.

Положение стало просто нетерпимым. В полном согласии со следователем, начальник Управления национальной безопасности Дюдуи самолично отправился в Санте, для того чтобы объяснить директору тюрьмы, какие меры предосторожности следует принять. И едва появившись там, послал двух своих людей в камеру заключенного.

Они приподняли каждую плитку пола, развинтили кровать, сделали все, что обычно делается в подобных случаях, но в итоге ничего не обнаружили. И уже собирались прекратить поиски, как вдруг прибежал запыхавшийся надзиратель:

— Ящик... посмотрите в ящике стола. Когда я входил, мне показалось, что он задвинул его.

Они осмотрели ящик, и Дъези воскликнул:

— Слава Богу, на этот раз клиент попался.

Фольанфан остановил его:

— Постой, малыш, пусть шеф проведет осмотр.

— Однако это шикарная сигара.

— Оставь ее, и пойдем сообщим об этом шефу.

Две минуты спустя месье Дюдуи осматривал ящик. Сначала он обнаружил в нем подборку статей, вырезанных из газет и посвященных Арсену Люпену, затем — кисет для табака, трубку, тонкую и прозрачную, как луковая шелуха, бумагу и, наконец, две книги.

Он прочел их названия. Это был «Культ героев» Карлейля в английском издании и прелестный эльзевир^[2] в переплете того времени: «Беседы» Эпиктета, немецкий перевод, опубликованный в 1634 г. Перелистав их, Дюдуи отметил, что на всех страничках имелись пометки, записи, подчеркнутые строки. Были они условными знаками или просто указывали на усердие, с которым была прочитана книга?

— Мы подробно изучим это, — сказал месье Дюдуи.

Он осмотрел кисет, трубку. Затем схватил пресловутую сигару с золотым ободком.

— Черт возьми! Неплохо живет наш приятель, — воскликнул он. — Ну просто как Анри Кле!

Машинальным жестом курильщика Дюдуи поднес сигару к уху, надломил ее. И в ту же секунду вскрикнул от удивления. Сигара согнулась под нажимом пальцев. Дюдуи повнимательнее осмотрел ее и сразу же заметил что-то белое между табачными листьями. Осторожно, с помощью булавки полицейский вытащил рулончик из очень тонкой бумаги, величиной не более зубочистки. Это была записка. Дюдуи развернул ее и прочитал следующие слова, написанные мелким женским почерком.

— «Ворон занял место другого. Восемь из десяти подготовлены. При нажатии на подножку с внешней стороны доска приподнимается по всей плоскости. От двенадцати до шестнадцати Л.С. будет ждать ежедневно. Но где? Немедленно ответьте. Будьте спокойны, ваша подруга оберегает вас».

Месье Дюдуи задумался на секунду и сказал:

— Это довольно ясно... ворон... восемь клетушек... От двенадцати до шестнадцати значит между полуднем и четырьмя часами...

— Но этот Л.С., который будет ждать?

— Л.С. в данном случае должно означать: автомобиль, лошадиная сила, не так ли в спортивном языке обозначают силу мотора? Двадцать четыре Л.С. — это автомобиль в двадцать четыре лошадиные силы.

Дюдуи встал и спросил:

— Заключенный заканчивал завтрак?

— Да.

— И наверное, еще не прочитал это послание, о чем свидетельствует внешний вид сигары; он, вероятно, только что получил ее.

— Но каким путем?

— В продуктах, хлебе или картофелине, кто знает?

— Невозможно. Мы разрешили ему заказывать еду только для того, чтобы поймать его в ловушку, но ничего не нашли.

— Сегодня вечером мы поищем ответ Люпена. А пока подержите его где-нибудь вне этой камеры. Я сейчас отнесу эту записку господину следователю. Если он согласится со мной, мы тут же сфотографируем письмо и через час вы сможете опять положить его в ящик вместе с другими предметами, точно такой же сигарой и подлинным посланием внутри. Заключенный не должен ничего заподозрить.

Слегка заинтригованный, месье Дюдуи вновь пришел вечером в канцелярию тюрьмы в сопровождении инспектора Дъези.

В углу на плите стояли три тарелки.

— Он уже поел?

— Да, — ответил начальник тюрьмы.

— Дъези, потрудитесь разрезать на тончайшие кусочки эти остатки макарон и разломите хлебный шарик... Ничего?

— Ничего, шеф.

Месье Дюдуи осмотрел тарелки, вилку, ложку, наконец, нож с закругленным кончиком, как предписано уставом. Покрутил ручку влево, затем вправо. При повороте вправо ручка отошла и раскрутилась. Нож был полым внутри, и в нем, как в футлярчике, лежал листок бумаги.

— Эка невидаль! — заметил Дюдуи. — Не больно-то хитро для такого парня, как Арсен. Но не будем терять время. Дъези, отправляйтесь-ка на разведку в ресторан.

Затем он прочел:

«Я полагаюсь на вас, Л.С. должен следовать в отдалении каждый день. Я пойду навстречу. До скорого свидания, моя дорогая и чудесная».

— Наконец-то, — воскликнул месье Дюдуи, потирая руки, — кажется, дела идут хорошо. Маленький толчок с нашей стороны — и побег удастся... по крайней мере настолько, чтобы позволить нам схватить сообщников.

— А если Арсен Люпен проскользнет у вас между пальцев? — усомнился начальник тюрьмы.

— Мы подключим необходимое количество людей. И если все-таки он окажется слишком проворным... ей-богу, тем хуже для него! Что касается его шайки... коль скоро шеф отказывается говорить, заговорят другие.

И действительно, Арсен Люпен был не очень разговорчив. Несколько месяцев следователь Жюль Бувье напрасно мыкался с ним. Допросы превращались в бессмысленные словопрения со следователем и адвокатом, мэтром Данвалем, одним из корифеев адвокатского сословия, который, между прочим, знал об обвиняемом ничуть не больше первого встречного.

Время от времени из вежливости Арсен Люпен небрежно бросал:

— Да, конечно, господин следователь, я с вами согласен: ограбление Лионского банка, кража на Вавилонской улице, запуск фальшивых денежных знаков, дело о страховых полисах, ограбление замков Армениль, Гуре, Эмблевен, Грозейе, Малаки — все это совершил ваш покорный слуга.

— Тогда не могли бы вы мне объяснить...

— Незачем, я признаюсь во всем сразу, во всем и даже в десять раз большем, чем вы предполагаете.

Потеряв терпение, следователь прекратил нудные допросы. Но ознакомившись с двумя найденными записками, возобновил их. И регулярно в полдень Арсена Люпена вместе с группой заключенных привозили в тюремном фургоне из Санте в полицейский участок. И увозили назад в три-четыре часа дня.

Однажды днем это возвращение происходило при особых обстоятельствах. Поскольку других заключенных Санте еще не допросили, было решено сначала отправить назад Арсена Люпена. Таким образом, он один сел в фургон.

Тюремные фургоны, в просторечии называемые «черными воронами», внутри разделены по длине центральным проходом, куда открываются дверцы десяти клетушек — пять справа и пять слева. Каждая клетушка устроена таким образом, что в ней можно только сидеть, и следовательно, пятерых заключенных усаживают одного за другим, а параллельные перегородки разделяют их. Охранник из муниципальной полиции, помещенный в конце прохода, наблюдает за всем происходящим внутри.

Арсена посадили в третью клетушку справа, и тяжелый фургон тронулся. Узник заметил, что фургон уже миновал набережную Орлож и подъезжает к Дворцу правосудия. Тогда посреди моста Сен-Мишель он правой ногой, как делал это всегда, нажал на железную плиту в полу его клетушки. Тут же что-то щелкнуло, и плита незаметно отошла. Он успел заметить, что она находится между колесами.

Люпен ждал, настороженно поглядывая в окошечко. Фургон медленно

поехал по бульвару Сен-Мишель. Но на перекрестке у Сен-Жермен остановился. У кого-то из проезжавших пала лошадь. Движение приостановилось, и очень скоро образовалась пробка из фиакров и омнибусов.

Арсен Люпен высунул голову. Другой тюремный фургон остановился рядом. Люпен посильнее приподнял плиту, поставил ногу на обод большого колеса и спрыгнул на землю.

Его увидел какой-то возница, прыснул от смеха, затем решил позвать на помощь, но его голос утонул в грохоте снова тронувшихся повозок. Впрочем, Арсен Люпен был уже далеко.

Он пробежал немного, но, добравшись до тротуара по левую сторону улицы, обернулся и оглядел все вокруг, как человек, не знающий, куда идти, и проверяющий, откуда ветер дует. Затем с решительным видом сунул руки в брюки и небрежной походкой праздного гуляки пошел вверх по бульвару.

День выдался великолепный, приятный и мягкий осенний день. Кафе были полны. Арсен Люпен устроился на террасе одного из них.

Он заказал пиво и пачку сигарет. Маленькими глотками опустошив бокал, Люпен спокойно выкурил одну сигарету и закурил другую. Поднявшись наконец, он попросил официанта позвать метрдотеля.

Последний явился, и Арсен Люпен громко, так, чтобы слышали все, сказал ему:

— Очень сожалею, месье, но я забыл кошелек. Быть может, мое имя вам достаточно хорошо известно, и вы согласитесь предоставить мне кредит на несколько дней. Перед вами Арсен Люпен.

Метрдотель уставился на него, полагая, наверное, что это шутка. Но Арсен повторил:

— Люпен, узник Санте, в настоящее время — в бегах. Смею надеяться, что это имя внушает вам полное доверие.

И он удалился под дружный хохот окружающих, а метрдотель и не подумал окликать его.

Люпен наискось пересек улицу Суффло и повернул на Сен-Жак. Спокойно прогуливаясь по этой улице, он останавливался у витрин, курил. На бульваре Пор-Рояль прикинул, куда идти, справился у прохожих и зашагал напрямик в сторону Санте. Вскоре перед ним выросли высокие мрачные стены тюрьмы. Арсен пошел вперед вдоль этих стен и очутился около жандарма, несшего караул. Сняв шляпу, он спросил:

— Тюрьма Санте, это здесь?

— Да.

— Я хотел бы вернуться в свою камеру. Тюремный фургон не довез

меня, я потерялся по дороге, но не хотел бы злоупотреблять...

Охранник рассердился:

— Послушайте-ка, идите своей дорогой, и поживее.

— Простите, пожалуйста, но моя дорога проходит через эту дверь. И если вы, друг мой, помешаете Арсену Люпену переступить сей порог, это может вам дорого обойтись.

— Арсен Люпен! Что вы тут плетете!

— Жаль, что я не захватил визитной карточки, — ответил Арсен, делая вид, что роется в карманах.

Ошарашенный часовой оглядел его с ног до головы. Затем, не говоря ни слова, нехотя потянул за шнурок звонка. Железная дверь приоткрылась.

Через несколько минут, размахивая руками и изображая сильный гнев, в канцелярию вбежал начальник тюрьмы. Арсен улыбнулся:

— Полноте, господни начальник, не хитрите со мной. Как! Меня предусмотрительно сажают одного в фургон, ловко организуют маленькую пробку, надеясь, что я дам тягу и побегу к своим друзьям. Но не забывайте о двадцати полицейских агентах, что следовали за нами пешком, в фиакре и на велосипеде. Они так отделали бы меня! Живьем от них я бы не вырвался. Кстати, господин начальник, может, именно на это и был расчет?

Пожав плечами, Арсен добавил:

— Я вас прошу, господин начальник, пусть обо мне никто не хлопчет. В тот день, когда я задумаю убежать, мне никто не понадобится.

На третий день газета «Эко де Франс», определенно превращавшаяся в официальный вестник, рассказывающий о подвигах Арсена Люпена, — поговаривали, что он был одним из основных ее вкладчиков, — описала в мельчайших подробностях историю неудавшегося бегства. Даже текст записок, которыми обменивались заключенный и его таинственная подруга, способы передачи этой корреспонденции, сообщничество полиции, прогулка по бульвару Сен-Мишель, случай в кафе на улице Суффло — все было рассказано. Стало известно, что опросы официантов заведения, проведенные инспектором Дъези, не дали никаких результатов. Более того, выяснилось поразительное обстоятельство, свидетельствующее о безграничном разнообразии средств, которыми располагал этот человек: тюремный фургон, в котором его перевозили, оказался чистой подделкой — банда Люпена подменила им один из шести обычных фургонов, обслуживающих тюрьмы.

Никто уже не сомневался, что побег Арсена Люпена произойдет в ближайшем будущем. К тому же и сам он недвусмысленно высказывался по этому поводу, а его ответ месье Бувье на следующий день после

происшествия только подтвердил это. Когда следователь стал подтрунивать над Люпенем и его неудачей, тот посмотрел на него и холодно сказал:

— Послушайте, что я скажу вам, месье, и поверьте на слово: эта неудачная попытка была частью моего плана бегства.

— Не понимаю, — усмехнулся следователь.

— Вам и незачем понимать.

И поскольку Бувье во время упомянутого допроса, полностью приведенного на страницах «Эко де Франс», вновь приступил к своему расследованию, заключенный со скучающей миной воскликнул:

— Господи Боже ты мой! Зачем все это? Ведь ваши вопросы не имеют никакого значения!

— Как это «никакого значения»?

— Конечно, ведь я не собираюсь присутствовать на моем процессе.

— Вы не будете присутствовать...

— Не буду, это навязчивая идея, бесповоротное решение. Ничто не заставит меня отступить.

Подобная уверенность, необъяснимая утечка информации, происходившая ежедневно, раздражала и озадачивала правосудие. Речь шла о тайнах, которые были известны только Арсену Люпену, следовательно, только он один мог обнародовать эти данные. Но с какой целью открывал он свои секреты? И как это ему удавалось?

Арсена Люпена перевели в другую камеру. Однажды вечером он переселился этажом ниже. Следователь, в свою очередь, закончил дело и отослал его в следственную палату.

Наступило затишье. Оно длилось два месяца. Арсен все это время провалился на постели, как правило, уткнувшись лицом в стену. Замена камеры, судя по всему, доконала его. Он отказался от встречи с адвокатом. С охранниками перебросился лишь несколькими словами.

За две недели до начала процесса узник как будто оживился. Стал жаловаться на нехватку воздуха. По утрам, очень рано, его стали выводить во двор в сопровождении двух тюремщиков.

Общественный интерес к его делу, однако, не угас. Каждый день все ждали известия о побеге. Этого почти желали, настолько личность заключенного, его остроумие, веселый нрав, непредсказуемость, гениальная изобретательность и таинственная жизнь нравились толпе. Арсен Люпен должен сбежать. Это было неизбежно, фатально. Люди удивлялись даже, почему все так затянулось. Каждое утро префект полиции спрашивал у секретаря:

— Ну что, он еще не сбежал?

— Нет, господин префект.

— Значит, сбежит завтра.

А накануне суда в редакции «Гран журналъ» появился некий господин, вызвал сотрудника, отвечавшего за судебную хронику, бросил ему в лицо свою карточку и быстро удалился. На карточке были написаны следующие слова: «Арсен Люпен всегда выполняет свои обещания».

В такой обстановке и началось слушание дела.

Зал был набит до отказа. Кому же не хотелось увидеть знаменитого Арсена Люпена и насладиться заведомо увлекательным зрелищем поспрамливания председателя суда! Адвокаты и судьи, хроникеры и щеголи, художники и светские дамы, весь цвет парижского общества теснился на скамейках для слушателей.

Шел дождь, день был пасмурный, и когда охранники ввели Арсена Люпена, разглядеть его было трудно. Вместе с тем грузная фигура, поведение — подсудимый плюхнулся на свое место и застыл с отсутствующим, безучастным видом — не располагали в его пользу. Адвокат — один из секретарей мэтра Данваля, считавшего уготованную ему роль недостойной себя, — несколько раз обратился к подсудимому. Тот качал головой и помалкивал.

Секретарь суда огласил обвинительный акт, затем председатель произнес:

— Обвиняемый, встаньте. Ваши фамилия, имя, возраст и профессия.

Не получив ответа, он повторил:

— Ваше имя! Я спрашиваю, как вас зовут?

Низким усталым голосом подсудимый произнес:

— Бодрю, Дезире.

По залу пробежал шепоток. Но председатель не сдавался:

— Бодрю, Дезире? О! Прекрасно, новое превращение! Но поскольку это примерно восьмое имя, которое вы выдаете за свое, и оно, без сомнения, такое же вымышленное, как и другие, мы, если позволите, остановимся на Арсене Люпене — под этим именем вас знают лучше.

Председатель заглянул в свои записи и продолжил:

— Ибо, несмотря на все поиски, невозможно установить вашу подлинную личность. Вы представляете собой довольно необычную в современном обществе разновидность человека, не имеющего прошлого. Мы не знаем, кто вы такой, откуда взялись, где прошло ваше детство, короче, не знаем ничего. Три года назад вы вдруг вынырнули неизвестно из

какой среды и неожиданно явились перед нами в образе Арсена Люпена, представляющем собой странную смесь ума и порока, безнравственности и великодушия. Собранные нами сведения о вашей предыдущей жизни — скорее предположения. Возможно, некий Роста, выступавший восемь лет назад с фокусником Диксоном, был не кто иной, как Арсен Люпен. Не исключено, что русский студент, посещавший шесть лет назад лабораторию доктора Альтье в больнице Сен-Луи и частенько поражавший учителя изобретательностью своих гипотез в сфере бактериологии и смелостью опытов при изучении кожных заболеваний, был не кем иным, как Арсеном Люпенем. Арсен Люпен — это и тренер по японской борьбе, поселившийся в Париже задолго до того, как здесь заговорили о джиу-джитсу. Арсен Люпен, считаем мы, — это также гонщик-велосипедист, завоевавший Большой приз Выставки, получивший 10000 франков и более не объявившийся. Быть может, Арсен Люпен — это также тот человек, что спас столько людей через маленькое слуховое окно во время благотворительной распродажи... и ограбил их.

Помолчав немного, председатель закончил:

— Таков этот период, который, судя по всему, был не более чем тщательной подготовкой к развернутой вами борьбе против общества, методичной тренировкой, которая позволила вам в высшей степени развить вашу силу, энергию и ловкость. Признаете ли вы, что упомянутые факты действительно точны?

Во время этой речи обвиняемый переминался с ноги на ногу, горбился, руки у него повисли, как плети.

При более ярком свете стали заметны его крайняя бледность, впалые щеки, странно выделяющиеся скулы, землистый цвет лица, испещренного маленькими красными пятнами и обрванного клочкастой редкой бороденкой. Он сильно состарился и поблек в тюрьме. Ни элегантной фигуры, ни юного лица — газеты так часто публиковали его симпатичные фотографии — теперь было не узнать.

Можно было подумать, что он не слышит вопроса, который ему задали. Пришлось повторить его дважды. Тогда он поднял глаза, вроде бы задумался, затем, сделав отчаянное усилие, прошептал:

— Бодрю, Дезире.

Председатель засмеялся:

— Я все никак не пойму, что за систему защиты вы выбрали, Арсен Люпен. Если вы собираетесь притворяться дураком или невменяемым, дело ваше. Что же касается меня, то я пойду прямо к цели, не считаясь с вашими причудами.

И он перешел к подробному изложению обстоятельств, связанных с кражами, мошенничеством и подлогами, в которых обвинялся Люпен. Иногда он обращался к подсудимому с вопросом. Тот бурчал что-то или не отвечал вовсе.

Начался допрос свидетелей. Последовало несколько незначущих, затем ряд серьезных показаний, отличающихся общей для всех особенностью: они противоречили друг другу. Непонятная неразбериха запутала дискуссию, но когда в зал пригласили главного инспектора Ганимара, к ней вновь проснулся интерес.

Однако вначале старый полицейский несколько разочаровал аудиторию. Он выглядел не столько смущенным — бывал ведь и не в таких переделках — сколько озабоченным, не в своей тарелке. Несколько раз Ганимар бросал взгляд в сторону обвиняемого и был явно чем-то обеспокоен. Однако, опершись обеими руками на барьер, он рассказывал о тех происшествиях, которыми ему приходилось заниматься, о поисках преступника по всей Европе, о поездке в Америку. Его слушали с такой жадностью, словно речь шла об увлекательнейших приключениях. Но в конце, намекая на свои беседы с Арсеном Люпенем, он дважды прерывался, казался рассеянным и нерешительным.

Было очевидно, что какая-то посторонняя мысль не давала ему покоя.

— Если вы больны, лучше прервем ваши показания, — сказал председатель.

— Нет-нет, только...

Он замолчал, долго пристально посмотрел на обвиняемого и наконец заявил:

— Я прошу разрешения рассмотреть обвиняемого поближе. Тут кроется какая-то тайна, которую я должен разгадать.

Он подошел к скамье подсудимых, сконцентрировав все свое внимание, глядел на обвиняемого, затем вернулся к барьеру для свидетелей и тут чуть ли не торжественным голосом произнес:

— Господин председатель, я утверждаю, что человек, который находится здесь, напротив меня, не Арсен Люпен.

Эти слова были встречены глубоким молчанием.

Но опешивший было председатель тут же воскликнул:

— Э! Да что вы такое говорите! Вы с ума сошли!

Инспектор невозмутимо стоял на своем:

— На первый взгляд сходство действительно есть, я это признаю, и потому вполне можно обмануться, но стоит взглянуть... Нос, рот, волосы, цвет кожи... словом, это не Арсен Люпен. К тому же глаза! Разве у Люпена

могут быть глаза пропойцы?

— Пойдите, пойдите, давайте разберемся. Что вы конкретно утверждаете, свидетель?

— Что я могу утверждать? Похоже, вместо себя он подsunул нам какого-то бедолагу, которого и осудят под именем Люпена. Если только перед нами не его сообщник.

В зале, взбудораженном столь неожиданным поворотом дела, раздались крики, хохот, возгласы. Председатель велел вызвать следователя, начальника тюрьмы, надзирателей и объявил перерыв.

Когда заседание возобновилось, месье Бувье и начальник тюрьмы, оказавшиеся лицом к лицу с обвиняемым, заявили, что черты Арсена Люпена и этого человека имеют лишь очень отдаленное сходство.

— Но тогда кто же этот человек? — вспыхнул председатель. — Откуда он взялся? Как попал в руки правосудия?

В зал пригласили двух надзирателей Санте. Поразительная неувязка: они узнали заключенного, которого по очереди охраняли! Председатель облегченно вздохнул:

— Да, да, я почти уверен, что это он.

— Как почти уверены?

— Черт возьми, я же видел его мельком. Преступника привели ко мне как-то вечером и два месяца напролет он пролежал на кровати лицом к стене.

— А до этих двух месяцев?

— О! Раньше-то он не сидел в 24-й камере.

Начальник тюрьмы дал уточнение по этому поводу:

— Мы перевели заключенного в другую камеру после его попытки к бегству.

— Ну а вы, господин начальник тюрьмы, выто видели его в эти два месяца?

— У меня не было повода встречаться с ним... он вел себя спокойно.

— И этот человек вовсе не тот заключенный, который был вверен вам?

— Нет.

— Тогда кто же он?

— Затрудняюсь сказать.

— Итак, подмена, совершенная два месяца назад, налицо. Как вы это объясните?

— Этого быть не могло.

— Неужели?

Видя, что тут ничего не добьешься, председатель повернулся к

обвиняемому и доверительным тоном спросил:

— Послушайте, обвиняемый, не могли бы вы объяснить мне, каким образом и с каких пор вы оказались во власти правосудия?

По-видимому, такое доброжелательное обращение рассеяло недоверие подсудимого, и до него что-то дошло. Бодрю попытался ответить. С трудом, благодаря умело и мягко проведенному допросу, он сумел составить вместе несколько фраз, из которых явствовало следующее. Два месяца назад его забрали в участок. Он провел там ночь и утро. Поскольку у арестованного не нашли ничего, кроме семидесяти пяти сантимов, его отпустили. Но в тот момент, когда он пересекал двор, двое охранников скрутили ему руки и посадили в тюремный фургон. С тех пор он находился в 24-й камере, где было не так уж и плохо... кормят хорошо... можно выспаться... Поэтому он не протестовал...

Все это было похоже на правду. Голос председателя, отложившего разбирательство до следующего заседания в связи с необходимостью дополнительного расследования, утонул в дружном хохоте взбудораженной до предела публики.

Расследование тут же подтвердило этот факт, занесенный в тюремную книгу: восемь недель назад некий Бодрю Дезире провел ночь в полицейском участке. Освобожденный на следующий день, он покинул свою камеру в два часа пополудни. Но именно в этот день, в два часа Арсен Люпен, которого допрашивали в последний раз, вышел из кабинета следователя, чтобы вернуться в Санте в тюремном фургоне.

Быть может, охранники совершили ошибку? Уж не сами ли они поменяли узника на этого человека, обманувшись сходством, или просто отвлеклись на минуту? Поистине это было бы такой халатностью, в которой трудно заподозрить охранников, учитывая их послушной список.

Была ли заранее подготовлена операция? Помимо того, что само место действия превращало ее в почти невыполнимое предприятие, обязательным условием успеха должно было бы быть сообщничество Бодрю, устроившего свой арест с единственной целью: занять место Арсена Люпена. Но тогда каким чудом подобный план, построенный исключительно на ряде неправдоподобно удачных совпадений, случайных встреч и фантастических ошибок, смог осуществиться?

Дезире Бодрю проверили через антропометрическую службу: карточек, содержащих данные о нем, не оказалось. Впрочем, следы этого человека были обнаружены легко. В Курбева, Аньере, Леваллуа он был известен. Жил на подаяние, а спал в одной из лачуг старьевщиков, каких полно у Тернской заставы. Год назад он, однако, исчез.

Быть может, Арсен Люпен нанял его? Никаких оснований для подобного предположения не было. А если бы такое и случилось, к истории бегства заключенного ничего нового это не добавляло. Загадка оставалась по-прежнему неразрешимой. Из двадцати гипотез, претендующих на ее объяснение, ни одна не подходила полностью. Бесспорным оставался только факт бегства, необъяснимый и впечатляющий; общественность, так же как правосудие, догадывалась, что это кульминация давно готовившегося действия, включающего целую серию чудесным образом перепутанных между собой событий, развязка которых призвана оправдать справедливость высокомерного предупреждения Арсена Люпена: «Я не собираюсь присутствовать на моем процессе».

Месяц спустя, несмотря на тщательное расследование, загадка оставалась все так же неразрешимой. И разумеется, нельзя было бесконечно держать под стражей беднягу Бодрю. Судить его было бы смешно: какие обвинения можно было ему предъявить? Следователь подписал постановление о его освобождении. Но начальник тюрьмы решил установить за ним пристальное наблюдение.

Идея исходила от Ганимара. С его точки зрения, ни о сообщничестве, ни о случайности тут не могло быть и речи. Бодрю оказался игрушкой в руках Арсена Люпена, использовавшего беднягу с необыкновенной ловкостью. Бодрю освободили, но через него можно было добраться до Арсена Люпена или по меньшей мере до кого-нибудь из его банды.

В помощь Ганимару выделили двух полицейских — Фольанфана и Дъези. И вот туманным январским утром перед Бодрю Дезире распахнулись двери тюрьмы.

Вначале он как будто замешкался и пошел, не имея, видно, никакого представления, чем теперь заняться. Прошел улицу Санте, затем Сен-Жак. У лавки старьевщика он снял жилет, продал его за несколько су, надел куртку и удалился.

Бодрю перешел на другой берег Сены. Около Шатле его обогнал омнибус. Он хотел сесть в него. Но свободных мест не оказалось. Контролер посоветовал ему купить билет, и Бодрю вошел в зал ожидания.

В этот момент Ганимар подозвал своих помощников и, не отводя глаз от кассы, быстро сказал им:

— Остановите коляску... нет, две, так надежнее. Я поеду с одним из вас, мы проследим за ним.

Полицейские бросились выполнять приказ. Бодрю, однако, не показывался. Ганимар вошел в зал ожидания: никого.

— Какой же я идиот! — прошептал он. — Забыл о втором выходе.

И в самом деле, зал ожидания внутренним коридором соединялся с аналогичным помещением на улице Сен-Мартен. Ганимар кинулся туда. Добежал как раз вовремя, чтобы увидеть Бодрю на империале «Батиньоль — Ботанический сад», поворачивающем за угол улицы Риволи. Ганимар побежал и догнал омнибус. Но потерял своих агентов. Теперь придется одному продолжать слежку.

В гневе он чуть не схватил Бодрю за воротник без всяких церемоний. Разве не преднамеренно, посредством простой, но хитроумной уловки этот, с позволения сказать, кретин оторвал его от помощников?

Инспектор посмотрел на Бодрю. Тот похрапывал на лавке, и его голова раскачивалась справа налево. Рот чуть приоткрыт, на лице — невысказанная тупая гримаса. Нет, такому противнику уж никак не провести старого Ганимара. Просто ему помог случай, и все.

На перекрестке у Галери-Лафайет мужчина перескочил из омнибуса в трамвай, отправлявшийся к Ая-Мюэт. Проехали по бульвару Османа, проспекту Виктора Гюго. Бодрю вышел лишь у станции метро «Ля Мюэт». И разбитной походкой направился к Булонскому лесу.

Он переходил с одной аллеи на другую, возвращался назад, опять забегал далеко вперед.

Спустя час эти маневры, видимо, здорово утомили его. И увидев скамейку, он присел. Место это, расположенное неподалеку от Отей, на берегу маленького, затерянного среди деревьев озера, было совершенно безлюдным. Прошло полчаса. Потеряв терпение, Ганимар решил начать разговор.

Он подошел к скамье и сел рядом с Бодрю. Зажег сигарету, концом трости нарисовал несколько кругов на песке и сказал:

— Что-то не жарко.

Молчание. И вдруг в тишине раздался взрыв хохота, но хохота веселого, довольного — так смеется помирающий со смеху ребенок, когда не в силах сдержаться. Ганимар совершенно отчетливо, физически ощутил, как волосы у него встают дыбом и оттягивают кожу головы. Этот безудержный демонический смех так хорошо ему знаком!..

Резким движением он схватил мужчину за отвороты пиджака и пристально, напряженно, внимательнее, чем в суде, рассмотрел его, но перед ним был не тот человек, которого он там видел. Точнее, это был он, но в то же время другой, настоящий.

Сконцентрировав всю свою волю, Ганимар постепенно узнавал искрящиеся жизнью глаза, заново лепил маску исхудавшего лица, пытался разглядеть подлинную кожу под поврежденной эпидермой, настоящий рот

— за исказившей его усмешкой. То были глаза и рот другого человека, а главное — выражение лица: пронизательное, живое, насмешливое, умное, такое безмятежное и молодое!

— Арсен Люпен, Арсен Люпен, — пробормотал инспектор.

И вдруг в припадке злости он сдавил ему горло и попытался опрокинуть. Несмотря на свои пятьдесят лет, Ганимар обладал еще недюжинной силой, тогда как его противник казался довольно хлипким. Какая это будет победа, если удастся отвести Люпена назад!

Борьба длилась недолго. Арсен Люпен еле защищался, но Ганимар оторвался от него так же быстро, как набросился. Правая рука полицейского повисла, как плеть, и одеревенела.

— Если бы на набережной Орфевр вас обучали джиу-джитсу, — заявил Люпен, — вы бы знали, что этот прием по-японски называют уди-шаги.

И холодно добавил:

— Еще секунда, и рука была бы сломана, впрочем, вы получили бы по заслугам. Подумать только, старый друг, которого я так уважаю, кому я, не раздумывая, открываю свое инкогнито, злоупотребляет моим доверием! Плохо... Ну, говорите, что там у вас?

Ганимар молчал. Побег — он считал себя виновным в случившемся. Разве не он своим сенсационным свидетельством ввел правосудие в заблуждение? Да, этот побег ляжет позорным пятном на его карьеру. К седым усам скатилась слеза.

— Боже мой, Ганимар, не расстраивайтесь: не вы, так кто-нибудь другой сказал бы то же самое, я бы устроил это. Полноте, не мог же я допустить, чтобы приговорили Бодрю Дезире?

— Значит, — прошептал Ганимар, — там сидели вы? И здесь тоже вы!

— Я, всегда я и только я.

— Невероятно.

— О! Для этого вовсе не надо быть колдуном. Достаточно, как сказал наш славный председатель, потренироваться с десяток лет и будешь готов к любым неожиданностям.

— Ну а лицо, глаза?

— Вы же прекрасно понимаете: уж если я полтора года проработал в Сен-Луи с доктором Альтье, то вовсе не из любви к искусству. Я решил, что тот, кто однажды будет иметь честь называть себя Арсеном Люпеном, должен освободиться от диктата естественных законов, определяющих внешний вид и характер. Внешность? Ее ведь можно изменять по своему

усмотрению. Одна подкожная парафиновая инъекция — и кожа вздуется у вас на том месте, где надо. Пирогалловая кислота превратит вас в могиканина. Сок большого чистотела украсит вас лишаями и опухольями в лучшем виде. Один химический препарат воздействует на рост бороды и волос, другой — на тембр голоса. Прибавьте к этому два месяца диеты в камере № 24 и тысячу раз повторенные упражнения, чтобы рот открывался именно с такой вот ухмылкой, чтобы голова привыкла держаться немного набок, а спина сгибалась под нужным углом. Наконец, пять капель атропина в глаза, чтобы получился блуждающий, отстраненный взгляд, — и дело в шляпе.

— Я не понимаю, как надзиратели...

— Превращение происходило постепенно. Они не могли заметить ежедневных изменений.

— Ну а Бодрю Дезире?

— Бодрю существует. Бедняга здесь совсем ни при чем. Я познакомился с ним в прошлом году, и действительно в некотором сходстве со мной ему не откажешь. На случай ареста — а он всегда возможен — я устроил его в надежном месте и прежде всего занялся выявлением черт, отличающих нас друг от друга, с тем, чтобы сделать их, насколько возможно, незаметными в моем внешнем облике. Мои друзья устроили так, чтобы он провел ночь в полицейском участке, и был выпущен примерно в тот же час, когда выходил я, дабы совпадение это легко было установить. Ибо, заметьте, надо было оставить след его пребывания в участке, иначе правосудие попыталось бы узнать, кто я такой. Тогда как, преподнеся им этого чудного Бодрю, оно неизбежно, слышите, неизбежно должно было ухватиться за него и, несмотря на непреодолимые трудности при подобной подмене, предпочло бы скорее поверить в нее, нежели расписаться в своем бессилии.

— Да, да, действительно так, — прошептал Ганимар.

— И потом, — воскликнул Арсен Люпен, — у меня в руках был потрясающий козырь, карта, подсунутая мною с самого начала: всеобщее ожидание моего бегства. Вот она, грубая ошибка, допущенная вами и остальными в затеянной мною захватывающей игре с правосудием, где ставкой была моя свобода: вы в очередной раз предположили, что я действую из фанфаронства и, как молокосос, опьянен своими успехами. Чтобы я, Арсен Люпен, был так мелок! И так же, как в деле Каорна, вы не сказали себе: «Коль скоро Арсен Люпен кричит на весь мир, что убежит, значит, у него есть причины, вынуждающие сделать это». Черт возьми, поймите же, что для того, чтобы бежать... не убегая, надо было заставить всех заранее поверить в это бегство, мой побег должен был стать догмой,

абсолютной убежденностью, истиной, непреложной, как солнечный свет. Так все и произошло, в соответствии с моим планом. Арсен Люпен должен был убежать и, конечно, не мог присутствовать на своем процессе. А когда вы встали и сказали: «Этот человек не Арсен Люпен», было бы противоестественным, если бы все тут же не поверили этому. Если бы хоть один человек усомнился, хотя бы один осмелился возразить: «А вдруг это все же Арсен Люпен», в ту же минуту я бы погиб. Достаточно было склониться ко мне, но не с мыслью о том, что я не Арсен Люпен, как сделали вы и остальные, а просто предполагая, что я мог быть и Арсеном Люпенем, то, несмотря на все мои ухищрения, меня бы узнали. Но я был спокоен. Логически, психологически эта простая идея никому не могла прийти в голову.

Вдруг он схватил Ганимара за руку.

— Ну признайтесь, Ганимар, через неделю после нашего разговора в Санте вы ведь ждали меня в четыре часа у себя дома, как я вас просил?

— А ваш тюремный фургон? — сказал Ганимар, избегая ответа.

— Блеф! Мои друзья подлатали и подменили старый, вышедший из строя фургон, они хотели освободить меня с его помощью. Но я знал, что фургон совершенно негоден для этого, если не помогут особенно удачные обстоятельства. Однако решил, что будет полезно проиграть до конца мизансцену побега и придать этому делу как можно большую огласку. Дерзость первой попытки гарантировала успех второго побега, ибо все поверили, что он уже произошел.

— То же самое с сигарой...

— С сигарой и ножом, набитыми мною самим.

— А записки?

— Их тоже написал я.

— А таинственная корреспондентка?

— Мы с ней одно целое. Ведь для меня изменить почерк — пара пустяков.

Ганимар секунду подумал и возразил:

— Но как же могло случиться, что в антропометрической службе, когда достали карточку Бодрю, никто не заметил ее сходства с карточкой Арсена Люпена?

— Карточки Арсена Люпена не существует.

— Ну и ну!

— Или в лучшем случае она фальшивая. Эту проблему я долго изучал. Система Бертийона включает прежде всего визуальные данные — вы сами видите, что этот метод не безупречен, — а затем измерения: головы,

пальцев, ушей и т.д. Вот здесь уж ничего не поделаешь.

— Значит?

— Значит, пришлось заплатить. Еще до моего возвращения из Америки один из сотрудников этой службы согласился вписать ложные данные в мою карточку. Этого достаточно, чтобы вся система рухнула и чтобы карточка попала совсем в другой ящик, а не туда, куда должна была попасть. Следовательно, карточка Бодрю не могла совместиться с карточкой Арсена Люпена.

Опять воцарилось молчание, затем Ганимар спросил:

— А теперь что вы намерены делать?

— Теперь, — воскликнул Люпен, — я собираюсь отдохнуть, подлечиться обжорством и постепенно снова стать самим собой. Очень приятно побыть Бодрю или кем-то другим, сменить свою сущность, как рубашку, выбрав ту или иную внешность, голос, взгляд, почерк. Но порой после всего этого бывает трудно узнать самого себя, что довольно грустно. Сейчас я испытываю нечто подобное тому, что чувствует человек, утративший свою тень. И пытаюсь найти себя... вновь обрести свое «я».

Он прошелся взад-вперед. Дневной свет сменился легкими сумерками. Люпен остановился перед Ганимаром.

— Нам, полагаю, больше нечего сказать друг другу?

— Да, — ответил инспектор, — я хотел бы знать, откроете ли вы правду о вашем бегстве... Ошибка, допущенная мною...

— О! Никто никогда не узнает, что вы отпустили Арсена Люпена. Я слишком заинтересован в том, чтобы с моим именем были связаны самые загадочные и непроницаемые тайны, и потому не хочу лишать это бегство его фантастического ореола. Ничего не бойтесь, мой добрый друг, и прощайте. Сегодня вечером я ужинаю в городе, а мне еще надо успеть переодеться.

— А я уж поверил, что вы горите желанием отдохнуть.

— Увы! Есть светские обязанности, которых невозможно избежать.

Отдых начнется завтра.

— А где состоится ужин?

— В английском посольстве.

Таинственный пассажир

Накануне я распорядился, чтобы мой автомобиль перегнали в Руан по шоссе. А сам поехал на поезде, собираясь пересесть там за руль и отправиться к друзьям, которые живут на берегу Сены.

Однако в Париже, за несколько минут до отправления, в мое купе ввалилось семеро мужчин; пятеро из них курили.

И хотя в скором поезде ехать предстояло недолго, перспектива провести все это время в такой компании мне не улыбалась, тем более что наш вагон был старой конструкции и в нем не было коридора. Так что взял я пальто, газеты, свой путеводитель и сбежал в одно из соседних купе.

В нем сидела женщина. При моем появлении она так передернулась от досады, что я не мог этого не заметить, затем склонилась к мужчине, стоявшему на подножке, — наверное, мужу, провожавшему ее на вокзале. Этот господин оглядел меня, но осмотр, видимо, завершился в мою пользу, так как он с улыбкой, словно успокаивая напуганного ребенка, что-то тихо сказал жене. Вот и она улыбнулась, бросив мне дружеский взгляд, будто вдруг поняла, что я принадлежу к той породе галантных мужчин, с которыми женщина может провести два часа в запертой конурке — шесть шагов в длину, шесть в ширину — без всякой опаски.

Муж сказал ей:

— Не сердись, дорогая, но у меня неотложная встреча, я не могу больше ждать.

Он нежно поцеловал ее и ушел. Жена посылала ему вслед воздушные поцелуи и махала платком.

Но вот раздался свисток. Поезд тронулся.

Именно в этот момент, несмотря на сопротивление проводников, дверь открылась, и в нашем купе появился мужчина. Моя спутница, стоя раскладывая свои вещи в вагонной сетке, вскрикнула от страха и упала на сиденье.

Я не из трусливых, вовсе нет, но, признаться, такие вторжения в последнюю минуту всегда неприятны. Они воспринимаются превратно, кажутся не очень естественными. Так и ждешь какого-нибудь подвоха, иначе зачем...

Однако внешность новоприбывшего и его манеры в какой-то мере сгладили неприятное ощущение, вызванное его действиями. Корректен, чуть ли не элегантен, галстук хорошего вкуса, чистые перчатки, энергичное

лицо...

Черт возьми, где-то я видел его, но где? Не могло быть никаких сомнений, я его видел. Если говорить точнее, во мне как будто проснулось некое воспоминание, которое обычно оставляет многократное созерцание портрета, если оригинал увидеть так и не удалось. И в то же время я чувствовал, что рыться в памяти бесполезно, настолько это воспоминание было зыбким, расплывчатым.

Но переключив свое внимание на даму, я был поражен тем, как она побледнела и как исказились черты ее лица. Она смотрела на своего соседа — он сел рядом с ней — с откровенным ужасом, и я заметил, что дрожащая рука женщины потянулась к маленькому саквоюжу, лежавшему на сиденье в двадцати сантиметрах от ее колен. В конце концов она дотянулась до него и нервным движением прижала к себе.

Наши взгляды встретились, и я увидел в ее глазах такую боль и тревогу, что, не удержавшись, спросил:

— Вы плохо себя чувствуете, мадам? Не открыть ли окно?

Ничего не ответив, она испуганно указала мне на нашего спутника. Я улыбнулся так же, как ее муж, пожал плечами и знаками объяснил, что ей нечего бояться, что я нахожусь здесь, рядом и что этот господин, кажется, совсем не опасен.

В этот момент он обернулся к нам, оглядел меня и ее с ног до головы, затем сжался в своем углу и больше не шевелился.

Стало тихо, но дама, видимо, собрав всю свою энергию перед отчаянным шагом, прошептала мне еле слышным голосом:

— Знаете ли вы, кто находится в нашем купе?

— Кто?

— Это же он... он... я вас уверяю.

— Кто он?

— Арсен Люпен.

Она не спускала глаз с пассажира, и скорее в его, нежели в мою, сторону было брошено это страшное имя.

Пассажир надвинул шляпу на нос. Для того чтобы скрыть замешательство или просто-напросто собирался заснуть?

Я попытался возразить даме:

— Арсена Люпена вчера заочно приговорили к двадцати годам каторжных работ. И маловероятно, что уже сегодня он будет настолько опрометчив, чтобы показаться на людях. Кроме того, газеты, если не ошибаюсь, сообщили, что этой зимой, после нашумевшего побега из Санте, его видели в Турции.

— Он едет в нашем поезде, — повторила дама, стараясь говорить громче, явно для того, чтобы ее услышал наш спутник, — мой муж заместитель начальника управления исправительных учреждений, и сам комиссар вокзала сообщил нам, что ищут Арсена Люпена.

— Это еще не основание...

— Его видели в зале ожидания. Он взял билет до Руана, в первый класс.

— Но ведь его легко было арестовать.

— Он исчез. Контролер у входа в зал ожидания не заметил его, предполагают, что он прошел через пригородный перрон и поднялся в экспресс, который отходит на десять минут позже нашего поезда.

— В таком случае его, наверное, там и взяли.

— А если в последний момент он выпрыгнул из своего вагона и перебрался сюда, на наш поезд... что вполне возможно... и вполне вероятно?

— Значит, его схватят здесь. Так как служащие вокзала и полицейские агенты не могли не заметить этого скачка из одного поезда в другой, и когда мы прибудем в Руан, его непременно поймают.

— Его — никогда! Он опять найдет способ улизнуть.

— В таком случае я желаю ему счастливого пути!

— Но до тех пор он такого натворит!

— А именно?

— Откуда мне знать? Тут можно ожидать чего угодно!

Она была крайне взволнована; да и в самом деле, обстановка в купе в какой-то степени способствовала столь сильному нервному возбуждению.

— Действительно, бывают любопытные совпадения... — бросил я ей как бы невзначай. — Но успокойтесь. Если даже Арсен Люпен едет в одном из вагонов этого поезда, вести себя он будет очень смирно; и чтобы не навлечь на свою голову новых неприятностей, будет, наверное, думать только о том, как бы избежать угрожающей ему опасности.

Мои слова несколько не успокоили ее. Тем не менее она промолчала, не желая, видимо, показаться бестактной.

Я же стал перелистывать газеты и прочел отчеты о процессе Арсена Люпена. Поскольку в них не содержалось ничего такого, что не было бы уже известно, они меня не слишком заинтересовали. Кроме того, я устал, не выспался и почувствовал, как веки мои тяжелеют, а голова клонится набок.

— О, месье, не надо спать!

Дама вырвала из моих рук газету и сердито посмотрела на меня.

— Конечно, — ответил я, — я и не собираюсь.

— Это было бы крайне неосторожно, — заметила она.

— Крайне неосторожно, — повторил я.

И после этого изо всех сил боролся со сном, цепляясь взглядом за пейзаж, за тучи, плывущие по небу.

Но вскоре все это растворилось в пространстве, образы возбужденной дамы и дремлющего господина вылетели из моей головы, и по всему телу разлилась бесконечная и глубокая сонная тишина.

Вскоре ее наполнили расплывчатые и легкие сны, и в них определенное место занимало существо, игравшее роль и носящее имя Арсена Люпена. Он уходил за горизонт, неся на спине драгоценные предметы, перелезал через стены и опустошал замки.

Но вот силуэт этого человека, который уже не был Арсеном Люпеном, обозначился яснее. Он шел мне навстречу, становясь все выше и выше, с невероятной ловкостью прыгнул в вагон и упал прямо мне на грудь.

Острая боль... душераздирающий крик. Я проснулся. Мужчина, пассажир, сжимал мне горло, придавив коленом грудь.

Я еле-еле разглядел эту картину, потому что глаза мои были залиты кровью. Дама, забившись в угол, корчилась в нервном припадке. Я даже не пытался сопротивляться. Да и сил у меня не было: в висках стучало, не хватало воздуха... я хрипел. Еще минуту... и наступило бы удушье.

Мужчина, видно, почувствовал это и отпустил мое горло. Однако, не отодвинувшись ни на йоту, правой рукой он вытащил веревку с заранее заготовленной затяжной петлей и резким движением стянул мне запястья. В одну секунду я оказался связан, парализован, с кляпом во рту.

Все это он проделал самым естественным образом, с ловкостью, обнаружившей руку мастера, профессионального вора и преступника. Ни одного слова, ни одного лихорадочного движения. Хладнокровие и отвага. И вот я сижу на сиденье купе, связанный как мумия. Я! Арсен Люпен!

Смех да и только. Но хотя обстоятельства обернулись не очень приятной стороной, я не мог не оценить весь комизм и пикантность ситуации. Облапошить Арсена Люпена как приготовишку! Обобрать как первого встречного, ибо бандит, конечно же, не пренебрег моим кошельком и бумажником! Арсен Люпен — жертва, одурачен, побежден... Вот так история!

Дело было за дамой. На нее он просто не обращал внимания. Только поднял сумочку, валявшуюся на коврике, и вынул из нее драгоценности, кошелек, золотые безделушки и деньги. Дама приоткрыла один глаз, задрожала от страха, сама сняла кольца и протянула их мужчине, словно не желая слишком утруждать его. Он взял кольца и взглянул на женщину: она

потеряла сознание.

После этого, по-прежнему молча и спокойно, не обращая больше на нас внимания, он вернулся на свое место, закурил сигарету и приступил к тщательному осмотру обретенных сокровищ, который, судя по всему, удовлетворил его вполне.

Я же был удовлетворен значительно меньше. И дело тут не в двенадцати тысячах франков, которых меня столь бесцеремонно лишили: с этой потерей я смирился лишь ненадолго, не сомневаясь, что эти двенадцать тысяч вернутся ко мне в самое ближайшее время, как и те очень важные бумаги, что оказались в украденном бумажнике: планы, расчеты, адреса, списки корреспондентов, компрометирующие письма. В этот момент у меня был более серьезный, первоочередной повод для беспокойства.

Что произойдет дальше?

Как вы понимаете, суматоха, вызванная моим появлением на вокзале Сен-Лазар, не ускользнула от меня. Отправляясь в гости к друзьям, которые знали меня под именем Гийома Берла и добродушно подтрунивали над моим сходством с Арсеном Люпенем, заgrimироваться как следует я не мог, потому-то мое появление и было замечено. Более того, видели человека, перескочившего из экспресса в скорый поезд. Кто же это мог быть, как не Арсен Люпен? Следовательно, полицейский комиссар Руана, предупрежденный телеграммой, в сопровождении внушительного отряда агентов неизбежно, фатально окажется на перроне в ожидании поезда, будет расспрашивать всех подозрительных пассажиров и тщательно обследует все вагоны.

Все это я предвидел, но особенно не беспокоился, будучи уверенным в том, что полиция Руана не прозорливее парижской и я сумею проскочить незамеченным — разве недостаточно было бы при выходе небрежно показать свое депутатское удостоверение, благодаря которому я уже внушил полное доверие контролеру на вокзале Сен-Лазар? Но обстоятельства так изменились! Теперь я не был свободен. И ни один из моих обычных трюков теперь неприменим. В одном из вагонов комиссар обнаружит господина Арсена Люпена, посланного ему счастливым случаем, да еще со связанными руками и ногами, смиренного как овечка, упакованного, готовенького. Полицейскому останется только получить груз, как получают на вокзале адресованную вам почтовую посылку, корзину с дичью или овощами и фруктами.

Но как же мне, опутанному веревками, избежать столь неприятной развязки?

А скорый, оставив позади Вернон и Сен-Пьер, мчался в сторону Руана, последней и уже близкой станции.

Занимала меня и другая проблема, хотя прямого отношения ко мне она не имела, но пробуждала чисто профессиональное любопытство. Каковы были намерения нашего спутника?

Если бы я был один, в Руане он бы успел совершенно спокойно выйти из вагона. Но дама? Стоило дверце открыться, как она, такая послушная и тихая в данный момент, закричала бы, заметалась, стала бы звать на помощь!

Вот это меня и удивило! Почему он не лишил ее, так же, как меня, возможности действовать, что позволило бы ему спокойно исчезнуть до того, как обнаружится его двойное злодеяние?

Наш спутник по-прежнему курил, уставившись в окно, которое несмелые капли дождя начинали разрисовывать длинными косыми линиями. Один раз он все же обернулся, схватил мою железнодорожную карту и что-то проверил по ней.

Дама старательно изображала обморок, чтобы обмануть врага. Но приступы кашля, вызванные дымом, выдавали ее.

Мне же было совсем не по себе, нещадно ныли суставы. А я все думал... прикидывал...

Пон-де-л'Арш, Уассель... Скорый весело мчался вперед, и, словно опьянев от скорости, стучали колеса.

Сент-Этьен... В этот момент мужчина встал и сделал два шага в нашу сторону, на что дама поспешила отреагировать новым криком и непритворным обмороком.

Но что же все-таки задумал наш попутчик? Вот он опустил окно с нашей стороны. Дождь лил теперь как из ведра, мужчина чуть отстранился, явно раздраженный тем, что у него нет ни зонтика, ни пальто. Бросил взгляд на сетку: в ней лежал дамский зонтик. Он взял его, затем мое пальто, оделся.

Поезд мчался над Сенной. Он завернул обшлага брюк, затем, перегнувшись, приподнял задвижку с внешней стороны.

Уж не собирается ли он выпрыгнуть на ходу? При такой скорости он неизбежно погибнет. Поезд ворвался в туннель, прорытый под холмом Сент-Катрин. Мужчина приоткрыл дверцу, нащупал ногой первую ступеньку. Какое безумие! Тьма, дым, грохот — бредовость подобной попытки при таких условиях казалась очевидной. Но вдруг поезд замедлил ход, тормоза сдерживали стремительное вращение колес. Через минуту состав уже двигался медленно, затем — еле-еле. Наверняка в этой части

туннеля велись работы по укреплению свода, отсюда и необходимость замедлять ход поездов; вероятно, работы начались лишь несколько дней назад, и это было известно нашему попутчику.

Таким образом, ему оставалось поставить другую ногу на верхнюю ступеньку, спуститься на вторую и тихо-мирно удалиться, не забыв предварительно опустить щеколду и запереть дверцу.

Едва он исчез, как дымовая завеса, прорвавшись к дневному свету, превратилась в белое облако. Поезд выехал в долину. Еще один туннель, и мы уже в Руане.

Дама тут же пришла в себя и в первую очередь принялась оплакивать свои утраченные драгоценности. Я взглядом молил ее. Она поняла, что я задыхаюсь, и освободила меня от кляпа. Затем хотела развязать путы, но я воспротивился.

— Нет, нет, пусть полиция увидит все, как есть. Я хочу, чтобы они знали, что это за негодяй.

— А может быть, мне нажать на стоп-кран?

— Слишком поздно, об этом надо было подумать, когда он набросился на меня.

— Но он убил бы меня! О, месье! Не говорила ли я вам, что он едет в нашем поезде! Я его тут же узнала по портрету. А теперь он убежал, прихватив мои драгоценности.

— Его найдут, не бойтесь.

— Найти Арсена Люпена! Никогда.

— Это зависит от вас, мадам. Послушайте. Как только мы приедем, встаньте у дверцы и зовите на помощь, поднимите шум. Затем в нескольких словах расскажите обо всем, что вы видели: о нападении, жертвой которого я стал, и о бегстве Арсена Люпена, опишите его, упомянув о мягкой шляпе, зонтике — вашем зонтике — и сером приталенном пальто.

— Вашем пальто, — уточнила она.

— Как моем? Нет, его. У меня не было пальто.

— Мне показалось, что он, когда вошел, тоже был без пальто.

— Да, конечно... если только кто-нибудь не забыл свою одежду в сетке. Во всяком случае, когда он убежал, оно на нем было, и это главное... серое приталенное пальто, запомните... О! Забыл... прежде всего назовите свое имя. Положение вашего мужа подстегнет усердие этих господ.

Подъехали. Она уже высунулась из дверцы. Я опять заговорил довольно твердым, почти повелительным тоном, чтобы мои слова хорошенько запечатлелись у нее в памяти:

— Назовите и мое имя, Гийом Берла. Если надо, скажете, что я ваш

знакомый... Это позволит нам выиграть время... Надо быстро покончить с предварительным расследованием... Главное — погоня за Арсеном Люпенем... ваши драгоценности... Вы не ошибетесь, не правда ли? Гийом Берла, друг вашего мужа.

— Договорились... Гийом Берла.

Размахивая руками, она уже звала на помощь. Едва поезд остановился, как какой-то господин в сопровождении нескольких человек поднялся в вагон. Критический миг приближался.

Задыхаясь, дама воскликнула:

— Арсен Люпен... он набросился на нас... украл мои драгоценности... Я мадам Рено... Мой муж — заместитель начальника управления тюрем... О! Посмотрите, вот как раз и мой брат, Жорж Ардель, директор Руанского банка... вы должны его знать...

Она облобызала только что подошедшего молодого человека, с которым поздоровался полицейский комиссар, и плачущим голосом продолжала:

— Да, Арсен Люпен... когда месье заснул, он бросился на него и схватил за горло... Месье Берла, друг моего мужа.

— Но где же Арсен Люпен? — спросил комиссар.

— Он выпрыгнул из поезда в туннеле, за Сеной.

— Вы уверены, что это был он?

— Уверена ли я! Я его прекрасно узнала. К тому же его видели на вокзале Сен-Лазар. На нем была мягкая шляпа.

— Да нет... шляпа из жесткого фетра, как вот эта, — поправил ее комиссар, показав на мою шляпу.

— Мягкая шляпа, я это утверждаю, — повторила мадам Рено, — и серое приталенное пальто.

— Действительно, — пробормотал комиссар, — в телеграмме упомянуто серое пальто, приталенное и с черным бархатным воротником.

— Верно, с черным бархатным воротником, — торжествующе воскликнула мадам Рено.

Я облегченно вздохнул. О! Моя храбрая, моя великолепная спутница, как вы оказались кстати!

Тем временем полицейские освободили меня от моих пут. Я жестоко искусал себе губы, потекла кровь. Согнувшись вдвое, с платком у рта, как подобает человеку, долгое время просидевшему в неудобной позе и хранящему на лице кровавые следы от кляпа, ослабевшим голосом я сказал комиссару:

— Месье, это был Арсен Люпен, сомнений нет... Если не мешкать, его еще можно поймать... Надеюсь, смогу быть вам чем-то полезен...

Вагон, который должен был стать объектом расследования, был отцеплен. Поезд отправился в Гавр. Нас повели в кабинет начальника вокзала сквозь толпу любопытных, заполнивших перрон.

В этот момент я заколебался. Мне легко было удалиться под каким-нибудь предлогом, найти свой автомобиль и бежать. Дальнейшее ожидание было опасно. Достаточно было какого-нибудь инцидента или появления телеграммы из Парижа, и я пропал.

Да, но мой вор? Вынужденный рассчитывать только на собственные средства, оказавшись в незнакомом месте, я вряд ли мог найти его.

«Что ж! Рискнем, — подумал я, — и останемся. Партию выиграть трудно, но поиграть в нее очень забавно! Да и ставка того стоит».

И так как нас просили еще раз повторить показания, я воскликнул:

— Господин комиссар, сейчас Арсен Люпен опережает нас. Мой автомобиль стоит во дворе. Если вы доставите мне удовольствие и сядете в него, мы попытаемся...

Комиссар с хитрым видом улыбнулся:

— Идея неплоха... настолько неплоха, что уже осуществляется.

— О!

— Да, месье, некоторое время назад... два моих агента уже отправились на велосипедах...

— Но куда?

— К выходу из туннеля. Там они будут искать следы, соберут свидетельские показания и поедут по следу Арсена Люпена.

Я не удержался и пожал плечами.

— Ваши два агента ни следов не найдут, ни показаний не соберут.

— Неужели?

— Арсен Люпен позаботился о том, чтобы никто не увидел, как он выходит из туннеля. Он доберется до ближайшей дороги и оттуда...

— И оттуда — в Руан, где мы его и поймем.

— Он не пойдет в Руан.

— Значит, будет бродить в его окрестностях, где мы чувствуем себя еще увереннее.

— Он не останется в окрестностях.

— Да ну! И где же он будет прятаться?

Я достал часы.

— В настоящее время Арсен Люпен бродит неподалеку от вокзала Дарнеталь. В десять часов пятьдесят минут, то есть через двадцать две минуты, на Северном вокзале он сядет в поезд, следующий из Руана в Амьен.

— Вы полагаете? Но откуда вам это известно?

— О! Все очень просто. В купе Арсен Люпен смотрел мою карту. Зачем? Не было ли неподалеку от того места, где он исчез, другой линии железной дороги, вокзала на ней и поезда, останавливающегося на этом вокзале? Я тоже рассматривал свою карту. Вот откуда моя идея.

— Воистину, месье, — сказал комиссар, — великолепный расчет. Какая компетентность!

Но, увлекшись своей идеей, я допустил оплошность, слишком открыто продемонстрировав свое мастерство. Полицейский смотрел на меня с удивлением, казалось, им овладело какое-то смутное подозрение. О, очень смутное, потому что фотографии, разосланные повсюду полицией, были слишком плохи, Арсен Люпен выглядел на них совсем не похожим на того человека, что стоял перед ним, и узнать его было невозможно. И все же полицейский был чем-то смущен, как-то странно озабочен.

На минуту все замолчали. Что-то двусмысленное и непонятное сдерживало разговор. Даже меня пробрала дрожь, стало как-то не по себе. Неужели удача отвернется от меня? Овладев собой, я засмеялся.

— Господи, неужели вы не понимаете, что я хочу получить назад свой украденный бумажник? И если бы вы согласились отдать в мое распоряжение двух своих агентов, мне кажется, вместе мы, может быть, смогли...

— О! Прошу вас, господин комиссар, — воскликнула мадам Рено, — послушайте же господина Берла.

Вмешательство моей замечательной попутчицы решило дело. Имя Берла в устах жены влиятельного человека действительно становилось моим и удостоверяло мою личность настолько, что никакие подозрения были недопустимы. Комиссар встал:

— Уверяю вас, месье Берла, я был бы чрезвычайно рад вашему успеху. Так же, как и вы, я заинтересован в аресте Арсена Люпена.

Он проводил меня до автомобиля. Два агента, которых он мне представил, Оноре Массоль и Гастон Деливе, заняли в нем свои места. Я же сел за руль. Механик завел мотор. Через несколько секунд мы покинули вокзальную площадь. Я был спасен.

О! Признаюсь, что, проезжая по бульварам, опоясывающим старый нормандский город, на огромной скорости, которую развил мой «моролептон», — тридцать пять лошадиных сил, — я не мог не испытывать чувство гордости. Мотор мелодично фырчал. Справа и слева мимо нас проносились деревья. И свободный, вне опасности, я был озабочен только тем, как уладить свои личные дела с помощью двух достойных

представителей власти. Арсен Люпен ехал на поиски Арсена Люпена!

Скромные защитники общественного порядка, Деливе Гастон и Массоль Оноре, как бесценна для меня ваша помощь! Что бы я делал без вас? Не будь вас, я бы столько раз свернул не на ту дорогу! Без вас Арсен Люпен сбился бы с пути, а тот, другой, улизнул бы!

Но не все еще было кончено. Далеко нет. Во-первых, мне необходимо было догнать парня, а затем самому завладеть бумагами, которые он у меня похитил. Ни за что на свете нельзя было допустить, чтобы мои помощники сунули нос в эти документы, а тем более захватили их. Использовать агентов, но действовать без них — вот чего я хотел, хотя это было совсем не легко.

На вокзал Дарнеталь мы опоздали на три минуты, поезд уже ушел. Правда, я утешился, узнав, что какой-то человек в сером приталенном пальто с черным бархатным воротником поднялся в купе второго класса с билетом до Амьена. Мои первые шаги в качестве сыщика оказались многообещающими.

Деливе сказал мне:

— Этот поезд — экспресс, он остановится только в Монтеролье-Бюши через девятнадцать минут. Если мы не прибудем туда раньше Арсена Люпена, он сможет добраться до Амьена или пересест в поезд на Клер, а оттуда направиться в Дьепп или Париж.

— Далеко ли до Монтеролье?

— Двадцать три километра.

— Двадцать три километра за девятнадцать минут... мы попадем туда раньше него.

Захватывающая гонка! Никогда еще мой верный «моро-лептон» не отзывался на мое нетерпение с такой отдачей и четкостью. Казалось, ему передается моя воля напрямую, без посредничества ручек и рычагов. Автомобиль разделял мои желания. Одобрял мое упорство. Понимал мою злость на этого кретина Арсена Люпена. Лицемер! Предатель! Сумею ли я одержать верх над ним? Посмеется ли он еще раз над престижем того, в кого воплотился?

— Направо! — кричал Деливе. — Налево!.. Прямо!..

Мы летели над землей. Дорожные знаки казались маленькими пугливыми зверьками, падавшими в обморок при нашем приближении.

И вдруг на повороте какой-то дороги — облако дыма, Северный экспресс.

На протяжении километра шла борьба, бок о бок, борьба неравная, исход которой был неясен. К моменту прибытия мы обогнали его на

двадцать корпусов.

В три секунды мы добежали до перрона, к вагону второго класса. Дверцы открылись. Вышло несколько человек. Но вора моего не оказалось. Мы осмотрели купе. Нет Арсена Люпена!

— Черт возьми! — воскликнул я. — Он, наверное, увидел меня в автомобиле, когда мы ехали рядом с поездом, узнал и спрыгнул.

Начальник поезда подтвердил это предположение. Он видел человека, скатившегося по насыпи в двухстах метрах от вокзала.

— Смотрите, вон там... он переходит железнодорожный переезд.

Я бросился вперед, за мной — оба моих помощника, или скорее один, так как второй, Массоль, оказался отличным бегуном, обладающим выносливостью и скоростью. За несколько секунд расстояние, отделявшее его от беглеца, удивительно сократилось. Мужчина заметил это, перескочил через изгородь и быстро припустился к откосу, взобрался на него. Мы увидели его уже далеко: он входил в небольшой лесок.

Когда мы добрались туда, Массоль нас уже ждал. Он решил, что не следует идти дальше, иначе он нас потеряет.

— Поздравляю вас, мой дорогой друг, — сказал я ему. — После такой гонки этот парень наверняка выдохся. Он у нас в руках.

Я осмотрел местность, изыскивая возможность арестовать беглеца без свидетелей, дабы самому провести изъятие вещей, чего наверняка не допустили бы стражи закона без предварительных неприятных расспросов. Затем вернулся к моим спутникам.

— Так вот, все очень просто. Вы, Массоль, стойте здесь, слева. А вы, Деливе, — справа. Наблюдайте отсюда за дальней опушкой, он не сможет выйти из рощи так, чтобы вы его не заметили, если только не пойдет по оврагу, где позицию займу я. Если он не выйдет, мне придется пойти за ним самому и погнать к одному из вас. Вам надо только его дожидаться. О! Забыл: сигнал тревоги — выстрел.

Массоль и Деливе пошли каждый на свое место. Как только они скрылись, я устремился в лес, стараясь идти крайне осторожно, так, чтобы меня было не видно и не слышно. Я шел по густым зарослям, сквозь которые для охоты были проложены очень узкие тропки; пройти по ним можно было лишь согнувшись, как по зеленому подземелью.

Одна из тропинок вела на поляну; на мокрой траве еще сохранялись чьи-то следы. Я пошел по ним, стараясь проскользнуть сквозь лесную поросль. Следы привели меня к небольшому холмику, над которым возвышалась полуразрушенная хибарка, выложенная из строительных отходов.

«Он, должно быть, там, — подумал я. — Хорошо выбрал наблюдательный пункт».

Я пробрался поближе к строению. Легкий шорох выдал его присутствие, и действительно, через дверной проем я увидел, что он сидит ко мне спиной.

В два скачка я набросился на него. Он попытался навести на меня пистолет, который держал в руках. Но выстрелить не успел, я повалил его на землю, скрутил ему руки за спину и коленом придавил грудь.

— Послушай, малый, — шепнул я ему на ухо, — я Арсен Люпен. Ты сейчас же и добровольно вернешь мне мой бумажник и сумочку дамы... за это я вытащу тебя из лап полиции и зачислю в компанию моих друзей. Одно только слово: да или нет.

— Да, — прошептал он.

— Тем лучше. Сегодня утром ты красиво обстригал это дело. Мы пойдем друг друга.

Я встал. Он порылся в кармане, достал оттуда большой нож и попытался ударить меня.

— Идиот! — воскликнул я.

И одной рукой я парировал удар, а другой со всей силы врезал по сонной артерии. Он упал как подкошенный.

Я нашел свой бумажник с документами и деньгами. Но мне было интересно порыться в его кошельке. На конверте, который я обнаружил, было написано: Пьеру Онфрэ.

Я вздрогнул. Пьер Онфрэ, убийца с улицы Лафонтена, в Отей! Пьер Онфрэ, человек, зарезавший мадам Дельбуа и двух ее дочерей. Я склонился над ним. Да, это было то самое лицо, которое в купе напомнило мне промелькнувшие когда-то черты.

Но время шло. Я сунул в конверт две купюры по сто франков, визитную карточку и записку:

«Арсен Люпен — своим коллегам Оноре Массолю и Гастону Деливье, в знак признательности».

Затем положил конверт на виду посреди комнаты. Рядом — сумочку мадам Рено. Мог ли я не вернуть ее замечательной попутчице, которая помогла мне?

Каюсь, но я все же вынул оттуда все, что представляло какую-то ценность, оставив лишь черепаховую расческу и пустой кошелек. Какого черта! Дело есть дело. К тому же ремесло ее мужа слишком постыдно!..

Но что делать с этим человеком? Он зашевелился. Что же делать? У меня не было желания ни спасти его, ни выносить приговор.

Я отобрал у него револьвер и выстрелил в воздух.

«Эти двое сейчас явятся, — подумал я, — пусть сам выпутывается! Все будет так, как предначертано судьбой».

И побежал по тропинке, проложенной по дну оврага.

Через двадцать минут проселочная дорога, которую я заметил во время преследования, вывела меня к машине.

В четыре часа я телеграфировал моим друзьям в Руан, что непредвиденная случайность вынуждает меня отложить визит. Строго между нами, но я очень опасаясь, что после того, как им стало многое известно, этот визит придется отложить на неопределенное время. Какое жестокое разочарование для них!

В шесть часов я возвращался в Париж через Иль-Адам, Энгьен и ворота Бино.

Из вечерних газет я узнал, что наконец удалось схватить Пьера Онфрэ.

На следующий день, — не будем пренебрегать полезными свойствами умной рекламы, — «Эко де Франс» опубликовала следующую сенсационную заметку:

«Вчера в окрестностях Бюши после многочисленных попыток Арсену Люпену удалось арестовать Пьера Онфрэ. Недавно убийца с улицы Лафонтена по пути из Парижа в Гавр ограбил мадам Рено, жену заместителя начальника управления тюрем. Арсен Люпен вернул мадам Рено сумочку, в которой лежали ее драгоценности, и щедро наградил двух полицейских агентов, оказавших ему помощь в осуществлении этого драматического ареста».

Колье королевы

Два-три раза в год по случаю больших торжеств, таких как балы в австрийском посольстве или вечера у леди Биллингстоун, графиня де Дре-Субиз украшала свои белые плечи знаменитым «Колье королевы».

Это было то самое легендарное колье, которое придворные ювелиры Бомер и Бассанж изготовили для графини дю Барри; в дальнейшем кардинал Роан-Субиз намеревался преподнести его королеве Франции Марии-Антуанетте, а авантюристка Жанна де Валуа, графиня де ля Мотт, вместе со своим мужем и их сообщником Рето де Вилеттом развела колье на части февральским вечером 1785 года.

По правде говоря, подлинной в колье оставалась только оправа. Рето де Вилетт сохранил ее, тогда как господин де ля Мотт и его жена — сущие варвары — промотали вынутые из оправы драгоценности, великолепные камни, так искусно подобранные Бомером. Позднее, в Италии, Рето де Вилетт продал оправу Гастону де Дре-Субизу, племяннику и наследнику кардинала, который спас дядю от разорения, вызванного скандальным банкротством дома «Роан-Гемене», и в память о своем высокопоставленном родственнике выкупил несколько бриллиантов, оказавшихся в коллекции английского ювелира Джеффриса, дополнил их другими, того же размера, но значительно меньшей ценности, и сумел воссоздать чудесное «колье, попавшее в рабство» в первоначальном виде, то есть таким, каким оно выглядело в руках Бомера и Бассанжа.

Почти целый век род Дре-Субизов гордился этой драгоценной исторической реликвией. И несмотря на то что в силу ряда обстоятельств состояние семьи заметно уменьшалось, владельцы колье не желали продавать королевское сокровище, предпочитая сокращать штат прислуги. Последний граф де Дре-Субиз дорожил им так, как дорожат именем предков. В целях предосторожности он хранил его в сейфе «Креди лионэ». Когда жена собиралась надеть колье, он после обеда отправлялся в банк, забирал его, а на следующий день возвращал обратно.

В тот вечер, на приеме в Кастильском дворце — события относятся к началу века — графиня произвела фурор; сам король Кристиан, в честь которого было устроено торжество, обратил внимание на ее необыкновенную красоту. На изящней шейке сияли драгоценные камни. В лучах света бриллианты сверкали и переливались тысячами граней. Казалось, ни одна другая женщина не сумела бы с таким изяществом и

благородством носить на плечах столь драгоценную тяжесть.

Это был двойной триумф. Граф де Дре наслаждался им вполне, а когда супруги вернулись в свой старый особняк, расположенный в предместье Сен-Жермен, и вошли в спальню, граф откровенно торжествовал. Он гордился своей женой и, наверное, ничуть не меньше, драгоценным колье, приносящим славу уже четвертому поколению в его роду. Жена чуть сдержаннее выражала свою радость, что, конечно, свидетельствовало о ее гордом нраве.

Довольно неохотно она сняла колье со своих плеч и протянула мужу, который с восторгом осмотрел сокровище, будто раньше не видел его. Затем, уложив реликвию в красную кожаную шкатулку с гербом кардинала, граф прошел в соседний кабинет, точнее, маленький альков, полностью изолированный от спальни и имеющий только один вход, находившийся в изножии супружеской кровати. Как всегда, хозяин спрятал шкатулку на довольно высокой полке среди шляпных коробок и стопок белья. После этого закрыл дверь и разделся.

Утром граф встал около девяти часов, чтобы до завтрака побывать в «Креди лионэ». Он оделся, выпил чашку кофе и спустился в конюшню. Здесь он отдал ряд распоряжений. Его беспокоила одна кобыла. Он велел провести ее и пустить рысью по двору. Затем вернулся к жене.

Графиня еще не покидала спальни, горничная помогала ей укладывать волосы.

— Вы уходите? — спросила она мужа.

— Да... по этому делу...

— О! Конечно... так надежнее...

Граф вошел в кабинет. Но через несколько секунд без особого, кстати, удивления, спросил:

— Вы взяли его, дорогая?

— Что? Нет-нет, я ничего не брала, — ответила жена.

— Вы его переложили.

— Вовсе нет... я даже дверь в кабинет не открывала.

Граф появился на пороге, на нем лица не было; еле слышным голосом он пробормотал:

— У вас его нет?.. Это не вы?.. Тогда...

Графиня подбежала к нему, и они стали лихорадочно искать пропажу, бросая коробки на пол и расшвыривая горы белья. Граф все время повторял:

— Бесполезно... все, что мы делаем, бесполезно. Я положил его вот сюда, на эту полку.

— Вы могли ошибиться.

— Нет, сюда, на эту полку, и ни на какую другую.

Они зажгли свечу, потому что в этой комнатке было довольно темно, вынесли белье и убрали все вещи, загромождавшие помещение. Когда в кабинете ничего не осталось, они с отчаянием признали тот факт, что знаменитое кольцо, «Колье королевы, попавшее в рабство», исчезло.

Решительная по характеру графиня, не тратя времени на бесплодные сожаления, послала за комиссаром полиции господином Валорбом, проницательность и здравомыслие которого супруги уже имели возможность оценить. Его ввели в курс дела, подробно рассказав обо всем, и он тут же спросил:

— Уверены ли вы, господин граф, что никто не мог пройти ночью через вашу спальню?

— Абсолютно уверен. У меня очень чуткий сон. Более того, дверь спальни была заперта на задвижку. Сегодня утром, когда жена позвонила, вызывая горничную, мне пришлось отодвигать ее.

— А нельзя ли проникнуть в кабинет каким-нибудь другим путем?

— Невозможно.

— Окна нет?

— Есть, но оно загорожено.

— Я хотел бы это проверить...

Зажгли свечи, и месье Валорб тут же указал на то, что окно лишь до середины было загорожено буфетом, который к тому же был не очень плотно прижат к раме.

— Он стоит так близко у окна, что его невозможно сдвинуть без грохота, — возразил месье де Дре.

— А куда выходит это окно?

— Во внутренний дворик.

— А под вами есть еще этаж?

— Два этажа, но на уровне комнат для прислуги установлена решетка в мелкую сетку, отгораживающая их от дворика. Вот почему у нас так мало света.

К тому же, когда отодвинули буфет, оказалось, что окно закрыто, а этого не могло быть, если бы кто-то пролез в комнату снаружи.

— Если только этот «кто-то» не вышел через нашу спальню, — заметил граф.

— Но в таком случае она не была бы заперта на задвижку.

Комиссар подумал с минуту, затем, обернувшись к графине, спросил:

— Мадам, было ли известно в вашем окружении, что вы собирались

надеть это кольцо вчера вечером?

— Конечно, я этого не скрывала. Но никто не знал, что мы запираем его в этом кабинете.

— Никто?

— Никто... За исключением разве...

— Прошу вас, мадам, уточните. Эта деталь — одна из важнейших.

— Я подумала об Анриетте, — сказал графиня мужу.

— Анриетте? Она знает об этом не больше других.

— Ты в этом уверен?

— Кто эта дама? — спросил месье Валорб.

— Мы дружили в монастыре, она порвала со своей семьей, чтобы выйти замуж за простого человека, чуть ли не рабочего. После смерти ее мужа я взяла ее вместе с сыном к себе, обставила им квартирку в этом доме.

И добавила смущенно:

— Она оказывает мне кое-какие услуги. Руки у нее золотые.

— На каком этаже она живет?

— На нашем, недалеко отсюда... в конце коридора... Кстати, кажется... окно ее кухни...

— Выходит на этот дворик, не так ли?

— Да, как раз напротив нашего окна.

После этого заявления наступила короткая пауза.

Затем месье Валорб попросил проводить его к Анриетте.

Они застали ее за шитьем, рядом с ней читал книгу малыш шести-семи лет. Увидев, как бедно обставлено ее жилище, состоявшее всего лишь из одной комнаты без камина и маленькой ниши, заменяющей кухню, комиссар немного удивился и стал задавать вопросы. Сообщение о совершившейся краже, по всей видимости, поразило ее. Накануне вечером она сама одевала графиню и застегивала кольцо у нее на шее.

— Великий Боже! — воскликнула она. — Кто бы мог подумать!

— А вам на ум ничего не приходит? Ни малейшего подозрения? Не исключено, что преступник пробрался в дом через вашу комнату.

Она от души рассмеялась, даже мысли не допуская, что на нее может пасть хоть тень подозрения.

— Но я не покидала своей комнаты, я ведь никуда не хожу. К тому же разве вы не видели?

Она открыла окно в нише.

— Посмотрите, до подоконника напротив тут не меньше трех метров.

— Кто вам сказал, что по нашей версии кража совершена там?

— Но... разве кольцо находилось не в кабинете?

— Откуда вам это известно?

— Боже мой! Я всегда знала, что на ночь кольцо кладут туда... Об этом говорили в моем присутствии.

На ее молодом, но поблекшем от горестей лице отразились глубочайшая кротость и смирение. Но вдруг при полном безмолвии выражение этого лица сменилось страхом, как будто она почувствовала угрожающую ей опасность. Анриетта притянула сына к себе. Ребенок взял ее руку и нежно поцеловал.

— Надеюсь, — сказал господин де Дре комиссару, когда они остались одни, — вы ее не подозреваете? Я ручаюсь за нее. Это сама порядочность.

— О! Полностью разделяю ваше мнение, — заверил ее месье Валорб. — Я лишь подумал о неосознанном сообщничестве. Но согласен, эту версию следует исключить, тем более что она никак не поможет решить загадку, с которой мы столкнулись.

Комиссар больше не принимал участия в расследовании, продолженном и расширенным следователем в последующие дни. Допросили слуг, проверили запор, провели эксперименты с окном в кабинете, обследовали дворик снизу доверху... Все было бесполезно. Задвижка оказалась в полном порядке. Снаружи окно невозможно было ни открыть, ни закрыть.

Особенно тщательно проверяли Анриетту, так как, несмотря ни на что, все замыкалось на ней. В ее жизни покопались самым беззастенчивым образом; было установлено, что за последние три года она выходила из дома не более четырех раз, и всегда за покупками, о которых было известно. На самом деле она служила горничной и портнихой у мадам де Дре, которая обращалась с ней чрезвычайно сурово, о чем свидетельствовали тайные показания всей прислуги.

— Впрочем, — говорил следователь, пришедший через неделю к тому же заключению, что и комиссар, — если бы личность виновного и была установлена, чего не произошло, все равно не удалось бы узнать, каким способом была совершена эта кража. И справа, и слева перед нами две преграды: закрытые двери и окно. Двойная загадка! Как вор ухитрился проникнуть внутрь и как, что значительно труднее, сумел улизнуть, оставив за собой закрытую на задвижку дверь и запорное окно?

По истечении четырех месяцев следователь решил про себя так: месье и мадам де Дре, испытывая денежные затруднения, продали кольцо королевы. И закрыл дело.

Кража драгоценного украшения нанесла супругам Дре-Субиз удар, от которого они долго не могли оправиться. Своеобразный запас, каковым являлось эдакое сокровище, больше не обеспечивал им кредита, заимодавцы стали более требовательны и менее щедры. Им пришлось принять срочные меры, что-то продать, что-то заложить. Короче, их ожидало разорение, если бы не спасительное наследство, полученное от двух дальних родственников.

Дворянская гордость супругов также была уязвлена, будто в их родословной обнаружилось темное пятно. И странная вещь, графиня накинулась на свою прежнюю подругу по пансиону. Она испытывала к ней настоящую ненависть и открыто обвиняла Анриетту. Сначала ее перевели на этаж, где жили слуги, затем в один прекрасный день прогнали совсем.

Жизнь потекла без особых событий. Дре-Субизы много путешествовали.

Заслуживает упоминания только один факт, имевший место в этот период. Через несколько месяцев после ухода Анриетты от нее пришло письмо, чрезвычайно удивившее графиню:

«Мадам!

Не знаю, как благодарить Вас. Ведь это Вы, не правда ли, прислали мне это? Вы, и только Вы. Никто другой не знает о моем уединении в этой маленькой деревушке. Если же я ошибаюсь, извините меня и по крайней мере будьте уверены в моей признательности за Вашу доброту в прежние времена...»

Что она имела в виду? Настоящая или прежняя доброта графини по отношению к подруге сводилась к множеству несправедливых поступков. Что означали эти выражения благодарности?

Графиня потребовала объяснений, и Анриетта ответила, что получила по почте, обычным, не заказным и не ценным письмом, две купюры по тысяче франков. Конверт, приложенный к ее ответу, был с парижским штампом, на нем не было ничего, кроме адреса, написанного явно измененным почерком.

Откуда взялись эти две тысячи франков? Кто их послал? Правосудие попыталось выяснить. Но разве отыщешь след в этих потемках?

А через двенадцать месяцев произошло то же самое. Затем в третий, в четвертый раз. Так повторялось ежегодно в течение шести лет с той только разницей, что на пятый и шестой год сумма удвоилась, что позволило внезапно заболевшей Анриетте лечиться как следует.

И еще одна особенность: когда администрация почты под предлогом того, что ценность письма не заявлена, задержало его, два следующих были отосланы как положено, первое по времени — из Сен-Жермена, второе — из Сюрени. Отправитель сначала подписался фамилией Анкета, затем — Пешар. Обратные адреса, указанные на конверте, оказались ложными.

Спустя шесть лет Анриетта умерла. Загадка так и не была разгадана.

Все эти события широко известны. Такого рода ограбление не могло не взбудоражить общественное мнение; да, странная судьба у этого колье, история которого потрясла Францию в конце XVIII века, а сто двадцать лет спустя снова возбудила столько эмоций. Однако то, что я сейчас расскажу, никому не известно, за исключением заинтересованных лиц и еще нескольких человек, которых граф попросил сохранять все в глубокой тайне. Рано или поздно они наверняка нарушат клятву, и потому я безо всяких угрызений совести приоткрываю завесу; таким образом, вам откроется и ключ к загадке, и тайна письма, опубликованного в газетах позавчера утром, необыкновенного письма, которое добавило, если такое возможно, еще немного путаницы и таинственности к загадочным обстоятельствам драмы.

Произошло это пять дней назад. Среди гостей, приглашенных на завтрак к господину Дре-Субизу, были его племянницы и кузина, а из мужчин — председатель суда Эссавиля депутат Боша, кавалер Флориани, с которым граф познакомился в Сицилии, и генерал, маркиз де Рузьер, старый друг дома.

После трапезы дамы подали кофе, и мужчинам было разрешено выкурить по сигарете при условии, что они не покинут гостиную. Завязался разговор. Одна из девушек в шутку взялась погадать на картах. Затем речь зашла о знаменитых преступлениях. И в связи с этим месть де Рузьер, никогда не упускавший случая подразнить графа, напомнил историю с колье — ненавистный для графа сюжет обсуждения.

И тут же каждый из присутствующих высказался по этому поводу. Каждый изложил свою версию. Разумеется, все они противоречили друг другу, все были одинаково несостоятельны.

— А вы, месть, что думаете о краже колье? — обратилась графиня к кавалеру Шлориани.

— О! Я ничего не думаю, мадам.

Гости запротестовали. Дело в том, что кавалер только что очень ярко описал несколько историй, которыми занимался вместе с отцом,

палермским судьей, и его умение разбираться в подобных делах, интерес к ним, были очевидны.

— Честно говоря, — заявил он, — мне удавалось преуспеть там, где пасовали подлинные знатоки своего дела. Но из этого вовсе не следует, что я Шерлок Холмс... Кроме того, мне почти неизвестно, о чем идет речь.

Все повернулись к хозяину дома. И ему, скрепя сердце, пришлось изложить факты. Кавалер выслушал, подумал, задал несколько вопросов и прошептал:

— Странно... но на первый взгляд загадка кажется мне не такой уж неразрешимой.

Граф пожал плечами. А остальные сгрудились вокруг кавалера, который немного категорично продолжал:

— Обычно для того, чтобы добраться до виновника преступления, скажем кражи, нужно разобраться, как было совершено это преступление или кража. По-моему, в данном случае все происходило так просто, что дальше некуда, потому что перед нами не множество версий, а одна непреложная истина, единственная и неопровержимая; она заключена в следующем: человек этот мог проникнуть внутрь через дверь спальни или через окно кабинета. Однако запертую на задвижку дверь снаружи не откроешь. Значит, он пролез через окно.

— Оно было закрыто, и следствие в этом убедилось, — заявил месье де Дре.

— Для этого, — продолжал Флориани, не обращая внимание на то, что его перебили, — ему надо было лишь соорудить мостик, перекинуть доску или лестницу от кухонного балкона до подоконника, и когда шкатулку...

— Но я вам повторяю: окно было закрыто! — в нетерпении воскликнул граф.

На этот раз Флориани пришлось ответить. Что он и сделал с полнейшим спокойствием, как человек, которого ничуть не смущает столь незначущее возражение.

— Я допускаю, что оно было закрыто, но разве там не было форточки?

— Откуда вы это знаете?

— Во-первых, почти во всех особняках такой постройки окна с форточками. И потом, так должно было быть, иначе кража просто необъяснима.

— Форточка действительно существует, но она закрыта, так же как окно. Никто на нее и внимания не обратил.

— Это ошибка. Если бы ее осмотрели, то обнаружили бы, что ее открывали.

— Но как?

— Я предполагаю, что эта форточка, как обычно, открывается при помощи плетеной металлической проволоки, на конце которой имеется кольцо, не так ли?

— Да.

— И это кольцо висело между оконной рамой и буфетом?

— Да, но я не понимаю...

— Вот. Через щель, сделанную в окне легко было просунуть железную палочку с крючком на конце, подцепить кольцо, нажать и открыть форточку.

Граф засмеялся:

— Великолепно! Браво! Вы так легко все разложили! Но вы забыли, дорогой друг, лишь об одном: в окне не было щели.

— Щель была.

— Полноте, мы бы увидели ее.

— Чтобы увидеть, надо приглядеться, но никто этого не сделал. Щель есть, практически исключено, что ее не было между стеклом и замазкой... по вертикали, разумеется.

Граф встал, взволнованный до предела. Нервным шагом он два-три раза прошелся по гостиной и, подойдя к Флориани, сказал:

— С того дня там наверху ничего не изменилось... никто больше не входил в этот кабинет.

— В таком случае, месье, вы можете убедиться сами, что мое объяснение соответствует действительности.

— Оно не совпадает ни с одним фактом, установленным следствием. Вы ничего не видели, ничего не знаете и утверждаете противоположное всему тому, чему мы были свидетелями и что нам известно.

Флориани, будто не заметив раздражения графа, с улыбкой сказал:

— Боже мой, месье, я просто стараюсь увидеть все, как есть, не больше. Если я ошибаюсь, докажите это.

— Докажу, и безотлагательно... Признаюсь, ваша самоуверенность в конце концов...

Месье де Дре пробормотал еще несколько слов, затем вдруг направился к двери и вышел.

После чего не прозвучало ни слова. Все застыли в напряженном ожидании, как будто в самом деле вот-вот должна была открыться частица истины. И тишина нависла всей своей тяжестью.

Наконец в проеме двери появился граф. Он был бледен и странно возбужден. Дрожащим голосом господин де Дре сказал своим друзьям:

— Прошу прощения... открытия, сделанные господином Флориани столь неожиданны... никогда бы не подумал...

Жена, сгорая от нетерпения, перебила его:

— Говори... умоляю тебя... что там?

— Щель существует... — пробормотал он, — точно в указанном месте... вдоль стекла.

Вдруг он схватил кавалера за руку и сказал ему повелительным тоном:

— А теперь, месье, продолжайте... я признаю, что до сих пор вы были правы; но теперь, не все еще кончено... отвечайте... как по-вашему все произошло?

Флориани тихонько высвободился и через секунду произнес:

— Так вот, по-моему, произошло следующее: человек, зная, что мадам де Дре отправится на бал и наденет колье, перебросил мостик во время вашего отсутствия. Наблюдая за вами через окно, он увидел, как вы прячете драгоценность. Едва вы ушли, он вынул стекло и потянул за кольцо.

— Допустим, но расстояние слишком велико для того, чтобы он смог через форточку дотянуться до ручки окна.

— Если он не смог открыть окно, значит, он пролез через форточку.

— Невозможно: не бывает мужчин такой худобы, чтобы пролезть через эту форточку.

— Значит, это не мужчина.

— Как!

— Конечно. Если отверстие слишком узко для мужчины, значит, это был ребенок.

— Ребенок!

— А не говорили ли вы, что у вашей подруги Анриетты был сын?

— Действительно... сын, которого звали Рауль.

— Вполне вероятно, что Рауль и совершил кражу.

— Как вы это докажете?

— Как докажу?... Доказательств хватает... Вот, например...

Он умолк и задумался на несколько секунд. Затем продолжил:

— Вот, например, этот мостик... трудно поверить, что ребенок мог принести его откуда-то и унести так, чтобы никто этого не заметил. Он, должно быть, использовал то, что было под рукой. В нише, где Анриетта готовила пищу, наверняка висели доски, на которые складывали кастрюли.

— Две доски, если не ошибаюсь.

— Нужно проверить, действительно ли эти доски прикреплены к деревянным опорам, которые их поддерживают. В противном случае нам

будет позволено предположить, что ребенок открепил их, затем связал одну с другой. А поскольку в комнате была плита, мы, быть может, найдем и кочергу, которой он, судя по всему, воспользовался, открывая форточку.

Не сказав ни слова, граф вышел, но, в отличие от предыдущего раза, присутствующие не ощутили ни малейшего волнения перед неизвестностью. Они знали, знали абсолютно точно, что предположения Флориани справедливы. От него исходила такая непоколебимая уверенность, что, казалось, он, переходя от одного факта к другому, не версию выстраивает, а излагает подлинные события, которые со временем нетрудно будет проверить.

И никто не удивился, когда граф, в свою очередь, объявил:

— Это и вправду ребенок, все подтверждается.

— Вы видели доски... кочергу?

— Видел... доски откреплены... кочерга еще там.

Мадам де Дре-Субиз воскликнула:

— Это он... Вы, наверное, хотите сказать, что это его мать. Анриетта и есть единственная виновница. Она заставила своего сына...

— Нет, — возразил кавалер, — мать здесь ни при чем.

— Полноте! Они жили в одной комнате, ребенок не мог ничего сделать тайне от Анриетты.

— Они жили в одной комнате, но все произошло в соседнем помещении, ночью, когда мать спала.

— А колье? — спросил граф. — Его могли найти в вещах мальчишки.

— Простите! Он выходил из дома. В то самое утро, когда вы застали его за рабочим столом, он уже вернулся из школы, и, может быть, правосудию, вместо того чтобы тратить энергию на допросы невинной матери, стоило бы направить свои таланты на поиски колье там, в детском столе, среди школьных учебников.

— Пусть так, но разве две тысячи франков, которые Анриетта получала каждый год, не лучшее доказательство ее сообщничества?

— Если бы она была сообщницей, зачем было ей благодарить вас за эти деньги? И кроме того, за ней ведь следили, не так ли? Тогда как ребенок был свободен и совершенно спокойно мог добраться до ближайшего городка, сговориться там с каким-нибудь перекупщиком и уступить ему за ничтожную цену один, иногда два бриллианта... при одном условии: деньги должны быть посланы из Парижа, тогда на следующий год все повторится.

Необъяснимое ощущение неловкости сковало Дре-Субизов и их гостей. И в самом деле, в тоне и позе Флориани было нечто другое, не имеющее

отношения к той самоуверенности, которая с самого начала так раздражала графа. В них была ирония, и ирония скорее враждебная, нежели дружеская, каковой она должна была бы быть.

Граф нарочито рассмеялся:

— Я в восторге от того, как вы ловко все это проделали! Мои поздравления! Какое богатое воображение!

— О нет, нет, — возразил Флориани более серьезно, — я ничего не воображал, я излагал события, которые наверняка происходили так, как я говорю.

— Что вы о них знаете?

— То, что вы сами рассказали. Я представляю себе жизнь матери и ребенка там, в далекой провинции; мать заболевает, ребенок придумывает всякие хитрости, изворачивается, чтобы продать камешки, чтобы спасти мать или по крайней мере скрасить последние мгновения ее жизни. Болезнь уносит ее. Она умирает. Проходят годы. Ребенок вырастает, становится мужчиной. И тогда... но на этот раз я готов признать, что даю волю воображению... предположим, что этот человек испытывает потребность вернуться в те места, где жил в детстве, увидеть их снова, поглядеть на тех, кто подозревал, обвиняя его мать... представляете себе, какой жгучий интерес могла пробудить в нем подобная встреча в старом доме, где разворачивались перипетии этой драмы?

Его слова несколько секунд звучали в напряженной тишине, а на лицах месье и мадам Дре-Субиз было написано отчаянное желание понять и вместе с тем страх, тревога оттого, что поймут.

— Кто же вы все-таки, месье? — прошептал граф.

— Я? Кавалер Флориани, с которым вы познакомились в Палермо и были настолько добры, что уже неоднократно приглашали к себе.

— Тогда что означает эта история?

— О! Ровным счетом ничего! С моей стороны это просто игра. Я пытаюсь представить себе, с какой радостью сын Анриетты, если он все же существует, сказал бы вам, что он один был виновен и совершил кражу только потому, что его мать была несчастна, боялась потерять место... прислуги, которое давало ей средства к существованию, и еще потому, что ребенок страдал, видя несчастной свою мать.

Он говорил со сдержанным волнением, привстав и наклонившись к графине. Никакого сомнения быть не могло. Кавалер Флориани был не кто иной, как сын Анриетты. Все в его поведении, словах кричало об этом. Впрочем, быть узанным — не в этом ли состояло его очевидное намерение, даже прихоть?

Граф смутился. Как вести себя с этим смелым человеком? Позвонить? Устроить скандал? Разоблачить того, кто когда-то ограбил его? Но это было так давно! И кто же поверит в эту нелепую историю о ребенке-грабителе? Нет, лучше уж оставить все как есть, притворившись, что не понял настоящего смысла сказанного. И граф, подойдя к Флориани, весело сказал:

— Ваша интереснейшая история очень позабавила меня. Уверю вас, она меня просто захватила. Но как по-вашему, что стало с этим милым юношей, этим примерным сыном? Надеюсь, он не остановился на столь славном пути.

— О! Конечно, нет.

— Еще бы! После такого дебюта! В шесть лет украсть кольцо королевы, знаменитое кольцо, о котором мечтала Мария-Антуанетта!

— И украсть его, — заметил Флориани, — вступив в единоборство с графом, украсть, не причинив себе никаких неприятностей, так, что никому и в голову не пришло осмотреть стекла или догадаться, что подоконник слишком чист, поскольку он вытер его, чтобы не осталось следов на слое пыли... Согласитесь, что у ребенка его возраста голова могла пойти кругом. Так ли уж это просто? Неужели надо было лишь захотеть протянуть руку?.. Да, он захотел...

— И протянул руку.

— Обе руки, — добавил кавалер со смехом.

Граф вздрогнул. Какую тайну скрывал так называемый Флориани? Какой необыкновенной была, наверное, жизнь этого авантюриста, в шесть лет гениального вора, который сегодня в поисках утонченного наслаждения или, больше того, для удовлетворения чувства злобы явился в дом своей жертвы, чтобы бросить ей вызов, поступив смело, безумно и тем не менее сохранив корректность галантного визитера!

Флориани встал и подошел проститься к графине. Она чуть не отпрянула. Он улыбнулся:

— О! Мадам, вы боитесь! Неужели я настолько переиграл в этой маленькой комедии, изображая салонного колдуна?

Она взяла себя в руки и ответила с такой же слегка насмешливой непринужденностью:

— Нисколько, месье. Напротив, легенда о добром сыне меня очень заинтересовала, и я счастлива, что мое кольцо положило начало столь блестящей карьеры. Но не считаете ли вы, что сын этой... женщины, Анриетты, в сущности, следовал своему призванию?

Он вздрогнул, почувствовав себя задетым, и ответил:

— Я в этом убежден и даже считаю, что не будь его призвание серьезным, он потерял бы к нему охоту.

— Почему же?

— Видите ли, камни в основном оказались поддельными. Настоящими были только бриллианты, купленные у английского ювелира, остальные же владельцы продавали их по одному, когда этого требовали суровые жизненные обстоятельства.

— И все же это было кольцо королевы, месье, — высокомерно ответила графиня, — а этого, как мне кажется, не мог понять сын Анриетты.

— Он, должно быть, понял, мадам, что, поддельное или настоящее, это кольцо служило для того, чтобы выставлять его напоказ, было своего рода вывеской.

Месье де Дре вспыхнул, но жена опередила его.

— Месье, — сказала она, — если у человека, на которого вы намекаете, есть хоть капля совести...

Она замолчала, спокойный взгляд Флориани смутил ее.

— Если у этого человека есть хоть капля совести...

Она почувствовала, что ничего не добьется, высказываясь подобным образом, и, сделав над собой усилие, смирив свой гнев и возмущение, но все еще дрожа от унижения, почти вежливо продолжила:

— Месье, легенда гласит, что, заполучив кольцо королевы, Рето де Вилетт вынул из него все бриллианты, но не осмелился тронуть оправу. Он понял, что алмазы всего лишь украшение, аксессуар, а главное в изделии — его оправа, подлинно художественное творение, и де Вилетт сберег ее. Вы думаете, человек, о котором мы говорим, тоже это понял?

— Не сомневаюсь, что оправа сохранилась. Ребенок не продал ее.

— Так вот, месье, если вам случится встретиться с ним, скажите ему, что он не вправе хранить одну из тех реликвий, что является собственностью и составляют славу некоторых семей, и хотя ему удалось вырвать камни из кольца королевы, оно не перестало принадлежать роду Дре-Субизов. Это достояние нашей семьи, такое же, как фамилия и честь.

Кавалер ответил просто:

— Я скажу ему это, мадам.

Затем поклонился ей, простился с графом, с остальными и вышел.

Четыре дня спустя мадам де Дре обнаружила на столе в спальне красную шкатулку с гербом кардинала. Открыла ее. Это было «Кольцо королевы, попавшее в рабство».

Но поскольку в жизни человека, живущего по законам единства и

логики, все должно служить одной и той же цели, а небольшая реклама никогда не повредит, на следующий день в «Эко де Франс» было опубликовано следующее сенсационное сообщение:

«Колье королевы, знаменитая драгоценная реликвия, украденная когда-то у семьи де Дре-Субизов, было найдено Арсеном Люпенем. Арсен Люпен поспешил вернуть его законным владельцам. Нельзя не восхититься столь деликатным и рыцарским поступком».

Семерка червей

Мне часто задают естественно возникающий вопрос: как я познакомился с Арсеном Люпенем?

Никто не сомневается, что мы знакомы. Известные мне подробности о жизни этого загадочного человека, приводимые мною достоверные сведения, интерпретация некоторых его поступков, о которых судили лишь по внешним проявлениям, не вникая в их скрытые причины и тайный механизм, — все это доказывает, что мы с ним если не близкие друзья, что при той жизни, которую вел Арсен Люпен, было бы невозможно, то во всяком случае давние знакомцы, доверяющие друг другу.

Но как я познакомился с ним? Почему мне было оказано доверие и я стал его биографом? Я, а не кто-то другой?

Ответ прост: только случай определил этот выбор, и моей заслуги тут нет. Случай поставил меня у него на пути. По чистой случайности я оказался причастен к одному из самых странных и загадочных его приключений и так же случайно стал актером в драме, поставленной этим замечательным режиссером, таинственной и запутанной драме, богатой столькими перипетиями, что теперь, когда я собираюсь рассказать о них, чувствую себя немного растерянным.

Первый акт разыгрывался в ту пресловутую ночь с 22 на 23 июня, ночь, ставшую притчей во языцех. Что касается меня, то я считаю необходимым сразу же сделать оговорку: не совсем нормальное свое поведение в тех обстоятельствах я могу приписать лишь совершенно необычному умонастроению, в котором пребывал, вернувшись домой. Мы с друзьями обедали в ресторане «Каскад» и весь вечер, покуривая, слушая цыганский оркестр, который играл меланхолические вальсы, говорили только о преступлениях и грабежах, жутких и темных историях.

А они, как известно, не располагают к хорошему сну.

Сен-Мартены уехали на автомобиле. Ночь была теплой и темной, и мы с Жаном Даспри, — милый, беззаботный Даспри, через шесть месяцев ему было суждено погибнуть в Марокко при трагических обстоятельствах — словом, мы с Даспри возвращались домой пешком. Когда мы подошли к небольшому особняку на бульваре Майо, где я жил уже год с момента приезда в Нейи, он спросил:

— А вам никогда не бывает здесь страшно?

— Что за странная идея!

— Господи, да ведь этот особнячок так изолирован! Соседей нет... пустыри... Скажу вам честно, хоть я не из трусливых, однако...

— Вот именно, вы не трус, а весельчак!

— О! Я сказал об этом просто так, между прочим. Сен-Мартены подействовали на меня своими рассказами о грабителях.

Пожав мне руку, Даспри удалился. А я достал ключ и открыл дверь.

— Вот-те на! Антуан забыл оставить горящую свечу, — прошептал я.

И сразу же вспомнил: Антуана в доме нет, я отпустил его.

В ту же секунду темнота и тишина стали мне неприятны. На цыпочках, как можно быстрее я поднялся в спальню и, против обыкновения, повернул ключ в замке, затем запер дверь на задвижку и зажег свечу.

Огонь помог мне вновь обрести хладнокровие. Однако я предусмотрительно вынул из кобуры большой дальнобойный револьвер и положил его рядом с кроватью. Эта предосторожность окончательно успокоила меня. Я лег и, как обычно, чтобы заснуть, взял с ночного столика книгу, ожидавшую меня каждый вечер.

Каково же было мое удивление, когда на месте разрезного ножа, которым накануне заложил страницу, я обнаружил конверт, запечатанный пятью красными сургучными печатями. Я схватил его, горя нетерпением. На конверте вместо адреса были проставлены мое имя и фамилия, да еще пометка: «Срочное».

Письмо! Письмо на мое имя! Кто мог положить его сюда? Немного разволновавшись, я вскрыл конверт и прочел:

— «С того момента, как вы распечатали это письмо, что бы ни случилось, что бы вы ни услышали, не шевелитесь, не делайте никаких движений, не кричите. Иначе вы пропадите».

Я тоже не из трусливых и, так же как любой другой, умею вести себя достойно перед лицом настоящей опасности, смеяться над призрачными страхами, которые поражают наше воображение.

Но, повторяю, в голове моей была сумятица, нервы на пределе, отсюда — обостренная чувствительность. Ну а разве не было во всем этом чего-то тревожного и необъяснимого, того, что может потрясти и более смелых людей?

Пальцы мои лихорадочно сжимали лист бумаги, а глаза снова и снова пробегали по угрожающим фразам: «...Не делайте никаких движений... не кричите... иначе вы пропадите...»

«Ну и ну! — думал я. — Это какая-то шутка, дурацкий розыгрыш».

Я чуть не рассмеялся, хотел даже громко расхохотаться. Кто же помешал мне в этом? Какой смутный страх сдавил мне горло?

По крайней мере надо задуть свечу. Нет, я не смог ее погасить. «Никаких движений или вы пропали», — сказано в записке.

К тому же, как я мог бороться с предчувствиями, которые зачастую влияют на нас сильнее самых точных фактов? Оставалось лишь закрыть глаза. Так я и сделал.

В ту же секунду в тишине послышался легкий шум, затем скрип. Звуки, как мне показалось, доносились из соседнего большого зала, где я разместил свой кабинет, отделенный от спальни лишь прихожей.

Приближение настоящей опасности чрезвычайно взбудоражило меня, казалось, я вот-вот встану, схвачу револьвер и брошусь в зал. Но я не поднимался: напротив, у левого окна зашевелилась занавеска.

Никаких сомнений: она зашевелилась. Вот опять шевелится! И я увидел — о! ясно увидел — между занавесками и окном очертания человеческой фигуры, которая, видно, не умещалась в столь узком пространстве, отчего ткань заметно топорщилась.

Этот человек тоже видел меня, определенно видел сквозь очень крупную сетку ткани. Тогда я понял все. В то время как другие уносили добычу, задача этого человека заключалась в том, чтобы держать меня на расстоянии. Встать? Схватить револьвер? Невозможно... Он был здесь! Стоит пошевелиться, вскрикнуть, и я пропал.

Дом содрогнулся от сильного толчка, затем послышались удары послабее, по два-три сразу, как будто молоток стучит по гвоздю и отскакивает. Или все так представлялось в моем разгоряченном мозгу? К ударам молотка примешивались другие звуки, стоял настоящий грохот, указывающий на то, что в доме орудовали без всякого стеснения и в полной безопасности.

Они были правы: я не двигался. Из трусости? Нет, скорее из-за того, что пал духом, совершенно не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. И конечно, свою роль сыграло здравомыслие, ибо, в конце-то концов, к чему тут бороться? С этим человеком десяток других, и они прибегут на его зов. Стоит ли рисковать жизнью ради того, чтобы спасти несколько ковров и безделушек?

Пытка длилась всю ночь. Невыносимая мука, жуткий страх! Шум прекратился, а я все ждал и ждал, когда он возобновится. А тот мужчина! Человек, следивший за мной, с оружием наготове! Я все время смотрел на него испуганными глазами. А сердце колотилось, пот градом катил по лбу и всему телу!

И вдруг, непонятно почему, мне стало удивительно хорошо: по бульвару проехала повозка молочника, я узнал ее по скрипу колес и одновременно

почувствовал, что утренний свет пробивается сквозь закрытые ставни, за окном лучи солнца разгоняют тьму.

День уже пробрался в комнату. Проехали другие повозки. Растаяли ночные призраки.

Тогда я медленно, осторожно протянул руку к столику. Напротив ничто не шелохнулось. Я впился глазами в складку занавески, точно в то место, куда надо было смотреть, хладнокровно рассчитал движения и, быстро схватив револьвер, выстрелил.

Вскочив с кровати с возгласом облегчения, я бросился к занавеске. Ткань была прострелена, стекло тоже. Что же касается человека, в него я попасть не смог... по той простой причине, что там никого не было.

Никого! Значит, складка занавески, как гипноз, парализовала меня на всю ночь! А в это время преступники... В яростном порыве, сдержать который было невозможно, я отпер дверь, пересек прихожую, открыл другую дверь и ворвался в зал.

Но, переступив порог, оцепенел, оторопел, чуть не задохнулся от того, что поразило меня больше, чем отсутствие человека за занавеской: ничего не пропало. Все вещи, которые я считал украденными: мебель, картины, старинный бархат и шелк — все осталось на месте!

Непонятный спектакль! Я не верил своим глазам. Однако что же означал тот шум и грохот передвигаемой мебели? Я обошел всю комнату, осмотрел стены, проверил наличие так хорошо знакомых мне предметов. Ничего не пропало! И больше всего озадачивало меня то, что никаких свидетельств присутствия злоумышленников не осталось, никаких признаков, ни одного сдвинутого стула, ни одного следа ноги.

— Ну, полно, полно! — уговаривал я себя, обхватив голову руками. — Я же не сумасшедший! Я ведь в самом деле слышал все это!..

Самым тщательным образом, употребив самые скрупулезные методы обследования, я осмотрел зал. Оказалось, напрасно. Или точнее... но стоило ли считать это находкой? Под маленьким персидским ковриком, валявшимся на полу, я обнаружил карту, игральную карту. Это была семерка червей, похожая на все семерки той же масти из любой французской колоды, но она привлекла мое внимание одной довольно странной особенностью. На острие каждого из семи знаков в форме сердца была пробита дырочка, круглая и ровная дырочка, которую могли проткнуть шилом.

Вот и все. Карта и письмо, обнаруженное в книге. Больше ничего. Можно ли только на этом основании утверждать, что я стал игрушкой сонного бреда?

Весь день я обшаривал гостиную. Это была непропорционально большая для такого скромного особняка комната, убранство которой говорило о странности вкусов того, кто ее строил. Паркет представлял собой мозаику из маленьких разноцветных кусочков, образующих большие симметричные рисунки. Той же мозаикой были выложены стены, но в виде панно: аллегорические сцены в стиле фресок Помпеи, византийских композиций, средневековой росписи. Вакх вскочил на бочку. Седобородый император в золотой короне держит меч в правой руке.

Прямо над головой, почти так же, как в мастерских художников, было встроено большое окно. По ночам оно всегда было открыто; вероятно, злоумышленники проникли внутрь через него, воспользовавшись лестницей. Но и этого нельзя было утверждать с полной уверенностью. От лестницы должны были остаться следы на вытоптанном грунте во дворе: их не оказалось. Траву на пустыре, окружавшем дом, тоже должны были примять: трава оказалась нетронутой.

Признаться, мне и в голову не пришло обратиться в полицию, настолько факты, которые мне пришлось бы излагать, выглядели неосновательными и абсурдными. Меня бы высмеяли. Но через день настала моя очередь писать хроникальную заметку в «Жиль Блаз», где я тогда работал. Поглощенный мыслью о моем приключении, я его полностью в ней изложил.

Статья не прошла незамеченной, но я ясно понял, что ее не приняли всерьез, решили, что это какая-то выдумка, а не подлинный случай. Сен-Мартены посмеялись надо мной. А Даспри, который знал немного толк в подобных делах, пришел ко мне, попросил рассказать о случившемся, попробовал разобраться... но, увы, безрезультатно.

Однако как-то утром у калитки зазвенел колокольчик, и Антуан пришел уведомить меня, что какой-то господин желает поговорить с хозяином. Имени своего он не назвал. Я попросил его подняться.

Это был мужчина лет сорока, жгучий брюнет с волевым лицом, его чистая, но поношенная одежда свидетельствовала о претензии на элегантность, которая не вязалась с довольно грубыми манерами.

Без лишних слов, хриплым голосом и с интонациями, выдававшими его социальную принадлежность, посетитель сказал мне:

— Месье, я здесь проездом, в кафе мне попался на глаза номер газеты «Жиль Блаз». Я прочел вашу статью. Она заинтересовала меня... очень заинтересовала.

— Благодарю вас.

— И я пришел к вам.

— О!

— Да, чтобы поговорить. Все ли приведенные вами факты точны?

— Абсолютно точны.

— Ни одна подробность не выдумана вами?

— Ни одна.

— В таком случае я, наверное, смогу сообщить вам кое-какие сведения.

— Слушаю вас.

— Нет.

— Что значит нет?

— Прежде чем я заговорю, мне необходимо проверить, точны ли мои данные.

— А как вы проверите их?

— Мне нужно побыть одному в этой комнате.

Я с удивлением посмотрел на него.

— Я не совсем понимаю...

— Эта мысль пришла мне в голову, когда я читал вашу статью. Некоторые детали удивительно совпадают с другим происшествием, о котором я узнал случайно. Если это ошибка, мне лучше хранить молчание. И единственный способ проверить мое предположение — оставить меня одного...

Что скрывалось за этим предложением? Позднее я припомнил, что, излагая свою просьбу, посетитель волновался, лицо его было встревоженным. Но в тот момент, хотя меня это и удивило, я не нашел ничего сверхнеобычного в таком предложении. К тому же меня просто распирало от любопытства.

— Хорошо, — ответил я. — Сколько времени вам понадобится?

— О! Минуты три, не больше. Через три минуты я вернусь к вам.

Я вышел из комнаты. Внизу достал часы. Прошла минута. Две минуты... Но что же гнетет меня так? Почему эти мгновения кажутся мне такими торжественными?

Две минуты с половиной... Две минуты три четверти... И вдруг раздался выстрел.

Перескакивая через ступеньки, я в несколько прыжков взбежал наверх и вошел. Крик ужаса вырвался у меня из груди.

Посреди зала неподвижно, на левом боку лежал человек. Из его головы лилась кровь, смешанная с кусочками мозга. Около ладони лежал еще дымившийся револьвер.

Тело переродилось в конвульсии, и все было кончено.

Но еще сильнее, чем эта ужасная картина, меня поразило другое, то, из-за чего я не стал тут же звать на помощь, не упал на колени, чтобы проверить, дышит ли этот человек. В двух шагах от него на полу лежала семерка червей!

Я поднял карту. Семь острых концов у семи красных знаков были с дырочками...

Полчаса спустя прибыл комиссар полиции Нейи, затем судебно-медицинский эксперт, а вслед за ними — начальник полицейского управления господин Дюдуи. Я, разумеется, постарался не дотрагиваться до трупа. Ничто не могло помешать должному обследованию.

Осмотр длился недолго, тем более что вначале ничего не нашли, или почти ничего. В карманах мертвеца — никаких документов, на одежде — никакого имени, на белье — никаких инициалов. Короче говоря, ни одного показателя, по которому можно было бы установить его личность. И в зале все оставалось в прежнем порядке. Мебель не сдвинута, все предметы на обычных местах. Однако не пришел же сюда этот человек с единственной целью убить себя, сочтя мой дом более подходящим для самоубийства, чем любой другой! Наверняка какая-то причина толкнула его на этот отчаянный шаг, и этой причиной стал некий новый факт, обнаруженный им за те три минуты, что он оставался один.

Какой факт? Что он увидел? Чем был потрясен? Что за ужасная тайна открылась ему? Угадать было невозможно.

Но в последний момент произошло то, что показалось нам чрезвычайно важным. Когда двое полицейских нагнулись для того, чтобы поднять труп и положить его на носилки, они заметили, что левая ладонь, до тех пор скрытая от глаз и сжатая в кулак, разжалась и из нее выпала сильно помятая визитная карточка.

На ней было написано: Жорж Андерматт, 37, улица де Берри.

Что бы это значило? Жорж Андерматт был известным парижским банкиром, основателем и президентом Metallургического банка, придавшего заметный импульс развитию металлообрабатывающей промышленности Франции. Он жил на широкую ногу, имел почтовый вагон, автомобиль, скаковых лошадей. Приемы в его доме пользовались большой популярностью, а мадам Андерматт славилась изяществом и красотой.

— Может быть, так звали умершего? — прошептал я.

Начальник полиции наклонился к нему.

— Это не он. У месье Андерматта бледная кожа и проседь.

— Но тогда при чем здесь эта карточка?

— В доме есть телефон, месье?

— Да, в передней. Пойдемте, я провожу вас.

Полицейский полистал справочник и попросил соединить его с номером 415-21.

— Господин Андерматт дома? Будьте любезны, передайте ему, что господин Дюдуи просит его как можно скорее прибыть по адресу: бульвар Майо, 102. Срочно.

Через двадцать минут месье Андерматт выходил из своего автомобиля. Ему изложили причины, потребовавшие его присутствия, затем подвели к трупу.

Лицо его на секунду исказилось от волнения, затем тихим голосом, как будто нехотя, он произнес:

— Этьен Варен.

— Вы были с ним знакомы?

— Нет... точнее я его знал... но только в лицо. Его брат...

— У него есть брат?

— Да, Альфред Варен... Он приходил ко мне когда-то просить... я уже не помню о чем...

— Где он живет?

— Братья жили вместе... на улице Прованс, кажется.

— И вы не догадываетесь о причине, толкнувшей его на самоубийство?

— Никоим образом.

— Но почему ваша карточка оказалась у него в руке?.. Карточка с вашим адресом.

— Тут я ничего не понимаю. Очевидно, это случайность, которую объяснит следствие.

Любопытная случайность, ничего не скажешь, подумал я и почувствовал, что у всех присутствующих сложилось то же мнение.

На следующий день эта мысль промелькнула в газетах, ее же высказывали и те из моих друзей, с которыми я обсуждал происшествие. Среди загадок, усложнивших дело, — после того как были найдены две так поразившие всех семерки червей с семью проколами, а в моем доме произошли два одинаково таинственных события, — эта визитная карточка казалась открытием, обещающим пролить хоть немного света на случившееся. Через нее можно было докопаться до истины.

Но вопреки ожиданиям месье Андерматт никаких разъяснений не дал.

— Я рассказал все, что мне известно, — повторял он. — Чего же еще? Я

больше других удивлен, что здесь нашли эту карточку, и так же, как все остальные, жду, когда прояснится данное обстоятельство.

Но этого не произошло. Следствие установило, что братья Варен, швейцарцы по происхождению, под разными именами вели довольно бурную жизнь, посещали притоны, поддерживали контакты с целой бандой иностранцев, состоявших под полицейским надзором и исчезнувших после серии ограблений, — их причастность к этим преступлениям была установлена позднее. В доме № 24 по улице Прованс, где братья Варен действительно жили шесть лет назад, об их дальнейшей судьбе ничего не было известно.

Признаться, дело казалось мне таким запутанным, что я абсолютно не верил в успех расследования и старался совсем не думать о нем. Но Жан Даспри, с которым я тогда часто встречался, напротив, с каждым днем увлекался все больше.

И именно он показал мне в одной иностранной газете заметку, которую перепечатывала и комментировала вся пресса:

«В скором времени в присутствии Императора состоятся первые испытания подводной лодки, которая произведет революцию в характере ведения будущих морских боев. Место испытаний будет храниться в тайне до последней минуты. Утечка информации позволила нам установить название лодки: “Семерка червей”».

Семерка червей? Случайно ли такое совпадение? Нет ли какой связи между названием подводной лодки и упомянутыми событиями? Но какого рода связи? То, что случилось здесь, не могло иметь никакого отношения к происходящему там.

— Откуда вам знать? — возражал мне Даспри. — Самые несопоставимые факты часто объясняются одной и той же причиной.

Через день до нас дошел другой отклик:

«Предполагают, что конструкция подводной лодки „Семерка червей“, испытания которой пройдут в ближайшее время, разработана французскими инженерами. Эти инженеры, понапрасну искавшие поддержки у своих соотечественников, вероятно, обратились затем, — но также безуспешно, — к английскому адмиралтейству. Мы сообщаем эти новости, не ручаясь за их достоверность».

Я не считаю возможным долго останавливаться на фактах чрезвычайно

деликатного свойства, вызвавших, помнится, большое волнение. Однако теперь, когда всякая опасность усложнить ситуацию устранена, мне все же необходимо рассказать о статье в «Эко де Франс», наделавшей в свое время много шума и внесшей в дело о Семерке червей, как его называли, некоторую ясность... и новую путаницу.

Привожу статью за подписью Сальватора в том виде, в каком она появилась:

«Дело о Семерке червей. Завеса тайны чуть приоткрылась.

Мы будем кратки. Десять лет назад горный инженер Луи Лакомб, желая посвятить свое время и состояние исследованиям, которыми занимался, ушел в отставку и снял на бульваре Майо, № 102, небольшой особняк, незадолго до этого построенный и отделанный одним итальянским графом. Благодаря посредничеству двух людей, братьев Варен из Лозанны, один из которых ассистировал ему при проведении опытов, подготавливая их, а другой искал для него кредиторов, Луи Лакомб познакомился с господином Жоржем Андерматтом, только что основавшим Металлургический банк.

После нескольких встреч ему удалось заинтересовать последнего проектом подводной лодки, над которым он работал, и было решено, что, как только изобретение будет полностью отработано, господин Андерматт употребит свое влияние и попытается добиться от Министерства морского флота разрешения на серию испытаний.

В течение двух лет Луи Лакомб регулярно посещал особняк Андерматта, представляя на суд банкира усовершенствования, которые вносил в конструкцию; так продолжалось до того дня, когда, удовлетворенный собственной работой, ибо наконец-то был найден искомый вариант, инженер попросил месье Андерматта предпринять обещанные шаги.

В тот день Луи Лакомб обедал в доме Андерматта. Вечером, примерно в половине двенадцатого, он ушел. С тех пор его больше не видели.

Если перелистать газеты того времени, то можно встретить сообщение о том, что семья молодого инженера обратилась за помощью к правосудию и что прокуратура проявила озабоченность. Но ни к чему определенному это не привело, и в итоге сошлись на том, что Луи Лакомб, слывший оригиналом и фантазером, никого не предупредив, отправился в путешествие.

Примем на веру это предположение... хоть оно и неправдоподобно. Но возникает вопрос, имеющий первостепенное значение для нашей страны:

что стало с чертежами подводной лодки? Не увез ли их Луи Лакомб с собой? Не уничтожены ли они?

Очень серьезное расследование, предпринятое нами, показало, что эти чертежи существуют. И они оказались у братьев Варен. Почему? Установить это окончательно нам пока не удалось, точно так же нам неизвестно, почему они не пытались поскорее сбыть их с рук. Боялись, что возникнет вопрос: как они к ним попали? Во всяком случае такое опасение удерживало их недолго, и мы с полной уверенностью можем утверждать следующее: чертежи Луи Лакомба стали собственностью иностранной державы, и мы имеем возможность опубликовать переписку, которой обменивались по этому поводу братья Варен и представитель упомянутой державы. В настоящее время «Семерка червей», изобретенная Луи Лакомбом, построена нашими соседями.

Удовлетворит ли действительность оптимистические ожидания тех, кто был причастен к этому предательству? У нас есть основания надеяться на обратное, и хотелось бы верить, что предстоящее событие не разочарует нас».

К этому тексту был подверстан постскрипtum:

«Последнее сообщение. Мы справедливо надеялись. Наши особые информаторы разрешают сообщить, что испытания „Семерки червей“ оказались неудовлетворительными. Вполне возможно, что в чертежах, переданных братьями Варен, не хватало последнего материала, принесенного Луи Лакомбом господину Андерматту в тот вечер, когда он исчез, материала, необходимого для понимания проекта в целом, своего рода резюме, в котором содержатся окончательные выводы, расчеты и измерения, заложенные в других бумагах. Без этого документа чертежи как бы полужакопченны; так же как без чертежей сам этот документ бесполезен.

Таким образом, еще есть время действовать и вернуть то, что нам принадлежит. В этом довольно щекотливом деле мы очень полагаемся на помощь господина Андерматта. Он наверняка посчитает своим долгом объяснить необъяснимое поведение, которого он придерживался с самого начала. Он не только расскажет, почему скрыл то, что ему было известно, в момент самоубийства Этьена Варена, но и не станет замалчивать причину, побудившую его никогда никому не рассказывать об исчезновении бумаг, хотя он знал об этом. Он разъяснит, почему в течение шести лет нанятые им агенты следили за братьями Варен.

Мы ждем от него не слов, а дела. Иначе...»

Угроза была грубой. Но в чем она состояла? Какое средство для устрашения Андерматта имелось в распоряжении Сальватора, автора статьи... с вымышленной фамилией?

Туча репортеров набросилась на банкира, но в ответ на ультиматум в десяти интервью было выражено полное презрение к угрозе. На что корреспондент «Эко де Франс» отреагировал такими тремя строчками:

«Хочет того господин Андерматт или нет, но с настоящего момента он является нашим помощником в затеянном нами предприятии».

В тот день, когда появилась эта реплика, мы с Даспри обедали вместе. Вечером, разложив газеты на столе, обсуждали дело, анализировали его со всех сторон и были раздражены до предела, словно путники, которые бредут неизвестно куда в темноте и все время натываются на одни и те же препятствия.

И вдруг, хотя слуга не докладывал и звонок не звонил, дверь открылась и вошла укрытая густой вуалью дама.

Я тут же встал и подошел к ней.

— Это ваш дом, месье? — спросила она.

— Да, мадам, но признаться...

— Калитка, что выходит на бульвар, оказалась незапертой, — объяснила она.

— А дверь в передней?

Она не ответила, и я подумал, что ей пришлось обойти дом и подняться по черной лестнице. Значит, она знала, как пройти?

Воцарилось неловкое молчание. Она посмотрела на Даспри. По инерции, как сделал бы это в любой гостиной, я представил его. Затем попросил даму сесть и изложить цель ее визита.

Незнакомка сняла вуаль, и я увидел, что она брюнетка с правильными чертами лица, быть может, не красавица, но во всяком случае бесконечно очаровательная женщина, что исходило в основном от ее глаз, серьезных и печальных.

— Я мадам Андерматт, — сказала она просто.

— Мадам Андерматт! — повторил я, не переставая удивляться.

И снова — молчание, но вот она заговорила тихим голосом, все больше обретая спокойствие:

— Я пришла по поводу известного вам дела. Подумала, что, может

быть, смогу получить от вас какие-нибудь сведения...

— Боже мой, мадам, я знаю обо всем этом не больше того, что пишут в газетах. Будьте любезны, скажите точнее, чем я могу быть вам полезен.

— Я не знаю... Не знаю...

Только тогда я заметил, что ее спокойствие было наигранным, а самообладание — только видимость, за которой скрывается огромная растерянность. И мы замолчали, почувствовав себя одинаково неловко.

Но Даспри, все это время наблюдавший за гостьей, подошел к ней и сказал:

— Вы позволите, мадам, задать вам несколько вопросов?

— О да! — воскликнула она. — Так я смогу все рассказать.

— Вы будете говорить... какие бы вопросы вам ни задавали?

— Да, какие угодно.

Он подумал и произнес:

— Вы знали Луи Лакомба?

— Да, через мужа.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Когда он ужинал с нами.

— В тот вечер ничто не могло навести вас на мысль, что вы его больше не увидите?

— Нет. Он действительно упомянул о путешествии в Россию, но просто так, мимоходом!

— Значит, вы полагали, что увидите его снова?

— Через день за обедом.

— И как вы объясняете исчезновение Лакомба?

— Я никак не могу его объяснить.

— А месье Андерматт?

— Не знаю.

— Однако...

— Не спрашивайте меня об этом.

— Статья в «Эко де Франс», кажется, намекает...

— Она намекает на то, что братья Варен имеют какое-то отношение к этому исчезновению.

— Вы тоже так думаете?

— Да.

— На чем основано ваше убеждение?

— Когда Луи Лакомб уходил от нас, в руках он держал портфель со всеми бумагами, относящимися к его проекту. Через два дня мой муж встретился с одним из братьев Варен, с тем, что жив, и во время этой

встречи муж получил доказательство того, что бумаги находятся в руках братьев.

— И он их не выдал полиции?

— Нет.

— Почему?

— Потому что в портфеле, помимо бумаг Луи Лакомба, находилось кое-что другое.

— Что?

Она смутилась, собралась было ответить, но в конце концов предпочла молчать. Даспри продолжал.

— Вот, значит, какова причина, заставившая вашего мужа не обращаться в полицию и установить слежку за братьями. Он надеялся вернуть бумаги и вместе с ними то, другое... нечто компрометирующее, чем воспользовались братья, чтобы воздействовать на него, шантажировать...

— Его... и меня.

— О! Вас тоже?

— В основном меня.

Она произнесла эти слова сдавленным голосом. Даспри посмотрел на мадам Андерматт, прошелся по комнате и опять вернулся к ней:

— Вы писали Луи Лакомбу?

— Конечно... мой муж был связан...

— Вы не писали Луи Лакомбу... других писем, помимо официальных? Простите мою назойливость, но мне необходимо знать всю правду. Писали вы другие письма?

Заливаясь краской, она прошептала:

— Да.

— И эти письма попали к братьям Варен?

— Да.

— Значит, месье Андерматт знает об этом?

— Писем он не видел, но Альфред Варен сообщил ему об их существовании, пригрозив, что опубликует, если муж предпримет что-либо против него или его брата. Мой муж испугался... отступил, не желая скандала.

— Однако пустил в ход все средства, чтобы вырвать у них эти письма.

— Все средства пущены в ход... по крайней мере я так думаю, ибо с той последней встречи с Альфредом Вареном после нескольких очень грубых слов, в которых он изложил суть их разговора, между мужем и мной больше не существует никакой близости, никакого доверия. Мы живем как

чужие.

— В таком случае, если вам нечего терять, чего вы боитесь?

— Какой бы безразличной я не стала для него, я все же та, которую он любил и мог бы еще любить. О, в этом я уверена, — прошептала она с жаром, — он и любил бы меня до сих пор, не подвернись ему эти проклятые письма...

— Как! Ему удалось... Но ведь братья были очень осторожны!

— Да, хвастались даже, что у них есть надежный тайник.

— И что из этого?..

— У меня есть все основания думать, что мой муж нашел этот тайник!

— Надо же! Но где он находится?

— Здесь.

Я подскочил.

— Здесь?

— Да, я это всегда подозревала. Ауи Лакомб, человек очень изобретательный, обожал механику и в свободное время для развлечения мастерил потайные ящики с замками. Братья Варен, видимо, заметили это, и впоследствии использовали один из его тайников для хранения писем... и, конечно, других вещей тоже.

— Но они же не жили здесь, — воскликнул я.

— Вы приехали четыре месяца назад, а до этого павильон пустовал. Вполне возможно, они приходили сюда и, наверное, решили, что ваше присутствие не помешает им в тот день, когда понадобится забрать бумаги. Но они не приняли в расчет моего мужа, который в ночь с 22 на 23 июня взломал тайник, взял... то, что искал, и оставил свою карточку, хотел показать братьям, что ему больше незачем их бояться и что роли поменялись. Через два дня, предупрежденный статьей в «Жиль Блаз», Этьен Варен спешно явился в ваш дом, остался один в этой гостиной, обнаружил, что тайник пуст, и покончил с собой.

Через секунду Даспри спросил:

— Это просто предположение, не так ли? Месье Андерматт ведь ничего вам не сказал?

— Нет.

— Его поведение по отношению к вам не изменилось? Не показался ли он вам помрачневшим, более озабоченным?

— Нет.

— И вы полагаете, что он мог бы вести себя так, если бы нашел письма! Я же думаю, что у него их нет. Мне кажется, сюда приходил не он.

— Но тогда кто же?

— Таинственный человек, который управляет этим делом, держит все нити в руках и преследует цель, которую мы только начинаем угадывать сквозь тьму непроницаемых загадок; непонятная личность, чье очевидное могущество и влияние на происходящее ощущается с самого начала. Это он и его друзья вошли в этот дом 22 июня, это он обнаружил тайник, это он оставил карточку месье Андерматта, и у него находятся письма и улики, подтверждающие предательство братьев Варен.

— Кто он? — перебил я, не сдержавшись.

— Корреспондент «Эко де Франс», черт возьми, этот Сальватор! Когда все так очевидно, разве мы не становимся слепы? Ведь он упоминает в своей статье детали, которые могут быть известны только тому, кто проник в тайны братьев.

— В таком случае, — пробормотала мадам Андерматт с ужасом, — мои письма тоже у него, и теперь его очередь угрожать моему мужу! Что делать, Боже мой!

— Написать ему, — решительно заявил Даспри, — довериться ему безоговорочно, рассказать все, что вы знаете и что можете узнать.

— Что вы говорите?

— Ваши интересы совпадают. Вне всякого сомнения, его действия направлены против брата, оставшегося в живых. Он ищет оружие, но не для борьбы с месье Андерматтом, а для того, чтобы уничтожить им Альфреда Варена. Помогите же ему.

— Как?

— У вашего мужа есть документ, который дополняет и позволяет использовать чертежи Луи Лакомба?

— Да.

— Сообщите об этом Сальватору. Если надо, постарайтесь раздобыть для него документ. Короче, вступите с ним в переписку. Чем вы рискуете?

Совет был дерзкий и на первый взгляд даже опасный, но у мадам Андерматт не было иного выхода. К тому же, как говорил Даспри, чем она рисковала? Если неизвестный был врагом, такой шаг не усугублял ситуации. Если же это был человек посторонний, преследовавший какую-то особую цель, он не должен был придавать этим письмам большого значения.

Как бы то ни было, появилась хоть какая-то надежда, и мадам Андерматт, не представлявшая себе, что делать, с большой радостью ухватилась за нее. Она горячо поблагодарила нас, пообещав держать в курсе событий.

И в самом деле, через день она прислала записку, полученную в ответ

на ее послание:

«Писем там не было. Но я их достану, будьте уверены. Я за всем слежу. С».

Я взял бумагу в руки. Это был тот же почерк, что и в записке, подложенной мне в настольную книгу вечером 22 июня.

Значит, Даспри был прав, именно Сальватор оказался главным организатором этого дела.

Наконец-то забрезжили слабые лучи света в окружавших нас потемках, а отдельные детали предстали в неожиданном ракурсе. Но сколько еще оставалось темных пятен, таких, например, как находка двух семерок червей! Что до меня, то эти две карты не выходили у меня из головы, быть может, я был заинтригован ими даже больше, чем надо, так как семь дырочек в семи маленьких знаках бросились мне в глаза при таких волнующих обстоятельствах! Какую роль играли они в этой драме? Какое значение следует им придавать? Какой вывод надо сделать из того факта, что подводная лодка, построенная по чертежам Луи Лакомба, была названа «Семеркой червей»?

Даспри же мало занимали эти две карты, он целиком погрузился в изучение другой загадки, решение которой ему казалось более неотложным делом: мой приятель без устали разыскивал пресловутый тайник.

— И кто знает, — говорил он, — не найду ли я в нем письма, которые не обнаружил там Сальватор!.. скорее всего по недосмотру. Очень уж не верится, что братья Варен убрали из недоступного, как они полагали, тайника бесценное оружие, значение которого понимали.

И он искал. Вскоре в большом зале для него не осталось никаких секретов, и поиски переместились в другие комнаты особняка: он обследовал их снаружи и изнутри, осмотрел каменную и кирпичную кладку стен, приподнял шифер на крыше.

Однажды Даспри явился с киркой и лопатой; вручив мне лопату, оставил себе кирку и сказал, указав на пустырь:

— Туда.

Я пошел за ним без особого восторга. Он разделил площадку на несколько участков и один за другим осмотрел их. Но в одном месте, у угла, образованного стенами двух соседних домов, его внимание привлекла куча бутовых камней и булыжников, прикрытая кустарником и травой.

Даспри стал разгребать ее.

Мне пришлось помогать. Битый час под палящим солнцем мы потели над этой кучей — безрезультатно. Но когда, раскидав камни, мы добрались до земли и начали выворачивать ее, кирка Даспри обнажила кости, останки человека, на которых еще болтались лохмотья одежды.

И вдруг я почувствовал, что бледнею. Я заметил вдавленную в землю маленькую железную пластину, вырезанную по форме прямоугольника и, как мне показалось, на ней были различимы пятна крови. Я нагнулся. Так оно и оказалось: пластина была по размеру с игральную карту, а красных, местами проржавевших пятен цвета сурика было семь и расположены они были, как семь знаков в семерке червей, продырявленных так же на кончиках.

— Послушайте, Даспри, мне надоели все эти истории. Если вам так интересно, оставайтесь. А я ухожу.

Может быть, от волнения или оттого, что устал, поработав на палящем солнце, но, как бы то ни было, на обратном пути меня зашатало, пришлось лечь в постель, где я провалялся двое суток в горячке и бреде, отбиваясь от скелетов, танцевавших вокруг меня и бросавших друг другу в головы свои окровавленные сердца.

Даспри вел себя как преданный друг. Каждый день он посвящал мне три-четыре часа, которые, правда, проводил в большом зале: обшаривал все углы, простукивал стены, словом, барабанил вовсю.

— Письма здесь, в этой комнате, — сообщал он мне время от времени, — они здесь. Руку даю на отсечение.

— Оставьте меня в покое, — отвечал я, доведенный до белого каления.

На третий день утром я встал, и хотя был еще довольно слаб, чувствовал себя здоровым. Плотный завтрак подкрепил меня. Но небольшое послание, полученное мною около пяти часов, больше всего другого способствовало моему полному выздоровлению, поскольку мое любопытство, несмотря ни на что, опять разыгралось.

Телеграмма была следующего содержания:

«Месье!

Драма, первый акт которой разыгрался в ночь с 22 на 23 июня, близится к развязке.

Обстоятельства сложились так, что мне необходимо устроить встречу двух основных ее героев, и это свидание должно произойти в

вашем доме, поэтому я был бы вам бесконечно признателен, если бы на сегодняшний вечер вы предоставили мне ваше жилище. Было бы неплохо, если бы ваш слуга отсутствовал с девяти до одиннадцати, желательно также, чтобы вы оказали мне огромную любезность и согласились предоставить противникам свободу действий. В ночь с 22 на 23 июня вы смогли убедиться, что я с чрезвычайной щепетильностью оберегаю все, что вам принадлежит. Со своей стороны, я счел бы оскорбительным для вас малейшее подозрение в том, что вы можете обмануть доверие нижеподписавшегося, преданного вам Сальватора».

Послание было написано в таком учтиво-ироничном тоне, а изложенная просьба показалась мне настолько забавной и фантастичной, что я пришел в восторг.

Какая прелестная бесцеремонность! Кажется, мой корреспондент даже не сомневается в моем согласии! Но ни за что на свете я не хотел бы разочаровать его или ответить неблагодарностью на доверие.

В восемь часов, едва ушел мой слуга, которому я подарил билет в театр, появился Даспри. Я показал ему телеграмму.

— И что? — спросил он.

— Как что? Я оставлю ворота в сад открытыми, чтобы можно было войти.

— А сами уйдете?

— Ни за что на свете.

— Но ведь вас просят...

— Меня просят хранить тайну. Я ее сохраню. Но мне безумно хочется увидеть, что произойдет.

Даспри рассмеялся:

— Честно говоря, вы правы, я тоже остаюсь. Мне кажется, скучать не придется.

Его прервал звонок.

— Они уже здесь? — пробормотал он. — На двадцать минут раньше! Не может быть.

Из передней я потянул за веревочку, открывавшую калитку. Женская фигура пересекла сад: мадам Андерматт.

Она, видимо, была чем-то потрясена и, задыхаясь, пролепетала:

— Мой муж... он идет... у него встреча... ему должны отдать письма...

— Как вы об этом узнали? — спросил я.

— Случайно. Из послания, которое мой муж получил во время ужина.

— Телеграмма?

— Телефонограмма. Слуга передал ее мне по ошибке. Муж тут же отобрал ее у меня, но было уже поздно... я прочитала.

— Вы прочитали...

— Примерно следующее: «Сегодня вечером, в девять часов будьте на бульваре Майо с документами, касающимися дела. В обмен — письма». После ужина я поднялась к себе, затем вышла из дома.

— Ничего не сказав месье Андерматту?

— Да.

Даспри взглянул на меня.

— Что вы об этом думаете?

— Думаю то же, что и вы. Месье Андерматт — один из вызванных противников.

— Кем вызванных? И с какой целью?

— А вот это мы скоро узнаем.

Я проводил их в большой зал.

В крайнем случае все трое могли разместиться под навесом у камина и спрятаться за бархатной драпировкой. Устроились. Мадам Андерматт села между нами. Сквозь просветы в драпировке видна была вся комната.

Пробило девять часов. Через несколько минут скрипнули петли садовой калитки.

Не скрою, я не мог отделаться от нарастающей тревоги и лихорадочного возбуждения, вдруг охватившего меня. Еще немного — и мне откроется тайна! Загадочная авантюра с удивительными поворотами, которую я наблюдал уже несколько недель, предстанет наконец в истинном свете, а решающая битва произойдет сейчас на моих глазах.

Даспри взял мадам Андерматт за руку и прошептал:

— Главное, ни одного движения! Что бы вы ни услышали, ни увидели, держитесь невозмутимо.

Кто-то вошел. И по необыкновенному сходству с Этьеном Вареном я сразу понял, что это его брат Альфред. Та же тяжелая походка, тот же землистый цвет лица, заросшего бородой.

Он вошел, озираясь с такой тревогой, будто привык опасаться ловушек, повсюду расставленных на его пути, ловушек, которые он нюхом чувствует и избегает. Затем Варен взглядом окинул комнату, и мне показалось, что камин, загороженный бархатной портьерой, явно не понравился ему. Он сделал три шага в нашу сторону, но какая-то мысль, без сомнения, поважнее этого намерения, отвлекла его, он повернул к стене, остановился перед мозаичным портретом старого седобородого короля со сверкающим мечом и, встав на стул, долго рассматривал его, проводя пальцем по

контур плеч, лица и прощупывая все изображение.

Вдруг он спрыгнул со стула и отскочил от стены. Послышались шаги. На пороге появился господин Андерматт.

Банкир вскрикнул от удивления:

— Вы! Вы! Это вы меня вызвали?

— Я? Вовсе нет, — запротестовал Варен скрипучим голосом, напомнившим мне голос его брата, — меня заставило прийти сюда ваше письмо.

— Мое письмо!

— Подписанное вами письмо, в котором вы предлагаете мне...

— Я не писал вам.

— Не писали?!

Варен инстинктивно насторожился, опасаясь, по-видимому, не банкира, а неизвестного противника, заманившего его в эту ловушку. Во второй раз взгляд Варена обратился в нашу сторону, и он метнулся к двери. Господин Андерматт преградил ему дорогу.

— Куда это вы направились, Варен?

— Мне не нравятся темные делишки, которыми здесь запахло. Я ухожу. Прощайте.

— Подождите минуту!

— Послушайте, месье Андерматт, не настаивайте, нам нечего сказать друг другу!

— Напротив, многое, и случай уж очень удобный...

— Позвольте пройти.

— Нет, нет и нет, вы так не уйдете.

Вид у банкира был настолько решительный, что Варен, спасовав, отступил и проямлил:

— Хорошо, давайте поговорим, но быстро, и дело с концом!

Меня удивляло только одно обстоятельство, и наверняка два сидящих рядом со мной человека испытывали то же разочарование, что и я. Как могло случиться, что здесь не оказалось Сальватора? Значит, сам он и не думал вмешиваться? Хотел столкнуть банкира с Вареном, только и всего? Мне почему-то стало очень досадно. Самим фактом отсутствия Сальватора эта подстроенная и осуществленная по его воле дуэль обретала трагическую окраску, свойственную событиям, вызванным и подчиненным суровому закону рока, и сила, столкнувшая этих двух людей, казалась особенно впечатляющей оттого, что действовала откуда-то извне.

Минуту спустя господин Андерматт подошел к Варену вплотную, они стояли лицом к лицу, глядя друг другу прямо в глаза.

— Теперь, когда прошли годы и вам уже нечего бояться, ответьте мне честно, Варен: что вы сделали с Луи Лакомбом?

— Ну и вопрос! Откуда мне знать, что с ним стало!

— Вам это известно! Известно! Вы с братом ходили за ним по пятам, чуть ли не жили в его доме, том самом доме, где мы сейчас находимся. Вы были в курсе всех его работ, всех проектов. И в последний вечер, Варен, когда я провожал Луи Лакомба до двери, я заметил две фигуры, прятавшиеся в тени. Готов в этом поклясться.

— И что потом? Кому нужна ваша клятва?

— Это были вы с братом, Варен.

— Докажите.

— Но ведь лучшее доказательство в том, что через два дня вы сами показывали мне бумаги и чертежи, которые извлекли из портфеля Лакомба, и предлагали мне купить их. Как эти бумаги попали в ваши руки?

— Я вам уже говорил, месье Андерматт, мы нашли их на столе самого Луи Лакомба на следующее утро после его исчезновения.

— Неправда.

— Докажите это.

— Правосудие могло бы доказать.

— Почему же вы не обратились к правосудию?

— Почему? О! Почему...

Он замолчал, потемнев лицом. А тот заговорил снова:

— Видите ли, месье Андерматт, будь вы хоть на грош уверены в том, что говорите, вам бы, наверное, не помешала ничтожная угроза с нашей стороны...

— Какая угроза? Письма? Уж не воображаете ли вы, что я хоть на секунду мог поверить...

— Если вы не поверили в эти письма, зачем предлагали мне сотни и тысячи за то, чтобы я их отдал вам? И почему с тех пор на нас с братом, как на зверей, натравливали ищеек?

— Хотел вернуть чертежи, которые были мне нужны.

— Да ну! Нет, вы это делали из-за писем. Попади они к вам, вы бы выдали нас. В ту же секунду, стоило лишь уступить!

И он расхохотался, но вдруг резко оборвал смех.

— Ну, хватит. Сколько бы мы ни повторяли одно и то же, к согласию не придем. Следовательно, остановимся на этом.

— Нет, не остановимся, — сказал банкир, — и поскольку заговорили о письмах, вы не выйдете отсюда, пока не отдадите их мне.

— Выйду.

— Нет, нет.

— Послушайте, месье Андерматт, советую вам...

— Вы не выйдете.

— А вот это посмотрим, — произнес Варен с такой яростью, что мадам Андерматт поневоле тихонько вскрикнула.

Варен, видно, услышал ее и попытался силой проложить себе дорогу. Господин Андерматт резко оттолкнул его. Тогда я заметил, как Варен опустил руку в карман пиджака.

— В последний раз!

— Сначала письма.

Варен вскинул револьвер и, целясь в месье Андерматта, сказал:

— Да или нет?

Банкир резко нагнулся.

Раздался выстрел. Револьвер упал.

Я был поражен. Пуля просвистела мимо меня! И это Даспри, выстрелив из пистолета, выбил оружие из руки Альфреда Варена!

Неожиданно встав между противниками, лицом к Варену, Даспри посмеивался:

— Вам повезло, мой друг, невероятно повезло. Я целился в руку, а попал в револьвер.

Растерявшиеся банкир и Варен остолбенело смотрели на Даспри.

— Прошу прощения, месье, за то, что вмешиваюсь в дела, меня не касающиеся. Но по правде говоря, вы слишком неловко играете свою партию. Позвольте мне сдать карты.

И повернувшись к другому, сказал:

— Играем мы вдвоем, приятель. И прошу — в открытую. Козырь — черви, я ставлю на семерку.

Никогда еще мне не приходилось видеть такого потрясения. Побледнев, вытаращив глаза, с перекошенным от страха лицом Варен, казалось, был загнипнотизирован представшей перед ним фигурой.

— Кто вы? — пробормотал он.

— Я уже сказал: господин, занимающийся делами, которые его не касаются... но он занимается ими вплотную.

— Что вам надо?

— То, что ты принес.

— Я ничего не приносил.

— Нет, без этого ты бы не пришел. Сегодня утром ты получил письмо с приглашением прийти сюда к девяти часам, и тебе было велено захватить с собой все имеющиеся у тебя бумаги. Итак, ты здесь. Где же бумаги?

В голосе Даспри, его поведении появилась властность, повергшая меня в недоумение, этот обычно беспечный и мягкий человек держался теперь совсем иначе.

Абсолютно укрощенный Варен показал на один из своих карманов.

— Бумаги здесь.

— Все?

— Да.

— Все бумаги, что ты нашел в портфеле Луи Аакomba и продал майору фон Лебену.

— Да.

— Копии или оригиналы?

— Оригиналы.

— Сколько хочешь за них?

— Сто тысяч.

Даспри расхохотался:

— С ума сошел. Майор дал тебе за них всего двадцать. И выбросил их на ветер, потому что испытания не удались.

— Чертежами не сумели воспользоваться.

— Это не все чертежи.

— Тогда зачем вы требуете их у меня?

— Мне они нужны. Предлагаю тебе пять тысяч франков. Ни на су больше.

— Десять тысяч. Ни на су меньше.

— Договорились.

Даспри подошел к господину Андерматту.

— Соблаговолите выписать чек, месье.

— Но... у меня нет...

— Вашей чековой книжки? Вот она.

Ошарашенный господин Андерматт ощупал книжку, которую протянул ему Даспри.

— Действительно, моя... Как это получилось?

— Не тратьте время на пустые разговоры, прошу вас, дорогой мой месье Андерматт, поставьте подпись и все.

Банкир достал авторучку и подписал. Варен протянул руку.

— Руки прочь, — заявил Даспри, — не все еще кончено.

И обратился к банкиру:

— Речь шла также о письмах, которые вы требуете?

— Да, о связке писем.

— Где они, Варен?

— У меня их нет.

— Где они, Варен?

— Не знаю. Ими занимался мой брат.

— Они спрятаны здесь, в этой комнате.

— В таком случае вы сами знаете, где они находятся.

— Откуда мне знать?

— Черт возьми, разве не вы добрались до тайника? Вы, кажется, осведомлены не хуже, чем... Сальватор.

— В тайнике писем нет.

— Они там.

— Открой его.

Варен посмотрел на Даспри с вызовом. И в самом деле, Даспри и Сальватор — не одно ли это лицо, как легко было предположить, исходя из всего, что происходило? Если да, он ничем не рисковал, показывая уже известный тайник. Если же нет... то было бесполезно...

— Открой его, — повторил Даспри.

— У меня нет семерки червей.

— Вот она, — сказал Даспри, протягивая железную пластину.

Варен в ужасе отшатнулся.

— Нет... нет... я не хочу...

— А! Была не была.

Даспри направился к изображению старого седобородого монарха, встал на стул и приложил семерку червей к основанию меча у рукоятки, так, что края пластины совместились с его краями. Затем шилом, которое поочередно вставил в каждую из семи дырочек, проделанных в углах червонных знаков, Даспри нажал на семь маленьких камешков мозаики. На седьмом из них что-то щелкнуло, и фигура короля стала поворачиваться, открывая большое отверстие в виде сейфа с железной обшивкой и двумя блестящими стальными полками.

— Сам видишь, Варен, сейф пуст.

— Действительно... Наверное, мой брат вынул письма.

Даспри опять приблизился к Варену и сказал:

— Не хитри со мной. Есть и другой тайник. Где он?

— Другого нет.

— Быть может, ты хочешь денег? Сколько?

— Десять тысяч.

— Месье Андерматт, десять тысяч за эти письма — нормальная для вас цена?

— Да, — громким голосом ответил банкир.

Варен закрыл сейф, с откровенной брезгливостью взял семерку червей и приложил ее к мечу у рукоятки, точно в том же месте. Затем последовательно вонзил шило в кончик каждого из семи сердечек. Опять раздался щелчок, но на этот раз — неожиданная вещь — повернулась только часть сейфа, и в толщине дверцы, закрывавшей большой сейф, открылся другой маленький ящичек.

Пачка писем, перевязанная бечевкой и запечатанная, лежала там. Варен передал ее Даспри. Тот спросил:

— Чек готов, месье Андерматт?

— Да.

— И у вас есть также последний документ, доставшийся вам от Луи Лакомба и дополняющий чертежи подводной лодки?

— Да.

Обмен состоялся. Даспри положил документ в карман и отдал связку писем господину Андерматту.

— Вот то, чего вы хотели, месье.

Банкир с секунду колебался, словно боялся дотронуться до этих проклятых листков, которых он так упорно добивался. Затем нервным движением схватил их.

Рядом со мной послышался стон. Я взял мадам Андерматт за руку: она была ледяной.

Даспри сказал банкиру:

— Я думаю, месье, наш разговор окончен. О! Не надо благодарности, умоляю вас. Только случай помог мне оказать вам услугу.

Господин Андерматт удалился. Он уносил с собой письма жены к Луи Лакомбу.

— Замечательно, — с восторгом воскликнул Даспри, — все устраивается великолепно. Остается лишь завершить дело, приятель. Бумаги с тобой?

— Вот они все.

Даспри проверил их, внимательно осмотрел и положил в карман.

— Прекрасно, ты сдержал слово.

— Но...

— Что «но»?

— А два чека?.. Деньги?..

— Ну и наглец же ты, дружище. Подумать только, он еще чего-то требует!

— Я требую то, что мне положено.

— Неужели тебе что-то должны за бумаги, которые ты украл?

Но Варен, видно, уже не отвечал за себя. Он дрожал от злости, глаза его налились кровью.

— Деньги... двадцать тысяч... — пробормотал он.

— Ни за что... я сам знаю, куда их употребить.

— Деньги!

— Ну хватит, будь благоразумным и оставь-ка свой нож в покое!

Даспри схватил его за руку с такой силой, что Варен взвыл от боли.

— Иди прочь, приятель, — продолжил Даспри, — свежий воздух сейчас полезен тебе. А может, тебя проводить? Мы пойдем через пустырь, и я покажу тебе грудку камней, под которой...

— Это ложь! Ложь!

— Нет, это правда. Ведь маленькая железная пластина с семью красными дырочками именно оттуда. Луи Лакомб с ней никогда не расставался, как ты помнишь. Вы с братом закопали ее вместе с трупом... и другими предметами, которые наверняка чрезвычайно заинтересуют полицию.

Варен закрыл лицо яростно сжатыми кулаками. Затем сказал:

— Что ж, меня здорово облапошили... Оставим это. Только скажите... одно слово, я хочу знать...

— Была ли в тайнике... в том, что побольше, шкатулка?

— Была.

— Когда вы пришли сюда ночью с 22 на 23 июня, она еще находилась там?

— Да.

— И в ней лежало?..

— Все, что спрятали туда братья Варен, — очень симпатичная коллекция драгоценностей, бриллиантов и жемчуга, которые упомянутые братья ухитрились стянуть отовсюду, где можно.

— И вы их забрали!

— Конечно! Поставь себя на мое место.

— Значит... мой брат покончил с собой, обнаружив, что шкатулка пропала?

— Возможно. Исчезновения вашей переписки с майором Лебеном было бы недостаточно. Но пропажа шкатулки... Больше ничего не хочешь у меня узнать?

— Еще одно: ваше имя.

— Ты произнес это так, будто намерен взять реванш.

— Еще бы! Счастье изменчиво. Сегодня вы победили. Завтра...

— Ты?

— Я очень рассчитываю на это. Ваше имя!

— Арсен Люпен.

— Арсен Люпен!

Варена будто обухом огрели, и он зашатался. Судя по всему, эти два слова лишали его всякой надежды.

Даспри расхохотался:

— Вот-те на! Неужели ты допускаешь, что такое красивое дельце мог обстряпать какой-нибудь Дюран или Дюпон? Брось, пожалуйста, для этого нужен по меньшей мере Арсен Люпен. А теперь, когда ты все знаешь, малыш, иди, готовься к реваншу. Арсен Люпен ждет тебя.

И он без дальнейших разговоров вытолкнул его на улицу.

— Даспри, Даспри! — позвал я, невольно произнеся то имя, к которому привык, и отодвинул бархатную портьеру.

Он бросился ко мне.

— Что? Что случилось?

— Мадам Андерматт плохо.

Он засуетился, дал ей понюхать соль и, хлопоча вокруг нее, расспрашивал меня:

— Ну что же все-таки произошло?

— Письма, — ответил я, — письма Луи Лакомба, переданные вами ее мужу!

Он стукнул себя по лбу.

— Она подумала, что я это сделал... Ну конечно, она и в самом деле могла так подумать. Какой же я дурак!

Мадам Андерматт, уже пришедшая в себя, жадно слушала его слова. Он достал из бумажника маленькую связку, абсолютно не отличавшуюся от той, что унес господин Андерматт.

— Вот ваши письма, мадам, настоящие.

— А те... другие?

— Те почти такие же, как эти. Но сегодня ночью я все переписал и тщательно подправил. Ваш муж будет необыкновенно счастлив, прочитав их, он не догадается о подмене, ведь все, кажется, происходило у него на глазах...

— Почерк...

— Не существует почерков, которые невозможно скопировать.

Она поблагодарила его в той форме, какая принята среди людей ее круга, и я понял, что мадам Андерматт, наверное, не слышала последних фраз, которыми обменялись Варен и Арсен Люпен.

Мне же было немного неловко смотреть на него, я не знал, что сказать старому приятелю, представшему передо мной в столь неожиданном свете. Люпен! Это был Люпен! Мой друг, человек из нашей компании оказался не кем иным, как Арсеном Люпеном! Я не мог прийти в себя. А он, ничуть не смущаясь, заговорил так:

— Вы можете попрощаться с Жаном Даспри.

— О!

— Да, Жан Даспри отправляется в путешествие. Я посылаю его в Марокко. Вполне возможно, что он найдет там достойный его конец. Не скрою даже, что таково его намерение.

— Но Арсен Люпен остается с нами?

— О! Непременно. Карьера Арсена Люпена только начинается, и он рассчитывает...

Любопытство мое разыгралось не на шутку, я невольно рванулся к нему и отвел на некоторое расстояние от мадам Андерматт.

— Значит, вы все-таки нашли второй тайник, в котором лежали письма?

— Пришлось немало потрудиться! Это произошло только вчера, после обеда, пока вы спали. Хотя, Бог свидетель, все было так просто! Но о самых простых вещах всегда думают в последнюю очередь.

И он показал мне семерку червей:

— Я правильно угадал, что открыть сейф можно нажатием картой на меч мозаичного старца...

— Как вы догадались?

— Легко. С помощью моих особых каналов информации. Когда я пришел сюда ночью двадцать второго июня, я уже знал...

— После того как попрощались со мной...

— Приведя вас посредством намеренно избранной темы разговора в определенное состояние, чтобы такой нервный и впечатлительный человек, как вы, позволил мне действовать по моему усмотрению и не покидал кровати.

— Расчет был верным.

— Итак, явившись сюда, я знал, что в сейфе с секретным замком спрятана шкатулка и что ключ, отмычка сейфа — это семерка червей. Надо было только наложить эту семерку на то место, которое было ей предназначено. Мне было достаточно часа осмотра.

— Часа!

— Посмотрите на мозаичного деда.

— Старого императора?

— Этот старый император — точная копия червового короля из любой колоды — Карл Великий.

— Действительно... Но почему семерка червей открывает то большой сейф, то маленький? И почему сначала вы открыли только большой сейф?

— Почему? Да потому, что я упорно накладывал свою семерку в одном и том же положении. И только вчера заметил: если перевернуть ее, то есть если положить седьмое сердечко, то, что в середине, вверх, а не вниз, расположение семи знаков изменится.

— Ну и ну!

— То-то и оно, но надо было догадаться.

— Еще один вопрос: вы ничего не знали о письмах, до того как мадам Андерматт...

— Заговорила о них при мне? Не знал. Помимо шкатулки, я нашел в сейфе лишь переписку братьев, из которой узнал об их предательстве.

— Короче говоря, то, что вам пришлось заинтересоваться историей братьев, а затем разыскивать чертежи и документы, касающиеся подводной лодки, — это чистая случайность?

— Случайность.

— Но с какой целью вы занялись этими поисками?..

Даспри со смехом перебил меня:

— Боже мой! Как же заинтересовало вас это дело!

— Оно захватило меня.

— Хорошо, прямо сегодня, после того как провожу мадам Андерматт и пошлю в «Эко де Франс» заметку, которую собираюсь написать, я вернусь, и мы все обсудим в деталях.

Он сел и написал одну из тех мелких заметок, где так блестяще отразилась фантазия ее автора. Кто не помнит шумихи, прокатившейся по всему миру после ее появления?

«Арсен Люпен решил загадку, которую поставил перед ним недавно Сальватор. Располагая оригинальными чертежами инженера Луи Лакомба, он передал их в руки министра военно-морских сил. В связи с этим он открывает подписку, цель которой — передать государству подводную лодку, построенную по этим чертежам. Сам он подписывается первым на сумму в двадцать тысяч франков».

— Двадцать тысяч франков, полученных по чекам месье

Андерматта? — спросил я, когда он дал мне прочесть бумагу.

— Точно так. Будет справедливо, если Варен хоть частично компенсирует свое предательство.

Вот так я и познакомился с Арсеном Люпенем. Так узнал, что Жан Даспри, мой приятель по клубу, светский знакомый, был не кто иной, как Арсен Люпен, джентльмен-грабитель. Так завязались нити очень приятной дружбы с нашим выдающимся героем, и так постепенно благодаря доверию, которого он меня удостаивает, я стал очень скромным, верным и очень признательным его биографом.

Сейф мадам Эмбер

В три часа утра перед маленькими домами художников, выстроившимися по одной линии вдоль бульвара Бертье, еще стояло с полдюжины экипажей. Дверь одного из домов открылась. Вышла группа гостей — мужчины и женщины. Четыре коляски разъехались в разные стороны, и на улице не осталось никого, кроме двух господ, которые расстались на углу улицы Курсель, где жил один из них. Другой решил пройти пешком до заставы Майо.

Итак, он пересек улицу Вилье и пошел дальше по тротуару, параллельному земляному валу. В такую прекрасную зимнюю ночь, когда воздух холоден и свеж, ходьба доставляла удовольствие. Было легко дышать. Каблуки весело отстукивали каждый шаг.

Но через несколько минут возникло неприятное ощущение, будто сзади кто-то идет. И действительно, обернувшись, молодой человек заметил человеческую тень, мелькнувшую меж деревьев. Он был не из пугливых, но тем не менее ускорил шаг, чтобы как можно скорее добраться до Тернской заставы. Но тот человек побежал за ним. Встревожившись не на шутку, молодой человек решил, что лучше дать отпор преследователю, и вытащил револьвер.

Но не успел он сделать это, как мужчина стремительно набросился на него, и тут же на пустынном бульваре завязалась драка, бой врукопашную. Тот, на кого напали, сразу почувствовал, что сила не на его стороне, стал звать на помощь, отбиваться, но был опрокинут на грудь камней. Противник сжал ему горло и заткнул рот платком. Глаза у побежденного закрылись, в ушах зашумело, и он чуть было не потерял сознание, но вдруг тиски разжались, и человек, раздавивший его своей тяжестью, вскочил, чтобы, в свою очередь, защититься от неожиданного нападения.

Удар тростью по руке, удар сапогом по лодыжке... Мужчина дважды взвыл от боли и, хромя и ругаясь, убежал прочь.

Не собираясь преследовать его, победитель наклонился и спросил:

— Вы не ранены, месье?

Он был не ранен, а сильно оглушен, не мог держаться на ногах. К счастью, на крики прибежал один из служащих заставы. Нашли экипаж. И наш господин сел в него вместе со своим спасителем; их повезли на проспект Гранд Арме, где жил потерпевший.

У двери дома, совершенно придя в себя, хозяин осыпал своего спутника

выражениями благодарности.

— Я жизнью вам обязан, месье, смею вас уверить, что никогда этого не забуду. В данный момент я не хочу пугать жену, но настаиваю на том, чтобы она сама, уже сегодня, могла выразить вам нашу признательность.

Он пригласил его на завтрак и назвал свое имя: Людовик Эмбер, затем добавил:

— Могу ли я спросить, с кем имею честь...

— Ну конечно, — ответил тот. И представился: — Арсен Люпен.

В то время Арсен Люпен не обладал еще той известностью, что принесли ему дело Каорна, его побег из Санте и многие другие нашумевшие подвиги. Он даже не был пока Арсеном Люпенем. Это имя, столь прославившееся в дальнейшем, было специально выдуманно для спасителя месье Эмбера, и можно сказать, что именно в этом деле оно получило боевое крещение. Готовый к борьбе, полностью вооруженный, но, по правде говоря, не имеющий ни средств, ни авторитета, которые дают успех, Арсен Люпен был не более чем пригостишкой в профессии, которой в скором времени овладеет как настоящий мастер.

Именно поэтому, проснувшись, он просто задрожал от радости, когда вспомнил о ночном приглашении! Наконец-то он приблизился к цели! Наконец совершит поступок, достойный его умения и таланта! Миллионы Эмберов! Великолепная добыча, под стать его аппетитам!

Он приоделся соответствующим образом: потертый сюртук, поношенные брюки, шляпа из порыжевшего шелка, обтрепанные манжеты и пристежные воротнички — все очень чистое, но отдающее бедностью. Вместо галстука — черный бант, приколотый булавкой с фальшивым бриллиантовым глазком. Вырядившись таким образом, он спустился по лестнице дома на Монмартре, где недавно поселился. На четвертом этаже, не остановившись, постучал набалдашником трости по створке какой-то закрытой двери. Выйдя на улицу, пошел по боковой аллее бульвара. Как раз подоспел трамвай. Он поднялся в салон, и некто, шедший за ним, а именно жилец с четвертого этажа, сел рядом.

Через секунду этот человек обратился к нему:

— Ну что, шеф?

— Порядок, дело сделано.

— Как это?

— Я у них завтракаю.

— Вы там завтракаете?

— Надеюсь, ты не хочешь, чтобы мое драгоценное время было потрачено понапрасну. Я вырвал месье Людовика Эмбера из лап смерти, которую ты ему уготовил. А месье Людовик Эмбер — человек признательный. Он пригласил меня на завтрак.

Молчание. Затем сосед осмелился спросить:

— Значит, вы не отказались от этого?

— Мальш, — ответил Арсен, — уж коли я сегодня ночью организовал это смехотворное нападение, если взял на себя труд в три часа утра неподалеку от земляного вала наградить тебя ударом трости по руке и пинком по берцовой кости, рискуя тем самым покалечить моего единственного друга, то делал это, конечно же, не для того, чтобы теперь отказаться от барыша за столь искусно организованное спасение.

— Но ходят нехорошие слухи по поводу их состояния...

— Пусть себе ходят. Вот уже шесть месяцев я занимаюсь этим делом, шесть месяцев собираю сведения, изучаю, расставляю сети, расспрашиваю прислугу, работодателей и подставных лиц, шесть месяцев живу в тени мужа и жены. Следовательно, я знаю, что надо делать. Досталось ли это состояние от старика Брофорда, как они утверждают, или появилось из другого источника — неважно. Я убежден, что оно существует. И поскольку оно существует, оно — мое!

— Черт, сто миллионов!

— Положим, десять или даже пять, эка важность! В сейфе — большие пачки ценных бумаг. Черт меня побери, если в один прекрасный день я не добуду ключа.

Трамвай остановился на площади Звезды. Мужчина прошептал:

— Итак, что делать сейчас?

— Сейчас? Ничего. Я предупрежу тебя. У нас еще есть время.

Пять минут спустя Арсен Люпен поднимался по парадной лестнице особняка Эмберов, и Людовик представил его жене. Жервеза была добродушной дамочкой, очень толстенькой и очень болтливой. Она приняла Люпена чрезвычайно любезно.

— Я настояла на том, чтобы на торжестве в честь нашего спасителя не было никого из посторонних, — сказала она.

И с самого начала со «спасителем» обращались как со старым другом. К десерту установилось полное доверие, и в откровенных признаниях недостатка не было. Арсен рассказывал о своей жизни, жизни отца — неподкупного судьи, о печалях детства, трудностях настоящего момента. Жервеза, со своей стороны, вспоминала о молодости, замужестве, добрых деяниях старика Брофорда, ста унаследованных ею миллионах,

препятствиях, оттягивающих немедленное предоставление пользования, займах, которые она вынуждена была сделать под невыносимые проценты, бесконечных распрях с племянниками Брофорда. А конфликты! А секвестры! И тому подобное.

— Подумать только, месье Люпен, бумаги здесь, рядом, в столе моего мужа, но если мы возьмем оттуда хотя бы один купон, мы потеряем все! Они здесь, в нашем сейфе, но мы не можем даже коснуться их.

Гость слегка содрогнулся при мысли о таком соседстве. И совершенно четко понял, что душе Арсена Люпена никогда не подняться до высот щепетильности, свойственных этой достойной даме.

— О! Они здесь, — прошептал Арсен; во рту у него пересохло.

— Да, они здесь.

Отношения, начавшиеся в подобных обстоятельствах, неизбежно должны были завязаться в более крепкий узел. Во время деликатного допроса Арсен Люпен признался, что беден и находится в отчаянном положении. И тут же несчастный юноша был назначен личным секретарем обоих супругов с жалованием в сто пятьдесят франков в месяц от каждого. Жить он будет на прежней квартире, но ежедневно должен приходить, чтобы получать распоряжения, а для большего удобства ему под рабочий кабинет будет выделена одна из комнат третьего этажа.

Комнату он выбрал сам. По какой-то счастливой случайности она оказалась над кабинетом Людовика.

Арсен очень скоро убедился, что его секретарская должность очень сильно напоминает синекуру. За два месяца ему пришлось переписать всего лишь четыре незначущих письма, и только раз патрон вызвал его к себе в кабинет, что позволило ему рассмотреть сейф. Кроме того, он заметил, что обладателю этой синекуры, видимо, не положено фигурировать рядом с депутатом Анкети или старшиной сословия адвокатов Грувелем, ибо Люпена забывали приглашать на знаменитые светские рауты.

Он на это ничуть не жаловался, явно предпочитая оставаться на своем скромном месте в тени, и, счастливый и свободный, держался в стороне. К тому же времени Арсен не терял. Прежде всего он несколько раз тайно посетил кабинет Людовика и засвидетельствовал свое почтение сейфу, который, увы, так и остался наглухо закрытым. Это было угрюмое с виду огромное сооружение из чугуна и стали; к нему не подступиться было ни с напильником, ни со сверлом, ни с фомкой.

Арсен Люпен умел мыслить широко.

«Там, где сила не поможет, надо брать хитростью, — сказал он себе. — Главное — наострить глаза и уши».

Поэтому он принял необходимые меры, и, проведя трудоемкое и тщательное обследование паркета в своей комнате, просунул свинцовую трубку в отверстие между двумя лепными украшениями в потолке кабинета хозяина. Через это приспособление, своего рода слуховую и подзорную трубу, он собирался подглядывать и подслушивать.

С этого момента Арсен жил, приклеившись к полу животом. И, естественно, часто наблюдал, как Эмберы обсуждали что-то, стоя около сейфа, проверяя книги записей и листая бумаги в папках. Когда они последовательно поворачивали четыре ручки, приводящие в действие замок, он, чтобы узнать шифр, старался угадать число перемещающихся засечек. Следил за каждым их жестом, прислушивался к каждому слову. Куда они девали ключ? Спрятали его?

Однажды Арсен увидел, что они вышли из комнаты, не закрыв сейфа, и быстро спустился вниз. Решил войти. Но они уже вернулись.

— О! Извините меня, я ошибся дверью.

Но Жервеза бросилась к нему и пригласила в кабинет:

— Входите же, месье, входите, будьте как дома! Вы дадите нам совет. Какие ценные бумаги лучше продать? Зарубежные или ренту?

— Но как же с запретом? — очень удивившись, возразил Люпен.

— О! Он касается не всех денег.

Она приоткрыла створку. На полках лежали перевязанные ремешками папки. Она взяла одну из них. Но муж запротестовал:

— Нет, нет, Жервеза, безумие продавать зарубежные ценные бумаги. Их курс подскочит... Тогда как цены на ренту уже достигли предела. А как считаете вы, дорогой друг?

Дорогой друг никак не считал, но тем не менее посоветовал пожертвовать рентой. Тогда она взяла другую связку и вытащила из нее одну бумагу наугад. Это была трехпроцентная акция в 1374 франка. Людовик положил ее в карман. После полудня вместе с секретарем они продали эту бумагу через биржевого маклера и получили 46000 франков.

Что бы там ни говорила Жервеза, у Арсена Люпена не было ощущения, что он живет здесь как у себя дома. Как раз напротив, положение, которое он занимал в доме Эмберов, не переставало его удивлять. Неоднократно он убеждался, что прислуга не знает его имени. Они называли его просто «месье». Людовик говорил о нем так: «Предупредите месье... Месье уже пришел?» Зачем понадобилась эта загадочность в обращении?

К тому же, когда поутихли первоначальные восторги, Эмберы почти не

разговаривали с ним, были учтивы настолько, насколько требует отношение к человеку, оказавшему им большую услугу. Но в сущности, вовсе не обращали на него внимания. Делали вид, что считают его оригиналом, который не любит, когда ему надоедают: они, конечно, чтут его уединение, но только потому, что он сам навязал им такое условие, хоть это и блажь с его стороны. Однажды, проходя через переднюю, Арсен услышал, как Жервеза говорила каким-то двум господам:

— Он такой дикарь.

Пусть так, подумал он, мы — из дикарей. И не собираясь разбираться в странном поведении этих людей, он продолжал осуществлять свой план. Арсен Люпен убедился, что не приходится рассчитывать на рассеянность Жервезы, которая никогда не расставалась с ключом от сейфа и, более того, никогда не уносила этот ключ, прежде чем не переставит буквы в замке. Итак, ему надо было действовать.

Одно событие — усиленная кампания, развернутая некоторыми газетами против Эмберов, — ускорило развязку. Их обвиняли в мошенничестве. Арсен Люпен наблюдал за перипетиями драмы, поведением супружеской четы и понял, что, промедлив еще немного, все упустит.

Пять дней подряд, вместо того чтобы, как обычно, уходить в шесть часов, он запирался в своей комнате. Хозяева думали, что его уже нет. А он, растянувшись на полу, следил за тем, что происходит в кабинете Людовика.

Пять вечеров подряд благоприятного случая так и не представилось, и он среди ночи уходил через калитку во дворе. У него был ключ от нее.

Но на шестой день Арсен узнал, что Эмберы в ответ на злобные инсинуации своих врагов предложили открыть сейф с тем, чтобы составить опись его содержимого.

«Это произойдет сегодня вечером», — подумал Люпен.

И действительно, после ужина Людовик расположился в своем кабинете. Жервеза тоже пришла туда. Они занялись разборкой бумаг, находившихся в сейфе.

Прошел час, затем другой. Люпен услышал, что слуги отправились спать. И вот уже никого не осталось на втором этаже. Эмберы продолжали заниматься своим делом.

— Пора, — прошептал Люпен.

И открыл окно. Оно выходило во двор. На небе — ни звезд, ни луны, и за окном — непроглядная тьма. Он достал из шкафа веревку с узлами, привязал ее к перилам балкона, перелез через них и медленно, опираясь на водосточный желоб, пополз вниз к окну, расположенному этажом ниже.

Это было окно кабинета; плотные шерстяные шторы скрывали все происходящее внутри. С минуту он неподвижно стоял на балконе, насторожив уши и вглядываясь в темноту.

Все было тихо; успокоившись, он слегка толкнул створки окна. Если никто не удосужился проверить, заперты ли они, окно должно было открыться, потому что после обеда он повернул шпингалет так, чтобы язычок не вошел в паз.

Окно приоткрылось. Тогда чрезвычайно осторожно он пошире растворил его. Просунул голову и тут же замер. Сквозь щель между полотнищами неплотно задвинутых штор пробивалась полоска света: он увидел Жервезу и Людовика, сидевших около сейфа.

Они изредка и очень тихо перебрасывались короткими фразами, не отрываясь от своего занятия. Арсен Люпен прикинул расстояние, отделявшее его от них, точно рассчитал движения, которые надо было сделать, чтобы нейтрализовать одного за другим, не дать времени позвать на помощь, и уже собирался ринуться вперед, как вдруг услышал слова Жервезы:

— Как холодно стало в комнате и всего за какую-то минуту! Пойду, пожалуй, лягу. А ты?

— Мне хотелось бы закончить.

— Закончить! Тут и до утра не разобраться.

— Да нет, работы на час, не больше.

Она удалилась. Прошло двадцать, тридцать минут. Арсен чуть пошире приоткрыл окно. Захлопали шторы. Он сильнее толкнул створки. Людовик обернулся и, увидев раздувшиеся от ветра занавески, поднялся, чтобы закрыть окно...

Все обошлось без единого крика и без борьбы. Арсен Люпен несколькими точными движениями, не причинив особой боли, оглушил Людовика, закутал ему голову шторой и связал, так что тот даже не успел разглядеть лица нападавшего.

Затем Арсен бросился к сейфу, схватил две папки, сунул их под мышку, вышел из кабинета, спустился по лестнице, пересек двор и открыл калитку. На улице стоял экипаж.

— Возьми вот это сначала, — сказал он кучеру, — и следуй за мной.

Он опять пошел в кабинет. В два приема сейф был опустошен. Затем Арсен поднялся в свою комнату, отвязал веревку и уничтожил следы своего пребывания. Все было кончено.

Через несколько часов Арсен Люпен вместе с сообщником приступил к

разборке содержимого папок. Обнаружив, что состояние Эмберов далеко не так велико, как все полагали, Арсен, предвидевший это, вовсе не был разочарован. Ни сотен, ни даже десятков миллионов здесь не оказалось. Но в общем и целом состояние Эмберов исчислялось очень внушительной цифрой и было вложено в исключительно доходные отрасли: это были акции железнодорожных компаний, парижские и государственные ценные бумаги, акции Суэца, северных шахт и т.д.

Люпен был удовлетворен.

— Конечно, — сказал он, — убытки будут значительные, когда придет время торговаться. Мы столкнемся с препятствиями, и придется не раз, и не два отдавать бумаги за бесценок. Не беда, благодаря этому первичному капиталовложению я надеюсь начать жить, как хочу... и реализовать кое-какие проекты, которые меня очень волнуют.

— А остальное?

— Можешь все сжечь, малыш. Эти груды выглядели внушительно в сейфе. Нам они не нужны. Что же касается ценных бумаг, мы их спокойно запрем в шкаф и будем ждать подходящего момента.

На следующий день Арсен подумал, что ничто не мешает ему вернуться в особняк Эмберов. Но, читая газеты, он узнал нечто совершенно неожиданное: Людовик и Жервеза исчезли.

Вскрытие сейфа происходило в чрезвычайно торжественной обстановке. Судейские обнаружили в нем то, что оставил Арсен Люпен... то есть почти ничего.

Таковы факты, точнее, некоторые из них в интерпретации Арсена Люпена. Я излагаю события, придерживаясь версии, услышанной из его собственных уст в тот день, когда на Арсена нашел стих откровенности.

Он ходил взад-вперед по моему рабочему кабинету, и в глазах его бегали чертики, которых я не замечал раньше.

— Короче говоря, — заметил я, — это одно из самых удачных ваших предприятий?

Не ответив мне напрямую, он продолжал:

— В этом деле есть какие-то неразрешимые загадки. И даже после того, как я вам все объяснил, осталось столько непонятного! Зачем понадобилось бежать? Почему они не воспользовались помощью, которую я невольно оказал им. Ведь так просто было заявить: «Сто миллионов лежали в сейфе, а теперь их здесь нет, потому что они украдены!»

— Эмберы потеряли голову.

— Да, действительно, потеряли голову... Но с другой стороны, ведь

правда, что...

— Что — правда?

— Так, ничего.

Что скрывалось за его недомолвкой? Он ведь что-то недоговорил, это было очевидно, и не хотел говорить. Я был заинтригован. Должно быть, речь шла о чем-то очень серьезном, если у такого человека возникли сомнения.

И я наугад стал задавать ему разные вопросы.

— Вы с ними больше не встречались?

— Нет.

— А не испытываете ли вы временами что-то вроде жалости к этой злополучной чете?

— Я?! — воскликнул он, подскочив.

Его возмущение удивило меня. Может, я попал в точку?

— Разумеется, — упорствовал я. — Не будь вас, они, может быть, могли бы противостоять опасности... или по крайней мере уехать с полными карманами.

— Угрызения совести, именно этого вы от меня хотите, не правда ли?

— Конечно!

Он сильно ударил по моему столу.

— Итак, по-вашему, у меня должны быть угрызения совести?

— Называйте это угрызениями или сожалениями. Но хоть какие-то чувства...

— Испытывать какие-то чувства по отношению к людям...

— К людям, у которых вы отняли состояние.

— Какое состояние?

— Ну как же... эти две или три пачки ценных бумаг!

— Две-три пачки бумаг! Я у них украл ценные бумаги, не так ли, часть их наследства, и в этом моя вина, мое преступление? А вам не пришло в голову, черт побери, что они были фальшивыми, эти ценные бумаги?.. Слышите?

ОНИ БЫЛИ ФАЛЬШИВЫМИ!

Я оторопело уставился на него.

— Четыре или пять миллионов — фальшивые?

— Именно, — в ярости воскликнул он, — архифальшивые! Фальшивые облигации, ценные государственные бумаги, парижские акции — все оказалось макулатурой и ничем иным! И ни одного су! В этой массе бумаг я не нашел и су! А вы требуете от меня каких-то угрызений совести. Но их должны испытывать они, а не я! Эта парочка облапошила меня как

обыкновенного раззяву! И обобрала как последнего тупого кретина!

Люпен был зол не на шутку, досада и уязвленное самолюбие, видимо, не давали ему покоя.

— Но, как ни крути, я был в проигрыше с самого начала! Угадайте, какую роль я играл в этом деле, точнее, они заставили меня играть? Роль Андре Брофорда. Да, дорогой друг, а я ничего не понял! Только позднее, по газетам и сопоставленным фактам я догадался об этом. В то время как я строил из себя благодетеля, этакого господина, рисковавшего своей жизнью и вырвавшего Эмбера из лап бандита, они выдавали меня за одного из Брофордов!

Великолепно, не так ли? Оригинал, расположившийся в комнате на третьем этаже, дикарь, которого показывали издали, был Брофордом, и эту роль играл я! Только благодаря мне и тому доверию, которое я внушал под именем Брофорда, банкиры давали ссуды, а нотариусы убеждали своих клиентов в том, что они могут открыть кредит! Да, полезный урок для начинающего! Уверяю вас, он не прошел даром.

Арсен вдруг замолчал, схватил меня за руку, а затем с яростью, в которой все же нетрудно было уловить нотки иронии и восхищения, произнес немыслимую фразу:

— В данный момент, дружище, Жервеза Эмбер должна мне тысячу пятьсот франков!

На этот раз я не смог удержаться от смеха. Воистину это была остроумнейшая шутка. Люпен и сам рассмеялся от души.

— Да, дорогой, тысячу пятьсот франков! Мало того, что я не получил ни одного су за свою работу, хозяйка ухитрилась вытянуть из меня полторы тысячи франков! Все, что было мною накоплено в юности! И знаете для чего? Ни за что не угадаете... Для ее бедняков! Именно так, для так называемых обездоленных людей, которым она помогала тайком от Людовика!

И я попался на этом! Ну разве не смешно, а? У Арсена Люпена выудили полторы тысячи франков, и сделала это милая дама, у которой он украл на четыре миллиона фальшивых бумаг! К каким только комбинациям и гениальным хитростям я не прибегал, чтобы добиться столь блестящего результата!

Вот так, единственный раз в жизни меня провели. Черт возьми! Обвели вокруг пальца по-настоящему, вчистую и по высшему разряду!..

Черная жемчужина

Сильный звон колокольчика разбудил консьержку дома № 9 по улице Ош. Она с ворчанием дернула за веревочку и заметила:

— Мне казалось, все вернулись. Ведь уже три часа, не меньше!

— Может быть, пришли за доктором, — пробрюзжал ее муж.

И действительно, послышался чей-то голос:

— Доктор Арель... на каком этаже?

— На четвертом, слева. Но по ночам его не велено тревожить.

— Придется все-таки побеспокоить господина доктора.

Неизвестный вошел в вестибюль, поднялся на второй, затем на третий этаж, и даже не задержавшись на лестничной клетке у двери месье Ареля, дошел до шестого этажа. Здесь он опробовал два ключа. Первым открыл замок, вторым — предохранительную задвижку.

— Замечательно, — прошептал он, — дело значительно упрощается. Но перед тем как приступить к нему, нужно обеспечить отступление. Так... по логике вещей, какое-то время потребовалось мне, чтобы позвонить к доктору, который должен был прогнать меня. Это время еще не прошло... немного терпения.

Десять минут спустя он спустился вниз и постучал в окошечко швейцарской, ругаясь на доктора. Незнакомцу открыли, и он, выходя, хлопнул дверью. Однако дверь не закрылась — этот господин ловко вставил железяку в личну замка, чтобы язычок не вошел внутрь.

Затем он бесшумно вошел снова, но уже не замеченный консьержками. На случай тревоги отступление было обеспечено.

И вот незнакомец опять на шестом этаже. В прихожей при свете электрического фонарика он снял пальто, шляпу и положил их на стул, сел на другой и надел на ботинки толстые войлочные тапочки.

— Уф! Готово... И как легко прошло! Интересно все-таки, почему основная масса людей пренебрегает столь приятным ремеслом грабителя? При наличии хотя бы грана смелости и расчета нет ничего лучше. Очень спокойное ремесло... достойное любого главы семейства... Пожалуй, даже слишком легкое... так что со временем это даже надоедает.

Он развернул подробный план квартиры.

— Сначала надо сориентироваться. Вот здесь я вижу прямоугольник — это прихожая, где я нахожусь. Со стороны улицы — гостиная, будуар и столовая. Здесь — пустая трата времени, вкус у графини, кажется,

скверный... ни одной стоящей вещицы!.. Значит, идем прямо к цели... А! Вот план коридора, который ведет в комнаты. Через три метра я должен обнаружить дверь стенного одежного шкафа, пристроенного к спальне графини.

Он свернул свой план, погасил фонарь и пошел по коридору, отсчитывая расстояние:

— Один метр... два... три метра... Вот и дверь... Как все удачно складывается, Бог ты мой! Простая задвижка, маленькая защелка отделяет меня от спальни, да к тому же мне известно, что эта задвижка на высоте в один метр сорок три сантиметра от пола... Достаточно немного подрезать вокруг, и мы от нее избавимся...

Он достал из кармана нужные инструменты и... застыл.

— А вдруг задвижку случайно не закрыли. Надо проверить... Хуже не будет!

Он повернул ручку. Дверь открылась.

— Молодчина Люпен, тебе решительно везет. Что еще нужно? Тебе известно расположение помещений, в которые ты собираешься попасть, ты знаешь, в каком месте графиня прячет черную жемчужину... Следовательно, для того чтобы жемчужина стала твоей, надо просто-напросто быть тише самой тишины и раствориться в ночной темноте.

Арсен Люпен провозился не менее получаса, открывая вторую дверь, выходящую в спальню. Но он делал это так осторожно, что графиню, даже если б она не спала, не потревожил бы никакой непривычный звук.

Следуя обозначенному в плане маршруту, ему оставалось лишь обогнуть шезлонг. Затем подобраться к креслу и далее — к ночному столику рядом с кроватью. На столе — коробочка для почтовой бумаги, а в этой коробочке как ни в чем не бывало лежит черная жемчужина.

Он лег на ковер и пополз, огибая шезлонг. Но вдруг замер, пытаясь сдержать сердцебиение. Никакого страха он не испытывал, но никак не мог справиться с нервным возбуждением, вызванным мертвой тишиной. Арсена это удивило, ведь, что ни говори, а ему приходилось переживать и не такие волнующие моменты, причем без всяких эмоций. Никакая опасность ему не угрожала. Так почему же сердце билось, как взбесившийся колокол? Может, на него подействовала эта спящая женщина, эта жизнь, бьющаяся рядом с его жизнью?

Люпен прислушался и, казалось, различил ритм дыхания. Это успокоило его, как присутствие друга.

Он нащупал кресло, затем незаметными короткими ползками пододвинулся к столику, вытянутой рукой шаря в темноте. Наконец он

нащупал ножку стола. Великолепно! Осталось лишь приподняться, взять жемчужину и уйти. Слава Богу! А то ведь сердце, как испуганный зверь, снова забилось в груди, да с такой силой, что, пожалуй, могло разбудить графиню.

Невероятным усилием воли он сдержал сердцебиение, но в тот момент, когда собрался привстать, его левая рука задела лежащий на ковре предмет, и он сразу понял, что это подсвечник, опрокинутый кем-то; рядом лежала еще одна вещица — маленькие дорожные часы в кожаном чехле.

Что это? Что произошло? Он не мог понять. Подсвечник... часы... Почему они оказались не на своем обычном месте? О! Что же случилось в этой крошечной тьме?

И вдруг от неожиданности у него вырвался крик. Он дотронулся... о! дотронулся до странной, просто невысказанной вещи! Ну нет, нет, от ужаса у него помутилось в голове. Прошло двадцать, тридцать секунд, он не шевелился, его сковал страх, пот стекал по вискам. А ощущение, вызванное прикосновением, сохранялось в кончиках пальцев.

Собрав все свои силы, он снова протянул руку. Пальцы опять прикоснулись к тому странному, невысказанному, что он потрогал раньше. Арсен ощупал это нечто. Заставил руку ощупывать и понял. То были волосы, лицо... и лицо холодное, почти ледяное.

В каком бы ужасающем виде ни предстала реальность, такой человек, как Арсен Люпен, способен овладеть ситуацией, едва осознав ее. Он мгновенно включил фонарь. Перед ним в луже крови лежала женщина. Ее шея и плечи были изуродованы страшными ранами. Люпен наклонился и осмотрел тело. Женщина была мертва.

— Мертва, мертва, — повторял он с ужасом, разглядывая лицо с застывшими глазами и искаженным ртом, посиневшее тело, утопающее в крови, залившей ковер и уже застывшей на нем густым черным пятном.

Поднявшись, он повернул выключатель, комната наполнилась светом, и только тогда стали видны следы отчаянной борьбы. Кровать была разворочена, одеяла и простыни сорваны. На полу валялись подсвечник и часы — стрелки показывали одиннадцать часов двадцать минут — затем, чуть подальше лежал опрокинутый стул и повсюду — кровь, лужи крови.

— А черная жемчужина? — прошептал Арсен.

Коробочка для почтовой бумаги оставалась на своем месте. Он быстро раскрыл ее. В ней лежал футлярчик. Он был пуст.

— Черт побери, — выругался Люпен, — ты слишком рано праздновал победу, дружище Арсен... Графиня убита, черная жемчужина исчезла... ситуация — хуже некуда! Пора бежать, иначе не миновать больших

осложнений.

Однако он не тронулся с места.

— Бежать? Любой другой наверняка сделал бы именно так. А Арсен Люпен? Может быть, он придумает нечто получше? Что ж, начнем все по порядку. В конце концов, совесть твоя чиста... Предположим, что ты комиссар полиции и должен провести расследование... Да, но для этого в голове должна быть полная ясность. А у меня мозги набекрень!

И он упал в кресло, сжав кулаками пылающий лоб.

Ни одно из происшествий, случившихся за последнее время, не вызывало такого жгучего интереса, как убийство на улице Ош, и я, разумеется, не стал бы рассказывать эту историю, не предстань она в совсем ином свете из-за вмешательства Арсена Люпена. О его причастности к делу мало кто подозревал. Во всяком случае никто не знал ничего до конца об этой необычной истории.

Ну кто же не помнит, кто не встречал в Булонском лесу бывшую певицу Леонтину Зальти, супругу, а затем вдову графа д'Андийо, двадцать лет назад ослеплявшую Париж своей роскошью, Зальти, графиню д'Андийо, славившуюся по всей Европе своими бриллиантами и жемчугами? Говорили, что у нее на шее — капитал нескольких банковских компаний и австралийских золотодобывающих фирм. Знаменитые ювелиры выполняли заказы Зальти, как когда-то — заказы королей и королев.

И кто не помнит о катастрофе, во время которой погибли все эти богатства? Банки и золотые прииски — все кануло в лету. От чудесной коллекции, распроданной на аукционе, не осталось ничего, кроме знаменитой черной жемчужины. Черная жемчужина! Целое состояние, если бы графиня захотела расстаться с ней.

Она не захотела. Предпочла урезать свои расходы, жить в скромной квартире с компаньонкой, кухаркой и слугой, но не продала бесценное сокровище. На то была особая причина, и графиня не скрывала этого: черная жемчужина — подарок императора! И почти совсем разорившись, владелица сокровища, обреченная на самое жалкое существование, осталась преданной своей спутнице лучших времен.

— Пока жива, — говорила она, — я с ней не расстанусь.

Весь день, с утра до вечера, она носила жемчужину на шее. На ночь убирала ее в укромное местечко, о котором никто не знал.

Все эти факты, изложенные в газетах, только разжигали любопытство, и странная, но вполне понятная для тех, кто знает разгадку, вещь: арест предполагаемого убийцы еще сильнее запутал дело и подогрел страсти. Через день газеты так изложили эту новость:

«Стало известно об аресте Виктора Данэгра, слуги графини д'Андийо. Собранные против него улики — уничтожающи. На люстриновом рукаве его ливреи, найденной шефом полиции господином Дюдуи в мансарде Данэгра между пружинной сеткой и матрацем, обнаружены пятна крови. Кроме того, на жилете не хватало обтянутой тканью пуговицы. Но как только начался обыск, эту пуговицу достали из-под кровати жертвы.

Возможно, после ужина Данэгр, вместо того чтобы подняться в мансарду, проскользнул в гардеробную и сквозь застекленную дверь увидел, как графиня прячет черную жемчужину.

Следует оговориться, что пока еще не обнаружено никакого доказательства, подтверждающего данное предположение. Как бы то ни было, остается неясным еще одно обстоятельство. В семь часов утра Данэгр заходил в табачный киоск на бульваре Курсель: консьержка, а затем и продавщица засвидетельствовали это. С другой стороны, кухарка графини и ее компаньонка, спальни которых находятся в конце коридора, утверждают, что в восемь часов утра, когда они встали, дверь прихожей и дверь кухни были заперты на два оборота. Обе женщины, прослужившие у графини два десятка лет, — вне всяких подозрений. Возникает вопрос: каким путем Данэгр вышел из квартиры? Быть может, он сделал для себя другой ключ? Расследование должно разъяснить эти противоречивые факты.

Но оно абсолютно ничего не разъяснило, даже наоборот. Обнаружилось, что Виктор Данэгр был опасным рецидивистом, алкоголиком и развратником, для которого удар ножом был делом привычным. Но по мере расследования, в самом деле появлялось все больше темных пятен и необъяснимых противоречий.

Прежде всего некая мадемуазель де Сенклев, кузина и единственная наследница жертвы, сообщила, что за месяц до смерти в одном из писем графиня сообщила ей, куда прячет черную жемчужину. На следующий день после того как письмо было получено, мадемуазель де Сенклев обнаружила, что оно исчезло. Кто украл его?

В свою очередь, консьержи рассказали, что открывали дверь какому-то человеку, поднявшемуся к доктору Арелю. Расспросили доктора. К нему никто не звонил. Так кто же это был? Сообщник?

Версия, включающая сообщника, была принята прессой и общественностью. Старина Ганимар, главный инспектор, отстаивал именно ее, и не без оснований.

— Здесь замешан Люпен, — говорил он следователю.

— О! — возразил тот. — Вам везде мерещится этот Люпен.

— Он мне мерещится везде потому, что присутствует везде.

— Признайтесь лучше, что он всплывает перед вашим взором всякий раз, когда вам что-то не совсем ясно. Ну, а в данном случае обратите внимание: преступление было совершено в одиннадцать двадцать вечера, как подтверждают часы, а ночной визит, упомянутый консьержами, был нанесен лишь в три часа утра.

Служители правосудия часто пасуют перед лицом убедительных фактов, которые вынуждают их подгонять события под первоначальную версию. Удручающее прошлое Виктора Данэгра, рецидивиста, пьяницы и распутника, повлияло на следователя, и хотя не обнаружилось ни одного нового доказательства, подтверждающего две-три улики, обнаруженные вначале, он остался непоколебим. И закрыл следствие. Через несколько недель началось судебное разбирательство.

Оно было путаным и занудным. Председатель вел его бесстрастно. Прокурор выступил слабо. В таких условиях у адвоката Данэгра появилось преимущество. Он указал на недоработки и бездоказательность обвинения. Ни одного вещественного доказательства не существовало. Кто сделал ключ, тот необходимый ключ, без которого Данэгр, уходя, не смог бы запереть на два оборота дверь в квартире? Кто видел этот ключ, и куда он подевался? Кто видел нож убийцы, что с ним стало?

— Во всяком случае, — закончил свою речь адвокат, — надо доказать, что убил графиню именно мой подзащитный. Докажите, что вор и убийца не тот таинственный посетитель, что проник в дом около трех утра. На часах было одиннадцать, скажете вы? Ну и что? Разве нельзя перевести стрелки часов на тот час, какой нужен?

Виктора Данэгра оправдали.

Похудевший и подавленный полугодовым пребыванием в камере, он вышел из тюрьмы в пятницу, на закате дня. Следствие, одиночное заключение, судебное разбирательство, выступления присяжных — все это внушило ему болезненный страх. По ночам его мучили ужасные кошмары, снился эшафот. Он дрожал от лихорадки и ужаса.

Назвавшись Анатодем Дюфуром, он снял маленькую комнату на одном из холмов Монмартра, жил случайными заработками, подвизаясь то тут, то там.

Жалкое существование! Три раза его нанимали разные хозяева, трижды узнавали и прогоняли немедленно.

Зачастую Данэгр замечал — или это только казалось, — что за ним

следят какие-то люди, наверное полицейские, и не сомневался, что они хотят подстроить ему ловушку. И он заранее чувствовал тяжесть грубой руки, схватившей его за ворот.

Однажды вечером, когда Данэгр ужинал в трактирчике неподалеку от дома, кто-то сел напротив него. Это был мужчина лет сорока, одетый в черный сюртук сомнительной чистоты. Он заказал суп, овощи и литр вина.

Доев свой суп, мужчина перевел взгляд на Данэгра и долго смотрел на него.

Данэгр побледнел. Этот человек наверняка из тех, кто следил за ним в последние недели. Что ему от него надо? Данэгр попробовал встать, но не смог. Ноги у него подкашивались.

Мужчина налил себе стакан вина и наполнил стакан Данэгра.

— Чокнемся, приятель?

— Да, да, — забормотал Виктор, — ваше здоровье, приятель.

— Ваше здоровье, Виктор Данэгр.

Тот подскочил:

— Я!.. Я!.. Да нет... клянусь вам...

— В чем вы клянетесь? Что вы — это не вы? Вы не слуга графини?

— Какой слуга? Меня зовут Дюфур. Спросите хозяина.

— Дюфур Анатолий — да, для хозяина, но Данэгр — для правосудия.

Виктор Данэгр!

— Неправда! Нет! Вас обманули.

Незнакомец достал из кармана визитку и протянул ее ему. Виктор прочел:

«Гримодан, бывший инспектор полиции. Тайный сыск».

Виктор задрожал.

— Вы из полиции?

— Теперь нет, но мне нравилось мое ремесло, и я продолжаю им заниматься... на более прибыльной основе. Время от времени выискиваю «золотоносные» дела... такие, как ваше.

— Мое?

— Да, ваше, это дело исключительно прибыльное, если, конечно, вы согласитесь быть хоть немного сговорчивым.

— А если не соглашусь?

— Придется. Вы оказались в ситуации, при которой ни в чем не сможете мне отказать.

Страх незаметно подкрадывался к Виктору.

— В чем же дело? Говорите, — попросил он.

— Хорошо, — ответил его собеседник, — покончим с этим. В двух словах скажу следующее: меня прислала мадемуазель де Сенклев.

— Сенклев?

— Наследница графини д'Андийо.

— И что же?

— А то, что мадемуазель де Сенклев поручила мне потребовать у вас черную жемчужину.

— Черную жемчужину?

— Ту, что вы украли.

— Но у меня ее нет!

— Есть.

— Если бы она была у меня, это означало бы, что я убийца.

— Вы и есть убийца.

Данэгр натужно хихикнул.

— К счастью, дражайший месье, суд присяжных был иного мнения. Все заседатели, вы слышите, признали меня невиновным. А когда совесть чиста и двенадцать добропорядочных людей относятся с уважением...

Бывший инспектор взял его за руку:

— Не разглагольствуйте, приятель. Слушайте меня очень внимательно и взвесьте мои слова, они того стоят. Данэгр, за три недели до преступления вы украли на кухне ключ от двери черного хода и заказали такой же у слесаря Утара на улице Оберкан, 244.

— Неправда, нет, — пробурчал Виктор, — никто не видел этого ключа... его не существует.

— Вот он.

Помолчав, Гримодан продолжал:

— Вы убили графиню ножом с окольцованной металлом ручкой, его вы купили на рынке у площади Республики в тот же день, когда заказывали ключ. Лезвие ножа на конце треугольное и в нем прорезан желобок.

— Вранье все это, вы говорите так, на всякий случай. Никто не видел ножа.

— Вот он.

Виктор Данэгр отшатнулся. Бывший инспектор продолжал:

— Внутри есть пятна ржавчины. Надо ли вам объяснять их происхождение?

— Ну и что из этого?.. У вас есть ключ и нож. Кто докажет, что они мои?

— Прежде всего слесарь, а затем служащий, у которого вы купили нож.

Я уже освежил их память, и они непременно узнают вас, когда увидят.

Он говорил сухо и жестко, с ужасающей четкостью. Данэгра трясло от страха. Ни следователь, ни председатель суда, ни помощник прокурора не подловили его так ловко, не разобрались так основательно в вещах, которые и сам он теперь не очень четко себе представлял.

Тем не менее он опять попытался притвориться спокойным.

— Ну, если это все ваши доказательства...

— У меня осталось еще одно. Совершив преступление, вы уходили тем же путем. Но посреди гардеробной вы, в припадке страха, вынуждены были опереться рукой о стену, чтобы не упасть.

— Откуда вы это знаете? — заикаясь, пробормотал Виктор. — Никому это не известно.

— Правосудию — нет, никому из судейских не могло и в голову прийти, что надо зажечь свечу и осмотреть стены. А если бы они сделали это, то на белой штукатурке увидели бы еле заметное красное пятнышко, хотя и достаточно четкое, чтобы обнаружить на нем отпечаток подушечки вашего большого пальца, запачканного кровью, — пальца, которым вы прикоснулись к стене. А вам, наверное, известно, что в антропометрии это одно из основных средств идентификации.

Виктор Данэгр побледнел. Капли пота стекали у него со лба. Обезумевшими глазами он смотрел на странного человека, рассказывавшего о его преступлении так, будто он был тому невидимым свидетелем.

Сраженный, Данэгр, обессиленный, опустил голову. Несколько месяцев он боролся против всех. Против этого человека тоже, а теперь ему казалось, что ничего уж не поделаешь.

— Если я верну вам жемчужину, — пробормотал он, — сколько вы мне за нее дадите?

— Нисколько.

— Как! Вы смеетесь! Я отдам вам вещь, которая стоит тысячи, сотни тысяч, а взамен ничего?

— Кое-что: жизнь.

Несчастный задрожал. Чуть ли не ласковым голосом Гримодан добавил:

— Послушайте, Данэгр, эта жемчужина не имеет для вас никакой ценности. Вы не сможете ее продать. Зачем же хранить ее?

— Есть перекупщики... и в один прекрасный день, за любую цену...

— В один прекрасный день будет поздно.

— Почему?

— Почему? Да потому, что правосудие займется вами, и на этот раз —

вооружившись доказательствами, которые я ему предоставлю: нож, ключ, отпечаток вашего пальца... вы пропали, дружище.

Виктор обхватил руками голову и задумался. Он чувствовал, что пропал, пропал окончательно, и в то же время на него накатила огромная усталость, невероятная потребность в отдыхе и покое.

— Когда вы хотите получить ее? — прошептал он.

— Сегодня вечером, до часу ночи.

— А если нет?

— Если нет, я отношу на почту письмо, в котором мадемуазель де Сенклев обвиняет вас, обращаясь к прокурору республики.

Данэгр наполнил два стакана вином и выпил их один за другим, затем, поднимаясь, сказал:

— Оплатите счет и пойдем... мне надоело это проклятое дело.

Наступила ночь. Двое мужчин спустились по улице Лепик и пошли вдоль кольца бульваров к площади Звезды. Шли молча, Виктор выглядел очень усталым, даже сгорбился.

У парка Монсо он сказал:

— Это рядом с домом...

— Черт возьми! Перед арестом ты побывал лишь в табачной лавке.

— Мы пришли, — ответил Данэгр глухим голосом.

Они прошли вдоль садовой решетки и пересекли улицу, на углу которой находилась табачная лавка. Данэгр остановился в нескольких шагах за ней. Ноги у него подкашивались. Он упал на скамью.

— Ну? — спросил его спутник.

— Это здесь.

— Здесь! Что вы мне плетете?

— Да, здесь, перед вами.

— Передо мной! Знаете что, Данэгр, не надо...

— Повторяю вам: она здесь.

— Где?

— Между двумя булыжниками.

— Какими?

— Ищите.

— Какими? — повторил вопрос Гримодан.

Виктор не ответил.

— А! Прекрасно, ты решил поманежить меня, приятель.

— Нет... но... я ведь умру в нищете.

— И поэтому ты сомневаешься? Хорошо, я буду великодушен. Сколько тебе надо?

— На билет в Америку в каюте второго класса.

— Договорились.

— И купюру в сто франков на первые расходы.

— Получишь две. Говори.

— Посчитайте булыжники справа от стока. Она там, между двенадцатым и тринадцатым камнем.

— В канаве?

— Да, где кончается тротуар.

Гримодан огляделся. Мимо проезжали трамваи, шли люди. Ну надо же! Кто бы мог подумать?..

Он раскрыл свой перочинный нож и вонзил его в щель между двенадцатым и тринадцатым булыжником.

— А вдруг ее там нет?

— Если никто не заметил, как я наклонился и засунул ее туда, она лежит там до сих пор.

Может ли быть такое? Черная жемчужина брошена в грязную канаву. И ею мог завладеть первый встречный! Черная жемчужина... состояние!

— На какой глубине?

— Примерно десять сантиметров.

Гримодан перекопал мокрый песок. Кончик лезвия за что-то задел. Инспектор пальцами разгреб ямку.

Он увидел черную жемчужину.

— На, возьми свои двести франков. Билет в Америку я тебе пришлю.

На следующий день «Эко де Франс» опубликовала заметку, которую перепечатали все газеты мира:

«Со вчерашнего дня знаменитая черная жемчужина находится у Арсена Люпена, который изъясил ее у убийцы графини д'Андийо. В ближайшее время копии этого драгоценного сокровища будут выставлены в Лондоне, Санкт-Петербурге, Калькутте, Буэнос-Айресе и Нью-Йорке.

Арсен Люпен ждет предложений, которые соблаговолят сделать ему его корреспонденты».

— Так было доказано, что преступление всегда карается, а добродетель торжествует, — заметил Арсен Люпен после того, как изложил мне всю подоплеку дела.

— А также то, что под именем Гримодана, бывшего инспектора

полиции, вы были избраны провидением для того, чтобы помешать преступнику воспользоваться плодами его злодеяния.

— Именно так. Признаюсь, это одно из тех приключений, которыми я особенно горжусь. Сорок минут, что я провел в комнате графини, после того как убедился, что она мертва, пожалуй, самые удивительные и волнующие в моей жизни. За сорок минут я, попавший в крайне запутанную ситуацию, заметил кое-какие детали, восстановил обстоятельства преступления и пришел к убеждению, что преступник не кто иной, как слуга графини. Далее я понял, что завладеть жемчужиной можно только при условии, что слугу арестуют, — и я оставил на месте пуговицу от ливреи; но нельзя было допустить, чтобы правосудие обнаружило неопровержимые доказательства его виновности, — и я поднял нож, забытый на ковре, забрал ключ, оставленный в двери, предварительно заперев дверь на два оборота и стерев отпечатки пальцев на штукатурке гардеробной. На мой взгляд, это было прозрением...

— ...гения, — перебил я его.

— Гения, если хотите, во всяком случае такое не пришло бы в голову первому встречному. В секунду предугадать два решения проблемы — арест и оправдание, использовать грандиозный аппарат правосудия для того, чтобы запутать этого парня, одурачить его, короче, довести его до такого состояния, что, освободившись, он неизбежно, должен был попасться в довольно нехитрую ловушку, которую я для него приготовил.

— Довольно нехитрую? Скажите лучше, совсем незатейливую, ведь ему не угрожала никакая опасность.

— О! Ни малейшая, поскольку любой оправдательный приговор выносится окончательно.

— Бедняга...

— Ничего себе бедняга... Виктор Данэгр! А вы не забыли, что он убийца? И крайне безнравственно было бы оставлять ему черную жемчужину. Он ведь жив, подумайте только, Данэгр жив!

— А черная жемчужина — ваша!

Люпен достал ее из потайного кармашка своего бумажника. Осмотрел ее, погладил пальцами и взглядом и вздохнул:

— Какому же князьку, какому тупоумному и тщеславному радже будет принадлежать это сокровище? Какому американскому миллиардеру предназначено миниатюрное чудо красоты и роскоши, украшавшее белоснежные плечи Леонтины Зальги, графини д'Андийо?..

Херлок Шолмс приезжает слишком поздно

— Удивительно, как вы похожи на Арсена Люпена, Вельмон!

— А вы его знаете?

— О! Как все, по фотографиям, каждая из которых не похожа на другую, но тем не менее остается впечатление, что это одно и то же лицо... вроде вашего.

Вельмон, видимо, был задет за живое.

— Неужели, мой дорогой Деван? И вы не первый говорите мне об этом, уверяю вас.

— Настолько похожи, — продолжал Деван, — что, если бы вас не рекомендовал мой кузен д'Эстеван и вы не были бы известным художником, чьи прекрасные морские пейзажи приводят меня в восторг, не исключено, что я сообщил бы в полицию о вашем пребывании в Дьеппе.

Шутка была встречена всеобщим хохотом. Здесь, в большой столовой замка Тибермениль, помимо Вельмона находились: аббат Жели, деревенский кюре, и дюжина офицеров из полков, проводивших маневры в окрестностях и принявших приглашение банкира Жоржа Девана и его матери. Один из них воскликнул:

— Но разве не Арсена Люпена видели на побережье после того знаменитого происшествия в скором поезде Париж — Гавр?

— Совершенно верно, с тех пор прошло три месяца, а через неделю после этого я познакомился в казино с нашим великолепным Вельмоном, и с того момента он удостоил меня несколькими посещениями, приятно предварив тем самым более основательный визит в мой дом, которым он порадует меня в ближайшие дни... точнее, в одну из ближайших ночей!

Все опять посмеялись и перешли в старинное караульное помещение — просторную комнату с очень высоким потолком, занимавшую всю внутреннюю часть башни Гийома, где Жорж Деван разместил невероятные богатства, накопленные в течение многих веков вельможами Тибермениля. Лари и серванты, таганы и канделябры составляли ее убранство. Великолепные гобелены украшали каменные стены. В глубоких амбразурах четырех окон стояли скамьи, окна заканчивались стрельчатой формы витражами со свинцовыми перегородками. Между дверью и левым окном возвышался монументальный книжный шкаф в стиле Ренессанс, на фронтонном украшении которого можно было прочесть слово, написанное золотыми буквами: «Тибермениль», а пониже — гордый семейный девиз:

«Делай что хочешь».

Пока закуривали сигары, Дефан снова пошутил:

— Только не упустите момент, Вельмон, в вашем распоряжении только одна ночь.

— Но почему? — поинтересовался художник, явно подыгрывая хозяину.

Дефан хотел было ответить, но мать сделала ему знак. Однако возбуждение, царившее за ужином, желание заинтриговать гостей одержали верх.

— Ничего! — прошептал он, — теперь я могу говорить. Теперь уж никто не проболтается.

Гостей распирало от любопытства, они расселись вокруг хозяина, а он с довольным видом, словно сообщая важную новость, объявил:

— Завтра в четыре часа дня знаменитый английский сыщик, для которого не существует тайн, самый необыкновенный, невиданный мастер разгадывать загадки, феноменальная личность, будто сошедшая со страниц целиком и полностью выдуманного романа... словом, Херлок Шолмс будет моим гостем.

Присутствующие зашумели. Херлок Шолмс в Тибермениле? Значит, это серьезно? Арсен Люпен действительно находится в этих местах?

— Арсен Люпен и его банда — неподалеку. Не говоря уж о деле барона Каорна, кому как не ему следует приписать ограбления Монтины, Грюше, Красвиля? Сегодня — моя очередь.

— И вас предупредили так же, как барона Каорна?

— Один и тот же трюк дважды не срабатывает.

— Тогда в чем же дело?

— В чем?.. А вот в чем.

Он встал и, показав пальцем на одну из полок книжного шкафа, где между двумя рукописными книгами видно было маленькое пустое пространство, сказал:

— Здесь стояла книга XVI века под названием «Хроника Тибермениля»

— это история замка с того времени, как герцог Роллон заложил его на месте феодальной крепости. В книге было три гравюры. На одной из них запечатлена панорама местности, принадлежащей владельцу замка, на другой — общий план построек, а на третьей — обратите на это внимание — план подземных ходов, один из которых выходит за первую линию укреплений с одной стороны, а с другой — сюда, да, именно в этот зал, где мы находимся. Так вот, эта книга пропала в прошлом месяце.

— Черт возьми, — заметил Вельмон, — плохой знак. Только это еще недостаточное основание для вмешательства Херлока Шолмса.

— Конечно, этого было бы недостаточно, если бы не произошло другое событие, придавшее тому, что я только что рассказал, особое значение. В Национальной библиотеке хранился второй экземпляр «Хроники», отличавшийся от первого некоторыми деталями, касающимися плана подземелья, в частности, его общего вида и масштаба; план был снабжен различными пояснениями, не отпечатанными типографским способом, а написанными от руки и немного расплывшимися. Я знал об этих различиях и понимал, что подлинный план может быть вычерчен лишь после скрупулезного сопоставления обеих карт. Однако на следующий день после того, как пропал мой экземпляр, какой-то читатель затребовал в Национальной библиотеке вторую книгу и унес ее с собой; установить, каким образом была совершена эта кража, оказалось невозможно.

Его слова были встречены возгласами удивления.

— Теперь дело выглядит куда серьезнее.

— Конечно, на этот раз, — продолжал Деван, — полиция всполошилась, было проведено двойное расследование, но, увы, безрезультатно.

— Как и все другие поиски, объектом которых был Арсен Люпен.

— Совершенно верно. Именно тогда мне и пришла в голову мысль обратиться за помощью к Херлоку Шолмсу, и он ответил мне, что горит желанием встретиться с Арсеном Люпеном.

— Какая честь для Арсена Люпена! — воскликнул Вельмон. — Ну а если наш национальный вор, как вы его называете, не строит никаких планов относительно Тибермениля, Херлоку Шолмсу придется бить баклуши?

— Есть еще одна вещь, которая его живо заинтересует: поиски подземного хода.

— Как! Вы же сказали нам, что с одной стороны он ведет в поле, а с другой — сюда, в это помещение.

— Но куда точно? В какое место этого зала? Линия, обозначающая подземный ход на картах, действительно ведет с одной стороны к маленькому кружочку, обозначенному двумя заглавными буквами: «Б.Г.», что, конечно, означает «Башня Гийома». Но башня круглая, и кто может определить, от какого места в этом круглом зале начинается нарисованная в плане линия?

Деван закурил вторую сигару и налил бенедиктина в свой бокал. Его осаждали вопросами. Он улыбался, радуясь, что пробудил такой интерес. И в конце концов произнес:

— Секрет утрачен. Никому в мире он не известен. Могущественные

сеньоры, гласит легенда, передавали его на смертном одре от отца к сыну до тех пор, пока 7 термидора, год II, Жоффруа, последний в роду, на девятнадцатом году жизни не сложил голову на эшафоте.

— Но на протяжении века, наверное, велись поиски?

— Искали, но напрасно. Я сам, купив замок у потомка внучатого племянника члена Конвента Лерибура, проводил раскопки. Какой прок? Подумайте только, эта башня, окруженная водой, соединена с замком лишь в одной точке, и следовательно, подземный ход должен быть проложен где-то под древними рвами. На плане книги из Национальной библиотеки обозначен, кстати, спуск из четырех лестниц, в каждой из которых — сорок восемь ступеней, а это позволяет предположить, что глубина в этом месте — более десяти метров. Но масштаб, помеченный на другом плане, указывает, что она доходит до двухсот метров. По сути, решение проблемы — здесь, между этим полом, потолком и стенами. Но, честно говоря, я не решаюсь разрушить их.

— И нет никаких других сведений?

— Никаких.

— Месье Деван, — возразил аббат Жели, — может быть, пора привести две цитаты.

— О! — со смехом воскликнул Деван, — господин кюре любит исследовать архивы, читать мемуары и увлеченно изучает все, что касается Тибермениля. Но объяснение, которое он имеет в виду, только все запутывает.

— Ну и что?

— Вы настаиваете?

— Было бы чрезвычайно интересно.

— Итак, вы узнаете, что из прочитанных им материалов следует, будто двум королям Франции была известна разгадка упомянутой тайны.

— Двум королям Франции!

— Генриху IV и Людовику XVI.

— Люди не случайные. А как установил это господин аббат?..

— О! Довольно просто, — продолжал Деван. — За день до битвы под Арком король Генрих IV приехал в этот замок, где его ожидали ужин и ночлег. В одиннадцать вечера Луиза де Танкарвиль, самая красивая дама Нормандии, была приведена к нему по подземному ходу, чему содействовал герцог Эдгар, который по этому случаю раскрыл королю семейную тайну. Позднее Генрих IV выдал ее своему министру Сюлли, который в своих мемуарах «Государственная экономика в королевстве» рассказывает эту историю без всяких комментариев, за исключением одной

загадочной фразы:

«Топор поворачивается, воздух дрожит, но крыло раскрывается, и начинается подъем к Богу».

Воцарилось молчание.

— Да уж, цитата — яснее некуда, — усмехнулся Вельмон.

— Вот именно. Господин кюре считает, что Сюлли в этой фразе зашифровал разгадку, чтобы не выдать тайну писцам, которым диктовал мемуары.

— Хитроумная гипотеза.

— Согласен, но что означает этот поворачивающийся топор и взлетающая птица?

— И кто поднимается к Богу?

— Загадка!

— А наш славный Людовик XVI тоже приказал открыть подземный ход, чтобы встретиться с дамой? — спросил Вельмон.

— Не знаю. Известно только одно: Людовик XVI побывал в Тибермениле в 1784 году, а в знаменитом железном шкафу, найденном в Лувре по доносу Гамена, находилась бумага, на которой рукой короля были написаны следующие слова: «Тибермениль: 2-6-12».

Орас Вельмон расхохотался:

— Победа! Тьма все больше рассеивается. Ведь дважды шесть — двенадцать.

— Смейтесь сколько угодно, месье, — заметил аббат, — однако в этих двух записях содержится разгадка; придет день, и кто-нибудь сумеет расшифровать эти слова.

— Прежде всего Херлок Шолмс... Если только его не опередит Арсен Люпен. Как, по-вашему, Вельмон?

Вельмон встал, положил руку на плечо Девана и сказал:

— Я думаю, что в сведениях, полученных из вашей книги и из фолианта, хранившегося в Национальной библиотеке, недоставало чрезвычайно важной детали, и вы любезно сообщили мне ее. Благодарю вас.

— А это означает?..

— Это означает, что теперь, когда повернется топор, взлетит птица, а дважды шесть составят двенадцать, мне останется лишь приняться за дело.

— Не теряя ни минуты.

— Даже секунды! Ну почему бы мне этой же ночью, то есть до приезда

Херлока Шолмса, не ограбить ваш замок?

— Действительно, вам остается только воспользоваться моментом. Разрешите мне подвезти вас.

— До Дьеппа?

— До Дьеппа. Я воспользуюсь случаем и сам встречу месье и мадам д'Андроль и какую-то девушку, их приятельницу. Поезд приходит в полночь.

И, обратившись к офицерам, Деван добавил:

— Впрочем, мы все встретимся здесь завтра утром за столом, не так ли, господа? Я очень рассчитываю на вас, ровно в одиннадцать ваши полки должны окружить и взять замок приступом.

Приглашение было принято, все разошлись, и через минуту «золотая звезда 20-30» мчала по дороге на Дьепп, увозя Девана и Вельмона. Деван высадил художника у казино и поехал на вокзал.

В полночь его друзья сошли с поезда. В половине первого автомобиль въезжал в ворота Тибермениля. В час, после легкого ужина, поданного в гостиной, все разошлись по своим комнатам. Постепенно светильники погасли. Мертвая ночная тишина окутала замок.

Но луна раздвинула окутывавшие ее тучи, и в окна гостиной хлынул белый свет. Это длилось лишь мгновение. Очень скоро луна скрылась за сплошным занавесом холмов. Вновь стало темно.

И в этой непроглядной ночи тишина казалась особенно жуткой. Лишь время от времени слегка поскрипывала мебель и тихонько шумел тростник во рву с зеленой водой, плещущейся о древние стены. Часы отсчитывали бесконечную вереницу секунд. Пробыло два часа. Затем снова торопливо и монотонно побежали секунды, тревожа тяжелый покой ночи. Пробыло три часа.

Но вдруг что-то хлопнуло — так бывает во время прохода поезда, когда диск семафора открывается и сразу опускается. И тонкий луч пересек гостиную, словно стрела, оставившая за собой сверкающую дорожку. Луч вырвался из центральной каннелюры одного пилястра, подпиравшего справа верхнюю часть книжного шкафа. Сначала светящийся круг задержался на панно, украшавшем стену напротив, потом словно беспокойный взгляд, пронизывающий темноту, скользнул по всему помещению и растаял, чтобы опять вспыхнуть в то время, как целый отсек книжного шкафа поворачивался на своей оси, открывая огромное сводчатое отверстие.

Появился человек с электрическим фонарем в руке. Затем — второй, третий, со связкой веревок и различными инструментами. Первый из вошедших осмотрел комнату, прислушался и сказал:

— Позовите приятелей.

Этих парней, вынырнувших из подземелья, оказалось восемь, все — здоровяки с энергичными лицами. Они стали перетаскивать мебель.

Действовали быстро. Арсен Люпен подходил то к одной вещи, то к другой, осматривал ее и, в зависимости от ее размеров и художественной ценности, щадил или приговаривал:

— Уносите!

И вещь уносили, ее поглощала зияющая пасть туннеля, засасывало чрево земли.

Таким образом уволокли шесть кресел и шесть стульев времен Людовика XVI, гобелены Обюссона, канделябры работы Гутьера, два полотна Фрагонара и одну картину Наттье, бюст работы Гудона и статуэтки. Не раз Люпен останавливался перед великолепным ларем или замечательной картиной и вздыхал:

— Слишком тяжелая вещь... очень уж велика... жаль!

И опять приступал к экспертизе.

За сорок минут гостиная была «расчищена», как выразился Арсен. И все это совершилось в восхитительном порядке, без всякого шума, словно все предметы, которые переносили эти люди, были укутаны толстым слоем ваты.

Наконец Люпен сказал последнему из них, уносившему стенные часы работы Буля:

— Можете не возвращаться. Мы договорились, не так ли: как только перетащите вещи в автофургон, гоните к гумну Рокфора.

— А вы, патрон?

— Оставьте мне мотоцикл.

Человек ушел, и Люпен, плотно задвинув подвижной отсек книжного шкафа, убрав все свидетельства кражи, стерев следы шагов, приподнял портьеру и прошел в галерею, соединяющую башню с замком. Посреди нее стояла стеклянная витрина — именно из-за нее Арсен Люпен продолжил свои поиски.

В витрине были выставлены чудесные вещи: уникальная коллекция часов, табакерки, кольца, ожерелья, миниатюры изумительной работы. Пинцетом Люпен вскрыл замок и испытал невыразимую радость от того, что может завладеть этими золотыми и серебряными сокровищами, маленькими и изящными шедеврами искусства. Он повесил себе на шею

большой холщовый мешок, специально подготовленный для этой цели. Наполнил его. Затем рассовал остальные драгоценности по карманам пиджака, брюк и жилета. И уже положил левую руку на горстку жемчужных украшений для волос, так ценившихся нашими предками, а теперь ставших предметом вожделения нынешних модниц... как вдруг легкий звук достиг его ушей.

Люпен прислушался: он не ошибся, звук слышался все отчетливее.

И вдруг вспомнил: в конце галереи внутренняя лестница вела в еще недавно незанятую комнату, но сегодня вечером в ней разместили ту девушку, которую Деван встречал в Дьеппе, приятельницу д'Андролей.

Арсен быстро нажал пальцем на кнопку фонаря и погасил его. Едва он добежал до амбразуры окна, как наверху у лестницы приоткрылась дверь и слабый свет осветил галерею.

Ему показалось — скрытый до пояса занавеской он ничего видеть не мог — что кто-то осторожно спустился на несколько ступенек. Люпен надеялся, что человек не пойдет дальше. Однако этот некто спустился, сделал несколько шагов по галерее и... вскрикнул — конечно же, увидев разбитую и на три четверти опустошенную витрину.

По запаху духов Люпен определил, что на галерее находится женщина. Ее одежда почти задевала скрывавшую Арсена занавеску, и ему казалось, что он слышит, как бьется сердце этой женщины, что она тоже догадалась о присутствии другого существа у себя за спиной, в темноте, на расстоянии вытянутой руки. «Она боится, — подумал он, — и уйдет... не может быть, чтобы не ушла». Но она осталась. Свеча, дрожавшая в ее руке, застыла. Она обернулась, секунду помешкала, как бы прислушиваясь к устрашающей тишине, затем резко отдернула занавеску.

Они увидели друг друга.

Потрясенный Арсен пробормотал:

— Вы... вы... мадемуазель!

Это была мисс Нелли.

Мисс Нелли! Пассажирка океанского лайнера, та, чьи мечты переплелись с мечтами молодого человека во время того незабываемого плавания, та девушка, что присутствовала при его аресте и вместо того, чтобы выдать Люпена, сделала красивый жест — бросила в море «Кодак», в котором он спрятал драгоценности и деньги... Мисс Нелли! Милое улыбающееся создание, чей образ так часто заставлял его грустить и радоваться в долгие часы тюремного заключения!

Случай, столкнувший их глубокой ночью в этом замке, был так удивителен, что они просто остолбенели и не могли произнести ни слова,

пораженные, чуть ли не загипнотизированные фантастическим открытием, оказавшимся столь неожиданным для обоих. Глубоко потрясенная, мисс Нелли вынуждена была присесть.

Он стоя застыл перед ней. И постепенно, в течение нескольких бесконечно затянувшихся секунд осознал, какое впечатление должен был произвести на нее пригоршнями драгоценностей, которые оставались у него в руках, своими переполненными карманами и набитым до отказа мешком. Он готов был провалиться сквозь землю от стыда и покраснел, невыносимо страдая оттого, что оказался здесь, на ее глазах, в постыдном положении вора, застигнутого врасплох. Впредь, что бы ни случилось, он останется для нее грабителем, человеком, залезающим в чужие карманы, открывающим двери отмычкой, чтобы украдкой проникать в чужие жилища.

Какие-то часы покатались по ковру, затем другие. Вещи одна за другой сыпались из его рук, и удержать их у него не было сил. Тогда решительным жестом он бросил на кресло часть предметов, опустошил карманы и снял мешок.

Теперь ему стало легче в присутствии Нелли, он сделал шаг по направлению к ней, собираясь заговорить. Но мисс Нелли отпрянула от него, затем, словно испугавшись чего-то, резко вскочила и бросилась в гостиную. Она исчезла за портьерой, он пошел за ней. Девушка стояла и, дрожа, недоумевая, с ужасом оглядывала огромный опустошенный зал.

Люпен тут же сказал ей:

— Завтра в три часа дня все будет возвращено на прежнее место... Мебель привезут назад...

Она не ответила, а он повторил:

— Завтра, в три часа, даю слово... И ничто в мире не сможет помешать мне сдержать обещание... Завтра, в три часа...

Затянувшееся молчание было тягостно для обоих. Он не осмеливался нарушить его и искренне страдал, видя, как потрясена мисс Нелли. Тихонько, не говоря ни слова, он отошел от нее.

«Пусть она уйдет!.. — думал он. — Пусть поймет, что ничто не мешает ей уйти!.. Только бы она не боялась меня!»

Но вдруг она вздрогнула и прошептала:

— Послушайте... шаги... я слышу, кто-то идет...

Он с удивлением взглянул на нее. Девушка казалась встревоженной, словно испугалась надвигающейся опасности.

— Я ничего не слышу, — ответил он, — но все же...

— Как! Надо бежать... бегите же, скорее...

— Бежать... Почему?..

— Так надо... надо... О! Не стойте тут...

Она метнулась к галерее и прислушалась. Нет, никого. Может быть, звук доносился извне?.. Мисс Нелли подождала секунду, затем, успокоившись, обернулась.

Арсен Люпен уже исчез.

Обнаружив, что замок ограблен, Деван тут же сказал себе: «Это сделал Вельмон, значит, Вельмон не кто иной, как Люпен».

Таким образом все объяснялось, ничего другого предположить он не мог. Однако эта мысль лишь промелькнула у него в голове, настолько казалось невероятным, что Вельмон в действительности не Вельмон, не тот известный художник, которого представил ему кузен д'Эстеван как своего приятеля. И когда появился капрал из местной жандармерии, которого тотчас же вызвали, Деван и не подумал сообщать ему об этом абсурдном предположении.

Все утро в Тибермениле царила неопиcуемая суматоха. Жандармы, сельский полицейский, комиссар полиции из Дьеппа, деревенские жители — все эти люди сновали по коридорам, ходили по парку и вокруг замка. Маневры воинских частей, проходившие неподалеку, оружейная стрельба придавали особую красочность сложившейся обстановке.

Первоначальный осмотр ничего не прояснил. Ни разбитых окон, ни взломанных дверей не оказалось — без сомнения, вещи вынесли через какой-то тайный ход. Однако на ковре никаких следов, на стенах ни одной подозрительной царапины.

И только одна неожиданная вещь подтверждала со всей очевидностью, что здесь «позабавился» Арсен Люпен: известная «Хроника» XVI века заняла свое прежнее место, а рядом стояла точно такая же книга, а именно экземпляр «Хроники», украденный из Национальной библиотеки.

В одиннадцать часов пришли офицеры. Деван принял их весело; хотя утрата художественных ценностей и была неприятна, состояние, которым он владел, вполне позволяло ему перенести этот удар, не впадая в дурное расположение духа. Друзья хозяина, д'Андролли и мисс Нелли, тоже спустились вниз.

Гостей представили друг другу, и только тогда заметили, что не хватает одного из приглашенных — Ораса Вельмона. Может быть, он и не появится?

Его отсутствие могло вновь пробудить подозрения у Жоржа Девана. Но

точно в полдень тот вошел.

— Отлично! Вот и вы! — воскликнул Деван.

— Разве я опоздал?

— Нет, но вы могли не появиться... после такой бурной ночи! Ведь вам уже известна новость?

— Какая новость?

— Вы ограбили замок.

— Помилуйте!

— Именно так. Но сначала предложите руку мисс Андердаун и пойдете к столу... Мадемуазель, позвольте мне...

Он запнулся, поразившись тому, как смутилась девушка, и вдруг вспомнил:

— Ах да, во время путешествия вы ведь когда-то столкнулись с Арсеном Люпенем... до его ареста... Вас удивило сходство, не так ли?

Она ничего не ответила. Перед ней, улыбаясь, стоял Вельмон. Он поклонился и предложил ей руку. Подвел к ее месту за столом и сел напротив.

Во время завтрака говорили только об Арсене Люпене, украденной мебели, подземелье и Херлоке Шолмсе. Только в конце трапезы, когда перешли на другие темы, Вельмон вмешался в разговор. Он был и весел, и серьезен, красноречив и остроумен. Но казалось, говорил только для того, чтобы заинтересовать девушку. Погруженная в свои размышления, она как будто не слышала его.

Кофе подали на террасу, нависавшую над парадным двором и французским садом, разбитым вдоль главного фасада. Заиграл военный оркестр, расположившийся на лужайке, а толпа крестьян и солдат разбрелась по аллеям парка.

Нелли, однако, помнила об обещании Арсена Люпена: «В три часа все будет здесь, даю слово».

В три часа! А стрелки больших часов, украшавших левое крыло замка, показывали два часа сорок минут. Она невольно поглядывала на них каждую секунду. И вместе с тем наблюдала за Вельмоном, который безмятежно покачивался в удобном кресле-качалке.

Два часа пятьдесят... два часа пятьдесят пять минут... Какое-то нетерпение, смешанное со страхом, охватило девушку. Возможно ли, что чудо свершится, свершится в указанную минуту, ведь в замке, во дворе и в поле полно народу, а прокурор республики и следователь именно в этот момент заняты расследованием? Но, несмотря на это... ведь Арсен Люпен так торжественно давал обещание!

Все будет так, как он сказал, подумала она, ибо не могла избавиться от того впечатления, которое произвели на нее его энергия и уверенность в своей власти. И обещанное казалось ей уже не чудом, а обыкновенным событием, которое произойдет само собой.

В какую-то секунду их взгляды встретились. Она покраснела и отвернулась.

Три часа... Пробило раз, два, три... Орас Вельмон достал свои часы, сверил их с часами, отбивавшими время, затем положил обратно в карман. Прошло несколько секунд. И вот около лужайки толпа расступилась, пропуская только что въехавшие в ворота парка две повозки с упряжками по две лошади. Это были фургоны, обычно сопровождающие полки. В них перевозят походную кухню и солдатские вещмешки. Повозки остановились у крыльца. С одного из сидений соскочил сержант и спросил месье Девана.

Деван быстро спустился по ступенькам. Под брезентом он разглядел аккуратно расставленную и упакованную мебель, картины и предметы искусства из замка. Отвечая на заданные вопросы, сержант сослался на приказ, который он получил от дежурного, вычитавшего его утром в рапорте. В соответствии с этим приказом, вторая рота четвертого батальона должна была проследить за тем, чтобы движимое имущество, оставленное на перекрестке Алле, в Аркском лесу, к трем часам дня было доставлено господину Жоржу Девану, хозяину замка Тибермениль. Подпись: полковник Бовель.

— На перекрестке, — добавил сержант, — все было готово, расставлено по газону и охранялось... прохожими. Это показалось мне странным, но что делать, приказ есть приказ.

Один из офицеров взглянул на подпись: она оказалась прекрасно симитированной, но поддельной.

Оркестр отложил инструменты, разгрузили фургоны и внесли мебель.

Посреди этой суматохи Нелли стояла одна у края террасы. Девушка выглядела задумчивой и озабоченной, в голове у нее все смешалось, и она даже не пыталась собраться с мыслями. Вдруг Нелли заметила, что к ней приближается Вельмон. Она хотела избежать встречи, но оказалась зажатой с одной стороны углом балюстрады, поддерживающей террасу, с другой — сплошной линией больших ящиков с растениями: апельсиновые деревья, олеандры и бамбук не оставляли ей никакой иной дороги, кроме той, по которой шел молодой человек. Она не двинулась с места. Солнечный луч дрожал в золоте ее волос, задевавших хрупкие листочки бамбука. Кто-то очень тихо произнес:

— Я сдержал обещание, данное сегодня ночью.

Арсен Люпен стоял около нее, а вокруг никого не было.

Не зная, как вести себя дальше, он робко повторил:

— Я сдержал обещание, данное сегодня ночью.

Арсен ждал хотя бы слова благодарности или жеста, подтверждающего, что ей не безразличен его поступок. Она молчала.

Ее презрение рассердило Арсена Люпена, и в то же время он ощутил, какая пропасть отделяет его от Нелли теперь, когда она все знает. Ему хотелось оправдаться, найти какие-то доводы, доказать, что в его жизни есть и смелость, и величие. Но слова эти наперед были обидны для него, он понимал абсурдность и непристойность всякого объяснения. Тогда, взволнованный нахлынувшими воспоминаниями, он грустно прошептал:

— Как далеко теперь прошлое! Помните ли вы те долгие часы, что мы проводили на палубе «Прованса»? О! Тогда, так же, как сегодня, вы держали розу в руках, бледную розу, такую же, как эта... Я попросил ее у вас... но вы как будто не слышали... Однако после вашего ухода я нашел розу... забытую, разумеется... Я ее сохранил...

Она по-прежнему ничего не отвечала, как будто мысленно была очень далеко от него. Он продолжал:

— В память о тех часах не думайте о том, что теперь вам известно. Пусть прошлое сольется с настоящим! Пусть я буду не тем, кого вы видели этой ночью, а тем, кого вы знали когда-то, и пусть ваши глаза обратятся ко мне хотя бы на секунду и посмотрят так, как смотрели тогда... Прошу вас... Ну разве я не тот, что прежде?

Она подняла глаза, как он просил, и посмотрела на него. Затем молча дотронулась пальцем до кольца на его указательном пальце. Кольцо было повернуто камнем вниз и великолепного рубина не было видно.

Арсен Люпен покраснел. Это было кольцо Жоржа Девана.

Он горестно улыбнулся:

— Вы правы. То, что было, будет всегда. Арсен Люпен есть Арсен Люпен, он им останется навсегда, и вас не может связывать с ним даже воспоминание... Простите меня... я должен был понять, что само мое присутствие здесь, рядом, оскорбительно для вас...

Арсен отстранился, прижавшись к балюстраде и продолжая держать шляпу в руке. Нелли прошла мимо. Ему хотелось удержать ее, умолить остаться. Но не хватило смелости, и он проводил ее глазами так же, как в тот далекий день, когда она спускалась по мостику на нью-йоркскую набережную. Нелли поднялась по ступенькам, ведущим к двери. Еще на секунду среди мрамора прихожей мелькнула ее изящная фигурка. И больше он не видел ее.

Солнце скрылось за черной тучей. Арсен Люпен, не двигаясь с места, рассматривал следы маленьких ножек, оставшиеся на песке. Вдруг он вздрогнул: на ящичке с бамбуковым деревом, к которому прислонялась Нелли, лежала роза, бледная роза, которую он не решился попросить у нее... Конечно, она забыла ее... Опять забыла?.. Но намеренно или просто в шутку?

Люпен порывисто схватил цветок. Лепестки сразу опали. Он собрал их по одному, как реликвии...

— Что ж, — сказал он себе, — мне теперь здесь нечего делать. Тем более что после вмешательства Херлока Шолмса, все может плохо обернуться.

Парк опустел. Однако около беседки, у ворот, собралась группа жандармов. Он скрылся в зарослях, перескочив через крепостную стену и, чтобы добраться до ближайшего вокзала, пошел по тропинке, змеившейся среди полей. Люпен не прошагал и десяти минут, как тропинка вывела его к расщелине между двумя откосами; он углубился в проем, и в этот момент с другой стороны появился какой-то человек, шедший в противоположном направлении.

Это был мужчина лет, наверное, пятидесяти, довольно крепкого сложения, чисто выбритый и, судя по костюму, иностранец. В руке у него была тяжелая трость, на плече висела дорожная сумка.

Они подошли близко друг к другу. Иностранец с еле заметным английским акцентом спросил:

— Извините меня, месье... эта дорога приведет меня к замку?

— Держитесь по прямой, месье, и как только подойдете к крепостной стене, поверните налево. Вас ждут с нетерпением.

— О!

— Да, мой друг Деван сообщил нам о вашем приезде еще вчера вечером.

— Если месье Деван сказал слишком много, тем хуже для него.

— А я счастлив первым приветствовать вас. У Херлока Шолмса нет более ревностного поклонника.

В его голосе прозвучала еле заметная ирония, о чем он тут же пожалел, так как Херлок Шолмс окинул его с ног до головы таким взглядом, что Арсен Люпен отчетливо ощутил, как его уже схватили, заключили в тюрьму... Да, этот взгляд запечатлел его с такой точностью и достоверностью, которая не под силу ни одному фотоаппарату.

«Снимок готов, — подумал он. — Бессмысленно притворяться перед этим человеком. Только... узнал ли он меня?»

Они раскланялись. Но послышалось цоканье копыт и бряцание лошадиной сбруи. Это были жандармы. Обоим путникам пришлось прижаться к откосу, утонуть в высокой траве, чтобы их не сбили всадники. Жандармы проезжали мимо, и поскольку они выстроились один за другим на некотором расстоянии, это продолжалось довольно долго. Между тем Люпен думал так: «Все зависит от того, узнал ли он меня. Если да, существует большая вероятность, что он воспользуется ситуацией. Этот вопрос тревожит меня».

Когда последний всадник проехал мимо, Херлок Шолмс встал и, ничего не говоря, стал чистить запачканную пылью одежду. Ремень его сумки запутался в колючем кустарнике. Арсен Люпен бросился помогать. Еще секунду они изучали друг друга. И если бы кто-нибудь мог увидеть их в этот момент, перед его глазами предстало бы волнующее зрелище: первая встреча двух людей, владеющих — каждый — мощным оружием, людей по-настоящему незаурядных, но фатально обреченных особым характером своих способностей сталкиваться в равном бою, ибо порядок вещей, установленный в мире, поставил их друг против друга.

Затем англичанин сказал:

— Благодарю вас, месье.

— Весь к вашим услугам, — ответил Люпен.

И они разошлись. Люпен направился к станции, Херлок Шолмс — к замку.

Следователь и прокурор после безуспешных поисков уехали, и все ждали Херлока Шолмса с любопытством, вполне оправданным огромной известностью этого человека. Его внешность обычного буржуа, так сильно отличавшаяся от предполагаемого образа сыщика, вызвала небольшое разочарование. В нем не было ничего от героя романа, загадочного и демонического персонажа, с которым мы обычно связываем имя Херлока Шолмса. Однако Деван в сильном возбуждении воскликнул:

— Наконец-то, мэтр, вы здесь! Какая честь! Я так давно мечтал... Я почти счастлив, что все так произошло, ведь удовольствием видеть вас у себя я обязан случившемуся. А кстати, как вы до нас добрались?

— Поездом.

— Какая жалость! Но я ведь выслал за вами автомобиль к платформе.

— Для официальной встречи, не так ли? С барабанами и музыкой. Прекрасный способ облегчить мою задачу, — проворчал англичанин.

Деван был обескуражен довольно неодобрительным тоном гостя, но, стремясь обратить все в шутку, продолжал:

— Задача, к счастью, оказалась легче, чем я описал вам в письме.

— И почему же?

— Потому что ограбление уже произошло сегодня ночью.

— Если бы вы не оповестили всех о моем визите, месье, возможно, этого бы не случилось нынче ночью.

— Но когда же?

— Завтра или в другой день.

— И в этом случае?

— Люпен попался бы в ловушку.

— А моя мебель?

— Ее бы не вывезли.

— Но моя мебель здесь.

— Здесь?

— Ее привезли обратно в три часа дня.

— Кто привез? Люпен?

— Нет, два военных фургона.

Херлок Шолмс яростно нахлобучил свою шляпу на голову и закинул на плечо дорожную сумку, но Деван воскликнул:

— Что вы делаете?

— Ухожу.

— Но почему?

— Ваша мебель на месте, Арсен Люпен далеко. Моя роль окончена.

— Но мне абсолютно необходима ваша помощь, уважаемый господин Шолмс. То, что произошло вчера, может повториться завтра, поскольку мы не знаем самого главного: как Арсен Люпен проник сюда, как вышел и почему через несколько часов все вернул.

— А! Вы не знаете...

Мысль о нераскрытой тайне смягчила Херлока Шолмса.

— Хорошо, давайте поищем. Но быстро, договорились? И, если возможно, одни.

Последняя фраза явно метила в присутствующих. Деван понял и провел англичанина в зал. Сухим тоном, короткими фразами, которые, казалось, были подготовлены заранее, — да еще с какой тщательностью! — Шолмс задавал ему вопросы о вчерашнем вечере, о гостях, находившихся в комнате, о завсегдатаях подобных вечеров. Затем он осмотрел оба тома «Хроники», сопоставил планы подземелья, заставил процитировать фразы, найденные аббатом Жели, и спросил:

— Значит, вчера вы впервые упомянули об этих двух цитатах?

— Вчера.

— Вы никогда не рассказывали об этом Орасу Вельмону?

— Никогда.

— Хорошо. Вызовите машину. Я уезжаю через час.

— Через час!

— У Арсена Люпена ушло не больше времени на решение ребуса, который вы ему загадали.

— Я?.. Я загадал ему...

— Да! Арсен Люпен и Вельмон — одно лицо.

— Я это подозревал... Ах, мерзавец!

— Вчера вечером, в десять часов, вы открыли Люпену необходимые сведения для решения загадки, именно их ему недоставало, он ломал над ними голову несколько недель. И в течение ночи успел все понять, собрать свою банду и ограбить вас; я намерен проявить не меньшую расторопность.

Он прошелся по комнате, размышляя о чем-то, затем сел, скрестил свои длинные ноги и закрыл глаза.

Деван, чувствуя себя немного неловко, ждал. «Спит он или думает?»

На всякий случай вышел, чтобы отдать распоряжения. Когда Деван вернулся, он увидел Шолмса у подножия лестницы, выходящей на галерею. Тот на коленях обследовал ковер.

— Что там такое?

— Посмотрите... вот здесь... воск от свечи.

— Действительно... совсем свежие пятна...

— Вы можете увидеть такие же наверху лестницы, а больше всего их вокруг витрины, которую Люпен взломал, вытащил драгоценности... видимо, для того, чтобы переложить их в это кресло.

— И к какому же выводу вы пришли?

— Ни к какому. Все эти данные, без сомнения, могли бы объяснить, почему он решил вернуть награбленное. Но у меня нет времени заниматься этим аспектом проблемы. Главное — план подземелья.

— Вы все еще надеетесь...

— Я не надеюсь, я убежден. Ведь в двухстах — трехстах метрах от замка есть часовня, не так ли?

— Да, разрушенная часовня, где находится могила герцога Роллана.

— Скажите вашему шоферу, чтобы он ждал нас у этой часовни.

— Мой шофер еще не вернулся... Мне скажут, когда он появится... Но, судя по всему, вы полагаете, что подземный ход ведет в часовню? Что навело вас...?

Херлок Шолмс перебил его:

— Я попрошу вас, месье, доставить мне лестницу и фонарь.

— А! Вам нужны фонарь и лестница?

— Разумеется, если я прошу вас об этом.

Пристыженный Деван позвонил. Фонарь и лестницу принесли. После этого посыпались строгие и точные, как военная команда, распоряжения.

— Приставьте лестницу к книжному шкафу, с левой стороны от надписи «Тибермениль...».

Деван стал подставлять лестницу. А англичанин продолжал распоряжаться:

— Левее, еще немного... теперь чуть вправо... Стоп! Поднимайтесь... Отлично... Все буквы этого слова — рельефные, не так ли?

— Да.

— Займемся буквой «Н».^[3] Поворачивается она в какую-нибудь сторону?

Деван ухватился за букву «Н» и воскликнул:

— Да, поворачивается! Направо и на четверть круга! Кто же вам подсказал?..

Не ответив ему, Херлок Шолмс продолжал:

— Можете ли вы с того места, где находитесь, дотянуться до буквы «R»? Да... Подвигайте ее несколько раз, как вы бы сделали с задвижкой, которую открываете и закрываете.

Деван подвигал букву «R». К его величайшему удивлению, внутри что-то щелкнуло.

— Прекрасно, — сказал Херлок Шолмс. — Нам остается только передвинуть вашу лестницу на другой конец, имеется в виду конец слова «Thibermesnil»... Ну вот... А теперь, если я не ошибся, если все происходит так, как должно быть, буква «L» откроется как окошечко.

Чуть ли не торжественным движением руки Деван взялся за букву «L». Буква открылась, но Деван покатился с лестницы, так как вся вертикаль книжного шкафа, что помещалась между первой и последней буквой слова, повернулась на своей оси, и открылся ход в подземелье.

Херлок Шолмс невозмутимо спросил:

— Вы не поранились?

— Нет, нет, — ответил Деван, вставая на ноги, — я не ранен, но, признаться, ошарашен... эти передвижные буквы... зияющая дыра подземелья...

— Что тут особенного? Разве это не совпадает точь-в-точь с цитатой из Сюлли?

— В чем же, мой Бог?

— Ну как же! «Н» поворачивается, «R» дрожит, а «L»^[4] раскрывается... Именно это и дало возможность Генриху IV принять у себя мадемуазель де Танкарвиль в неурочный час.

— А Людовик XVI? — спросил сбитый с толку Деван.

— Людовик XVI был великолепным кузнецом и искусным слесарем. Я прочел «Трактат о замках с секретом», который ему приписывают. Хозяину Тибермениля хотелось продемонстрировать свои верноподданнические чувства, а знакомство с шедевром механики было для этого великолепным предлогом. На всякий случай король записал цифрами: 2-6-12, то есть Н., вторая, шестая и двенадцатая буквы в слове.

— О! Великолепно, я уже почти все понял. Но если я могу объяснить, как выйти из этого зала, то никак не могу взять в толк, как Люпен ухитрился оказаться там. Он ведь, заметьте хорошенько, пришел извне.

Херлок Шолмс зажег фонарь и прошел несколько шагов по подземному ходу.

— Видите ли, весь механизм можно разглядеть отсюда, как пружины часов, только буквы повернуты обратной стороной. Люпену достаточно было воспользоваться ими с этой стороны перегородки.

— А как вы это докажете?

— Как докажу? Видите вот эту масляную лужицу. Люпен предусмотрел даже то, что винты необходимо смазать, — ответил Херлок Шолмс не без восхищения.

— Но тогда ему был известен и другой выход?

— Так же, как и мне. Следуйте за мной.

— В подземелье?

— Вы боитесь?

— Нет, но вы уверены, что сумеете ориентироваться там?

— С закрытыми глазами.

Сначала они спустились на двенадцать ступенек, затем еще на двенадцать и еще два раза по двенадцать. Затем пошли по длинному коридору, на кирпичных стенах которого сохранились следы ремонтных работ разного времени, из стены местами сочилась вода. Земля была мокрой.

— Над нами пруд, — заметил Деван, совсем не будучи уверен в этом.

Коридор привел к лестнице в двенадцать ступенек, а за ней было еще три такие же лестницы, которые они с трудом преодолели и вышли к маленькому углублению, выбитому прямо в скале. Здесь дорога обрывалась.

— Черт возьми, — прошептал Херлок Шолмс, — только голые стены,

это начинает надоедать.

— Давайте вернемся, — прошептал Деван, — не вижу никакой необходимости узнавать еще что-то. С меня вполне достаточно.

Но, подняв голову, англичанин вздохнул с облегчением: вверху над ними оказался точно такой же механизм, как у входа. Им надо было всего-навсего повернуть три буквы. Гранитная глыба развернулась. С обратной стороны она оказалась надгробной плитой герцога Роллона, на которой было выбито рельефными буквами слово «Тибермениль». И они оказались в разрушенной часовне, которую упоминал англичанин.

— Здесь начинается подъем к Богу, то есть к часовне, — сказал он, приведя конец цитаты.

— Возможно ли, — воскликнул Деван, ошеломленный пронизательностью и живостью ума Херлока Шолмса, — возможно ли, чтобы этой простой строки вам оказалось достаточно для решения загадки?

— Ну что вы! — ответил англичанин. — Она была даже не нужна. В экземпляре «Хроники» из Национальной библиотеки линия подземного хода, как вам известно, с левой стороны заканчивается кружком. А с правой, — этого вы не знаете, — маленьким крестиком, но он настолько стерся, что его можно разглядеть только в лупу. Этот крестик означает, конечно, нашу часовню.

Бедняга Деван не верил своим ушам.

— Это неслыханно, великолепно и тем не менее по-детски просто! И почему никто не мог проникнуть в эту тайну?

— Потому что никто никогда не соединял вместе три или четыре необходимых элемента, то есть две книги и цитаты... Никто, за исключением Арсена Люпена и меня.

— А также меня, — возразил Деван, — и аббата Жели... Мы оба знали обо всем этом столько же, сколько вы, и однако...

Шолмс улыбнулся:

— Не все люди умеют разгадывать загадки, месье Деван.

— Но я уже десять лет ломаю голову. А вы за десять минут...

— Привычка...

Они вышли из часовни, и англичанин воскликнул:

— Посмотрите, нас ждет автомобиль!

— Но это же моя машина!

— Ваша? А я думал, что шофер еще не вернулся.

— В самом деле... интересно...

Они подошли к машине, и Деван спросил шофера:

— Эдуар, кто велел вам приехать сюда?

— Месье Вельмон, — ответил тот.

— Месье Вельмон? Значит, вы его встретили?

— Недалеко от вокзала. И он велел мне ехать к часовне.

— Ехать к часовне! Но зачем?

— Чтобы подождать вас, месье... и вашего гостя...

Деван и Херлок Шолмс посмотрели друг на друга.

— Он понял, что эта загадка для вас детская забава, — сказал Деван. —

И выразил свое почтение в столь деликатной форме.

Узкие губы сыщика сморщились в довольной улыбке. Почтение нравилось ему. Покачав головой, он произнес:

— Это настоящий человек. Стоило увидеть его, как все стало понятно.

— Значит, вы его видели?

— Мы совсем недавно столкнулись на дороге.

— И вы знали, что это был Орас Вельмон, я хочу сказать, Арсен Люпен?

— Нет, но я очень быстро догадался... по некоторой иронии с его стороны.

— И вы выпустили его из рук?

— Конечно, выпустил... хотя на моей стороне была сила... мимо проезжали пять жандармов.

— Но черт побери! Это же была уникальная возможность, которой надо было воспользоваться...

— Вот именно, месье, — высокомерно заявил англичанин, — когда речь идет о таких противниках, как Арсен Люпен, Херлок Шолмс не пользуется случаем... Он его создает...

Но время поджимало, и, поскольку Арсен Люпен проявил столь трогательное внимание и прислал автомобиль, пришлось немедленно воспользоваться им. Деван и Херлок Шолмс уселись на заднем сиденье комфортабельного лимузина. Эдуар крутанул руль, и они тронулись. За окном мелькали поля и рощи. Отлогие холмы Ко постепенно сменились равниной. Вдруг взгляд Девана привлек маленький пакетик, лежавший в одном из кармашков на дверце.

— Посмотрите, что это? Какой-то пакетик. Кому же он предназначен? О, это вам.

— Мне?

— Читайте: «Господину Херлоку Шолмсу от Арсена Люпена».

Англичанин схватил пакетик. Развязал его и развернул два листочка бумаги, в которую было что-то завернуто. Это были его часы.

— О! — произнес он, с досадой махнув рукой.

— Часы, — сказал Деван, — вы случайно не...?

Англичанин молчал.

— Ну и ну! Ваши часы! Арсен Люпен возвращает вам ваши часы! Но если он их возвращает, значит, до этого украл... Он украл ваши часы! О! Вот это да! Арсен Люпен украл часики у самого Херлока Шолмса. Боже, как смешно! Нет, вправду... простите, пожалуйста... но это сильнее меня.

А когда насмеялся от души, сказал с полной убежденностью:

— Да! Он действительно настоящий человек.

Англичанин не моргнул глазом. Не произнес ни слова до самого Дъеппа, глаза его были прикованы к плывущему горизонту. Его молчание было ужасным, непостижимым, более странным, чем самая неистовая ярость. На платформе Шолмс просто и на этот раз без гнева, правда, тоном, в который вложил всю свою волю и энергию, сказал:

— Да, это настоящий человек, и я бы с удовольствием положил ему на плечо руку, которую протягиваю вам, месье Деван. Но знаете, мне кажется, что Арсен Люпен и Херлок Шолмс когда-нибудь снова померяются силами... Ведь мир настолько мал, что им трудно не встретиться... но в тот день...

СНОСКИ

1

Malaquis — название замка на слух воспринимается так же, как mal
acquis — «труднодоступный».

[FbAutId_1](#)

Эльзевир — название книг, напечатанных в знаменитых голландских типографиях XVI—XVII вв.

[FbAutId_2](#)

3

«Тибермениль» во французском написании выглядит так: Thibermesnil. Логика дальнейших рассуждений Шолмса связана с написанием этого слова.

[FbAutId_3](#)

4

Буква «R» и слово «air» — воздух, а также «L» и «aile» — крыло — во французском языке звучат одинаково.

[FbAutId_4](#)

FB2 document info

Document ID: d9e05679-d934-4243-a871-043422680fb6

Document version: 1.02

Document creation date: 2006-11-01

Created using: FB Tools software

OCR Source: OCR Zmiy

Document authors :

- Vitmaier

Source URLs :

- <http://publ.lib.ru>

Document history:

v 1.0 — создание fb2 Vitmaier v1.01 — включение в серию Ego

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.28.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.28.0 написанного Lord KiRon